

ИВАНЪ БУНИНЪ

РОЗА ІЕРИХОНА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“
БЕРЛИНЪ

1924

1578/12

ИВАНЪ БУНИНЪ

РОЗА ІЕРИХОНА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“

БЕРЛИНЪ

1924

Copyright 1924 by Slowo-Verlag, Berlin

Всѣ права, въ томъ числѣ и право изданія на другихъ языкахъ, принадлежатъ Издательству „Слово“, Берлинъ.

I

РОЗА ІЕРИХОНА

Въ знакъ вѣры въ жизнь вѣчную, въ воскресеніе изъ мертвыхъ, клали на Востокъ въ древности Розу Іерихона въ гроба, въ могилы.

Странно, что назвали розой да еще розой Іерихона этотъ клубокъ сухихъ и колючихъ стеблей, подобный нашему перекасти-поле, эту пустынную жесткую поросль, встрѣчающуюся только въ каменистыхъ пескахъ ниже Мертваго моря, въ безлюдныхъ синайскихъ предгорьяхъ. Но есть преданье, что назвалъ ее такъ самъ Преподобный Савва, избравшій для своей обители страшную Долину Огня и Смерти, нагую и знойную тѣснину, надъ желтыми обрывами которой съ безпощадной яркостью вѣчно блестящая полоса небесной сини: что для него могло быть прекраснѣй и пышнѣе розы, царственнѣй и роскошнѣй садовъ іерихонскихъ, именовавшихся нѣкогда, во времена ихъ ветхозавѣтной славы, Садамъ Господнимъ? Онъ восторженно ухватился за символъ воскресенія, данный ему въ видѣ дикаго и убогаго волчца, и украсилъ его наиболѣе сладчайшими изъ вѣдомыхъ ему земныхъ сравненій.

Ибо онъ, этотъ волчець, воистину чудесенъ. Сорванный и унесенный благочестивымъ странникомъ за тысячи верстъ отъ своей родины, онъ многіе годы можетъ лежать сухимъ, сѣрымъ, мертвымъ. Но будучи положенъ въ

воду, онъ быстро начинаетъ оживать — зеленѣть, распускаться, давать мелкіе листочки и блѣднорозовый цвѣтъ. И бѣдное человѣческое сердце радуется, утѣшается: нѣтъ въ мірѣ смѣрти, нѣтъ гибели тому, что было, чѣмъ жилъ и дышалъ когда-то! Нѣтъ разлукъ и потерь, доколѣ жива моя душа, моя Любовь и Память!

Такъ утѣшаюсь и я, воскрешая въ воспоминаніяхъ тѣ далекія свѣтоносныя страны Востока, гдѣ нѣкогда ступала и моя нога, тѣ благословенные дни, когда на полуднѣ стояло солнце моей жизни, когда въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, рука объ руку съ той, кому Богъ судилъ быть моей спутницей до гроба, совершалъ я свое первое дальнее странствіе, брачное путешествіе, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и паломничествомъ во святую землю Господа нашего Іисуса Христа. Въ великомъ покоѣ вѣковой тишины и забвенія лежали передъ нами ея палестины—плодоносныя долины Галилеи, кремнистые холмы іудейскіе, соль и жупель Пятиградія. Но была весна, и на всѣхъ путяхъ нашихъ, даже на самыхъ скорбныхъ и суровыхъ, весело и мирно цвѣли все тѣ-же вѣчно-юные анемоны и маки, что цвѣли и при Авраамѣ, красовались тѣ-же лиліи полевая и пѣли тѣ же птицы небесныя, блаженной беззаботности которыхъ учила евангельская притча. И сіяли синимъ эфиромъ неоглядныя солнечныя дали и только о радости и молодости говорила среди этого простора, свѣта и блеска голубая вуаль шляпки, бѣлое легкое платье...

Роза Іерихона! Въ живую воду сердца, въ чистую влагу любви, печали и нѣжности погружаю я корни и стебли моего прошлаго—и вотъ опять, опять дивно прозябаетъ мой завѣтный знакъ. Отдались, неотвратимый часъ, когда изсякнетъ эта влага, оскудѣетъ и изсохнетъ сердце — и уже навѣки покроетъ прахъ забвенія и тлѣна Розу моего Іерихона!

СНЫ ЧАНГА

Не все-ли равно, про кого говорить? Заслуживаетъ того каждый изъ жившихъ и живущихъ на землѣ.

Нѣкогда Чангъ узналъ міръ и капитана, своего хозяина, съ которымъ соединилось его земное существованіе. И прошло съ тѣхъ поръ цѣлыхъ шесть лѣтъ, протекло, какъ песокъ въ корабельныхъ песочныхъ часахъ.

Вотъ опять была ночь—сонъ или дѣйствительность?—и опять наступаетъ утро—дѣйствительность или сонъ? Чангъ старъ, Чангъ пьяница—онъ все дремлетъ.

На дворѣ, въ городѣ Одессѣ, зима. Погода злая, мрачная, много хуже той, китайской, когда Чангъ съ капитаномъ встрѣтили другъ друга. Несетъ острымъ мелкимъ снѣгомъ, снѣгъ косо летитъ по ледяному, скользкому асфальту пустого приморскаго бульвара и больно сѣчетъ въ лицо каждому еврею, что, засунувши руки въ карманы и сгорбившись, неумѣло бѣжитъ направо или налево. За гаванью, тоже опустѣвшей, за туманнымъ отъ снѣга заливомъ, слабо видны голые степные берега. Молъ весь дымится густымъ сѣрымъ дымомъ: море съ утра до вечера переваливается черезъ молъ пѣнистыми чревами. Вѣтеръ звонко свищетъ въ телефонныхъ проволокахъ. . .

Въ такіе дни жизнь въ городѣ начинается не рано. Не рано просыпаются и Чангъ съ капитаномъ. Шесть лѣтъ—

много это или мало? За шесть лѣтъ Чангъ съ капитаномъ стали стариками, хотя капитану еще и сорока нѣтъ, и судьба ихъ грубо перемѣнилась. По морямъ они уже не плаваютъ—живутъ «на берегу», какъ говорятъ моряки, и не тамъ, гдѣ жили когда-то, а въ узкой и довольно мрачной улицѣ, на чердакѣ пятиэтажнаго дома, пахнущаго каменнымъ углемъ, населеннаго евреями, изъ тѣхъ, что въ семью приходятъ только къ вечеру и ужинаютъ въ шляпахъ на затылокъ. Потолокъ у Чанга съ капитаномъ низкій, комната большая и холодная. Въ ней всегда кромѣ того сумрачно: два окна, пробитыя въ наклонной стѣнѣ-крышѣ, невелики и круглы, напоминаютъ корабельныя. Между окнами стоитъ что-то вродѣ комода, а у стѣны налѣво старая желѣзная кровать: вотъ и все убранство этого скучнаго жилища, если не считать камина, изъ котораго всегда дуетъ свѣжимъ вѣтромъ.

Чангъ спитъ въ уголкѣ за каминомъ. Капитанъ на кровати. Какова эта чуть не до полу продавленная кровать и каковъ матрацъ на ней, легко представить себѣ всякій, живавшій на чердакахъ, а нечистая подушка такъ жидка, что капитану приходится подкладывать подъ нее свою тужурку. Однако, и на этой кровати спитъ капитанъ очень спокойно, лежитъ,—на спинѣ, съ закрытыми глазами и сѣрымъ лицомъ,—неподвижно, какъ мертвый. Что за чудесная кровать была у него прежде! Ладная, высокая, съ ящиками, съ постелью глубокой и уютной, съ тонкими и скользкими простынями и холодящими бѣло-снѣжными подушками! Но и тогда, даже въ качку, не спалъ капитанъ такъ крѣпко, какъ теперь: за день онъ сильно устаетъ, да и о чемъ ему теперь тревожиться, что онъ можетъ проспять и чѣмъ можетъ обрадовать его новый день? Было когда-то двѣ правды на свѣтѣ, постоянно смѣнявшихъ другъ друга: первая та, что жизнь несказанно прекрасна, а другая—что жизнь мыслима лишь для

сумасшедшихъ. Теперь капитанъ утверждаетъ, что есть, была и во вѣки вѣковъ будетъ только одна правда, послѣдняя, правда еврея Іова, правда мудреца изъ невѣдомаго племени, Экклесіаста. Часто говоритъ теперь капитанъ, сидя въ пивной: «Помни, человекъ, съ юности твоей тѣ тяжелые дни и годы, о коихъ ты будешь говорить: нѣтъ мнѣ удовольствія въ нихъ!»—Все-же дни и ночи попрежнему существуютъ, и вотъ опять была ночь и опять наступаетъ утро. И капитанъ съ Чангомъ просыпаются.

Но, проснувшись, капитанъ не измѣняетъ позы и не открываетъ глазъ. Что онъ въ эту минуту думаетъ, не знаетъ даже Чангъ, лежащій на полу возлѣ нетопленнаго камина, изъ котораго всю ночь пахло морской свѣжестью. Чангу извѣстно только одно: то, что капитанъ пролежитъ такъ не менѣе часа. Чангъ, поглядѣвъ на капитана уголкомъ глаза, снова смыкаетъ вѣки и снова задремываетъ. Чангъ тоже пьяница, онъ тоже по утрамъ мутенъ, слабъ и чувствуетъ міръ съ тѣмъ томнымъ отвращеніемъ, которое такъ знакомо всѣмъ плавающимъ на корабляхъ и страдающимъ морской болѣзною. И потому, задремывая въ этотъ утренній часъ, Чангъ видитъ сонъ томительный, скучный. . .

Видитъ онъ:

Поднялся на палубу парохода старый, кислоглазый китаецъ, опустился на корячки, сталъ скулить, упрашивать всѣхъ проходящихъ мимо, чтобы купили у него плетушку тухлыхъ рыбокъ, которую онъ принесъ съ собою. Былъ пыльный и холодный день на широкой китайской рѣкѣ. Въ лодкѣ подъ камышевымъ парусомъ, качавшейся на рѣчной мути, сидѣлъ щенокъ, — рыжая собачка, имѣвшая въ себѣ нѣчто лисье и волчье, съ густымъ жесткимъ мѣхомъ вокругъ шеи, — строго и умно водилъ черными

глазами по высокой желѣзной стѣнѣ пароходнаго бока и торчкомъ держалъ уши.

— Продай лучше собаку! — весело и громко, какъ глухому, крикнулъ китайцу молодой капитанъ парохода, безъ дѣла стоявшій на своей вышкѣ.

Китаецъ, первый хозяинъ Чанга, вскинулъ глаза кверху, оторопѣлъ и отъ крика и отъ радости, сталъ кланяться и цокать: «Ve'y good dog, ve'y good!»—И щенка купили,—всего за цѣлковый,—назвали Чангомъ, и поплылъ онъ въ тотъ же день со своимъ новымъ хозяиномъ въ Россію и вначалѣ, цѣлыхъ три недѣли, такъ мучился морской болѣзною, былъ въ такомъ дурманѣ, что даже ничего не видѣлъ: ни океана, ни Сингапура, ни Коломбо...

Въ Китаѣ начиналась осень, погода была трудная. И стало мутить Чанга, едва вышли въ устье. Навстрѣчу несло дождемъ, мглою, сверкали по водной равнинѣ барашки, качалась, бѣжала, всплескивалась сѣро-зеленая зыбь, острая и безтолковая, а плоскія побережья расходились, терялись въ туманѣ—и все больше, больше становилось воды вокругъ. Чангъ, въ своей серебрившейся отъ дождя шубкѣ, и капитанъ, въ непромокаемомъ пальто съ поднятымъ капюшономъ, были на мостикѣ, высота котораго чувствовалась теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Капитанъ командовалъ, а Чангъ дрожалъ и воротилъ отъ вѣтра морду. Вода ширилась, охватывала ненастные горизонты, мѣшалась съ мглистымъ небомъ. Вѣтеръ рвалъ съ крупной шумной зыби брызги, налеталъ откуда попало, свисталъ въ реяхъ и гулко хлопалъ внизу парусиновыми тентами, межъ тѣмъ какъ матросы, въ кованыхъ сапогахъ и мокрыхъ накидкахъ, отвязывали, ловили и скатывали ихъ. Вѣтеръ искалъ, откуда бы покрѣпче ударить, и какъ только пароходъ, медленно ему кланявшійся, взялъ покруче вправо, поднялъ его такимъ большимъ, кипучимъ валомъ, что онъ не удержался, рух-

нулъ съ переката вала, зарываясь въ пѣну, а въ штурманской рубкѣ съ дребезгомъ и звономъ полетѣла на полъ кофейная чашка, забытая на столикѣ лакеемъ. . . И съ этой минуты пошла музыка!

Дни потомъ были всякіе: то огнемъ жгло съ сіяющей лазури солнце, то горами громоздились и раскатывались ужасающимъ громомъ тучи, то потопами обрушивались на пароходъ и на море буйные ливни; но качало, качало непрерывно, даже и во время стоянокъ. Въ конецъ замученный, ни разу за цѣлыхъ три недѣли не покинулъ Чангъ своего угла въ жаркомъ полутемномъ корридорѣ среди пустыхъ каютъ второго класса, на ютѣ, возлѣ высокоаго порога двери на палубу, отворявшейся только разъ въ сутки, когда вѣстовой капитана приносилъ Чангу пищу. И отъ всего пути до Краснаго моря остались въ памяти Чанга только тяжкіе скрипы переборокъ, дурнота и замираніе сердца, то летѣвшаго вмѣстѣ съ дрожащей кормой куда-то въ пропасть, то возносившагося въ небо, да колючій, смертный ужасъ, когда объ эту высоко поднятую и вдругъ снова завалившуюся на-сторону корму, грохочущую винтомъ въ воздухѣ, съ пушечнымъ выстрѣломъ расшибалась цѣлая водяная гора, гасившая дневной свѣтъ въ иллюминаторахъ и потомъ стекавшая по ихъ толстымъ стекламъ мутными потоками. Слышалъ больной Чангъ далекіе командные крики, гремучіе свистки боцмана, топотъ матросскихъ ногъ гдѣ-то надъ головой, слышалъ плескъ и шумъ воды, различалъ полузакрытыми глазами полутемный корридоръ, загроможденный рогожными тюками чая,—и шалѣлъ, пьянѣлъ отъ тошноты, жары и крѣпкаго чайнаго запаха. . .

Но тутъ сонъ Чанга обрывается.

Чангъ вздрагиваетъ и открываетъ глаза: это уже не волна съ пушечнымъ выстрѣломъ ударила въ корму—это грохнула гдѣ-го внизу дверь, съ размаху кѣмъ-то брошен-

ная. И вслѣдъ за этимъ громко откашливается и медленно встаетъ со своего вдавленного одра капитанъ. Онъ натягиваетъ на ноги и зашнуровываетъ разбитые башмаки, надѣваетъ вынутую изъ-подъ подушки черную тужурку съ золотыми пуговицами и идетъ къ камину, межъ тѣмъ какъ Чангъ, въ своей рыжей поношенной шубкѣ, недовольно, съ визгомъ зѣваетъ, поднявшись съ пола. На комодѣ стоитъ начатая бутылка водки. Капитанъ пьетъ прямо изъ горлышка и, слегка задохнувшись и отдуваясь въ усы, направляется къ камину, наливаетъ въ плошку, стоящую возлѣ него, водки и для Чанга. Чангъ жадно начинаетъ локать. А капитанъ закуриваетъ и снова ложится—ждать того часа, когда совсѣмъ ободняется. Уже слышенъ отдаленный гулъ трамвая, уже льется далеко внизу, на улицѣ, непрерывное цоканье копытъ по мостовой, но выходить еще рано. И капитанъ лежитъ и курить. Кончивъ локать, ложится и Чангъ. Онъ вскакиваетъ на кровать, свертывается клубкомъ у ногъ капитана и медленно вплываетъ въ то блаженное состояніе, которое всегда даетъ водка. Полузакрытые глаза его туманятся, онъ слабо глядитъ на хозяина и, чувствуя все возрастающую нѣжность къ нему, думаетъ то, что можно выразить по-человѣчески такъ: «Ахъ, глупый, глупый! Есть только одна правда на свѣтѣ, и если бы ты зналъ, какая эта чудесная правда!» И опять не то снится, не то думается Чангу то далекое утро, когда, послѣ мучительнаго, безпокойнаго океана, вошелъ пароходъ, плывшій изъ Китая съ капитаномъ и Чангомъ, въ Красное море. . .

Снится ему:

Проходя Перимъ, все медленнѣе, точно баюкая, размахивался пароходъ и впалъ Чангъ въ сладкій и глубокій сонъ. И вдругъ очнулся. И очнувшись, изумился выше всякой мѣры: вездѣ было тихо, мѣрно дрожала и никуда не падала корма, ровно шумѣла вода, бѣжавшая гдѣ-то за

стѣнами, теплый кухонный запахъ, тянувшій изъ-подъ двери на палубу, былъ очарователенъ. . . Чангъ привсталъ и поглядѣлъ въ пустую каютъ-компанію: тамъ, въ сумракѣ, мягко свѣтилось что-то золотисто-лиловое, что-то едва уловимое глазомъ, но необыкновенно радостное—тамъ, въ солнечно-голубую пустоту, на просторѣ, на воздухѣ, были открыты задніе иллюминаторы, а по низкому потолку струились, текли и не утекали извилистые зеркальные ручьи. . . И случилось съ Чангомъ то же, что не разъ случалось въ тѣ времена и съ его хозяиномъ, капитаномъ: онъ вдругъ понялъ, что существуетъ въ мірѣ не одна, а двѣ правды—одна та, что жить на свѣтѣ и плавать ужасно, а другая. . . Но о другой Чангъ не успѣлъ додумать: въ неожиданно распахнувшуюся дверь онъ увидѣлъ трапъ на спардэкъ, черную, блестящую громаду пароходной трубы, ясное небо лѣтняго утра и быстро идущаго изъ-подъ трапа, изъ машиннаго отдѣленія, капитана, размытаго и выбритаго, благоухающаго свѣжестью одеколона, съ поднятыми по-нѣмецки русыми усами, съ сіяющимъ взглядомъ зоркихъ свѣтлыхъ глазъ, во всемъ тугомъ и бѣлоснѣжномъ. И увидѣвъ все это, Чангъ такъ радостно рванулся впередъ, что капитанъ на-лету подхватилъ его, чмокнулъ въ голову и, повернувъ назадъ, въ три прыжка выскочилъ, на рукахъ съ нимъ, на спардэкъ, на верхнюю палубу, а оттуда еще выше, на тотъ самый мостикъ, гдѣ такъ страшно было въ устьѣ великой китайской рѣки.

На мостикѣ капитанъ вошелъ въ штурманскую рубку, а Чангъ, брошенный на полъ, немного посидѣлъ, трубой распушивъ по гладкимъ доскамъ свой лисій хвостъ. Сзади Чанга было очень горячо и свѣтло отъ невысокаго солнца. Горячо, должно быть, было и въ Аравіи, близко проходившей справа своимъ золотымъ побережьемъ и своими черно-коричневыми горами, своими пиками, похожими на

горы мертвой планеты, тоже глубоко засыпанными сухимъ золотомъ,—всей своей песчано-гористой пустыней, видной необыкновенно четко, такъ, что, казалось, туда можно перепрыгнуть. А наверху, на мостикъ, еще чувствовалось утро, еще тянуло легкой свѣжестью, и бодро гулялъ взадъ и впередъ помощникъ капитана,—тотъ самый, что потомъ такъ часто до бѣшенства доводилъ Чанга, дую ему въ носъ,—человѣкъ въ бѣлой одеждѣ, въ бѣломъ шлемѣ и въ страшныхъ черныхъ очкахъ, все поглядывавшій на поднебесное остріе передней мачты, надъ которой бѣлымъ страусовымъ перомъ курчавилось тончайшее облачко. . . Потомъ капитанъ крикнулъ изъ рубки: «Чангъ! Кофе пить!» И Чангъ тотчасъ вскочилъ, обѣжалъ рубку и ловко сигнулъ черезъ ея мѣдный порогъ. И за порогомъ оказалось еще лучше, чѣмъ на мостикъ: тамъ былъ широкой кожаный диванъ, придѣланный къ стѣнѣ, надъ нимъ висѣли какія-то блестящія стекломъ и стрѣлками штуки вродѣ круглыхъ стѣнныхъ часовъ, а на полу стояла полоскательница съ бурдой изъ сладкаго молока и хлѣба. Чангъ сталъ жадно локать, а капитанъ занялся дѣломъ: онъ развернулъ на стойкѣ, помѣщавшейся подъ окномъ противъ дивана, большую морскую карту и, положивъ на нее линейку, твердо прорѣзалъ алыми чернилами длинную полоску. Чангъ, кончивъ локать, съ молокомъ на усахъ, подпрыгнулъ и сѣлъ на стойкѣ возлѣ самаго окна, за которымъ синѣла отложнымъ воротомъ просторная рубаха матроса, стоявшаго спиной къ окну передъ колесомъ съ рогами. И тутъ капитанъ, который, какъ оказалось впоследствии, очень любилъ поговорить, будучи наединѣ съ Чангомъ, сказалъ Чангу:

— Видишь, братецъ, вотъ это и есть Красное море. Надо намъ съ тобой пройти его поумнѣ,—ишь, какое оно пестрое,—надо мнѣ тебя доставить въ Одессу въ полной сохранности, потому что тамъ уже знаютъ о твоёмъ су-

ществованіи. Я уже проболтался про тебя одной прекапризной дѣвчонкѣ, похвастался передъ ней твоей милостью по такому, понимаешь-ли, длинному канату, что проложенъ умными людьми на днѣ всѣхъ морей-океановъ . . . Я, Чангъ, все-таки ужасно счастливый человѣкъ, такой счастливый, что ты даже и представить себѣ не можешь, и потому мнѣ ужасно не хочется напоротся на какой-нибудь изъ этихъ рифовъ, осрамиться до девятой пуговицы на своемъ первомъ дальнемъ рейсѣ. . .

И говоря такъ, капитанъ вдругъ строго глянулъ на Чанга и далъ ему пощечину:

— Лапы прочь! — крикнулъ онъ начальственно. — Не смѣй лѣзть на казенное добро!

И Чангъ, мотнувъ головой, зарычалъ и зажмурился. Это была первая пощечина, полученная имъ, и онъ обидѣлся, ему опять показалось, что жить на свѣтѣ и плавать—скверно. Онъ отвернулся, гася и сокращая свои прозрачно-желтые глаза, и съ тихимъ рычаніемъ оскалилъ свои волчьи зубы. Но капитанъ не придалъ значенія его обидѣ. Онъ закурилъ папиросу и вернулся на диванъ, вынулъ изъ бокового кармана пикейной куртки золотые часы, отколупнулъ крѣпкимъ ногтемъ ихъ крышки и, глядя на что-то сіяющее, необыкновенно живое, торопливое, что бѣжало и звонко шептало внутри часовъ, опять заговорилъ дружески. Онъ опять сталъ рассказывать Чангу о томъ, что онъ везетъ его въ Одессу, на Елисаветинскую улицу, что на Елисаветинской улицѣ есть у него, у капитана, во-первыхъ, квартира, во-вторыхъ, красавица-жена и, въ третьихъ, чудесная дочка, и что онъ, капитанъ, все-таки очень счастливый человѣкъ.

— Все-таки, Чангъ, счастливый!—сказалъ капитанъ, а потомъ прибавилъ:

— Дочка эта самая, Чангъ, дѣвочка рѣзвая, любопытная, настойчивая,—плохо тебѣ будетъ временами, особли-

во твоему хвосту! Но если бы ты зналъ, Чангъ, что это за прелестное существо! Я, братецъ, такъ люблю ее, что даже боюсь своей любви: для меня весь міръ только въ ней,—ну, скажемъ, почти въ ней,—а развѣ такъ полагается? Да и вообще, слѣдуетъ-ли кого-нибудь любить такъ сильно?—спросилъ онъ.—Развѣ глупѣе насъ съ тобой были всѣ эти ваши Будды, а послушай-ка, что они говорятъ объ этой любви къ міру и вообще ко всему тѣлесному—отъ солнечнаго свѣта, отъ волны, отъ воздуха и до женщины, до ребенка, до запаха бѣлой акаціи! Или: знаешь-ли ты, что такое Тао, выдуманное вами же, китайцами? Я, братъ, самъ плохо знаю, да и всѣ плохо знаютъ это, но насколько можно понять, вѣдь это что такое? Бездна-Праматерь, она же родить и поглощаетъ и, поглощая, снова родить все сущее въ мірѣ, а иначе сказать—тотъ Путь всего сущаго, коему не должно противиться ничто сущее. А вѣдь мы поминутно противимся ему, поминутно хотимъ повернуть не только, скажемъ, душу любимой женщины, но и весь міръ по-своему! Жутко жить на свѣтѣ, Чангъ,—сказалъ капитанъ,—очень хорошо, а жутко, и особенно такимъ, какъ я! Ужъ очень я жаденъ до счастья и ужъ очень часто сбиваюсь: темень и золь этотъ Путь, или же совсѣмъ, совсѣмъ напротивъ?

И, помолчавъ, еще прибавилъ:

— Главная штука вѣдь въ чемъ? Когда кого любишь, никакими силами никто не заставитъ тебя вѣрить, что можетъ не любить тебя тотъ, кого ты любишь. И вотъ тутъ-то, Чангъ, и зарыта собака. А какъ великолѣпна жизнь, Боже мой, какъ великолѣпна!

Накаляемый уже высоко поднявшимся солнцемъ и чуть дрожащій на бѣгу пароходъ неустанно разрѣзалъ заштильвшее въ безднѣ знойнаго воздушнаго пространства Красное море. Свѣтлая пустота тропическаго неба глядѣла въ дверь рубки. Близился полдень, мѣдный порогъ такъ

и горѣль на солнцѣ. Стекловидные валы все медлительнѣе перекатывались за бортомъ, вспыхивая ослѣпительнымъ блескомъ и озаряя рубку. Чангъ сидѣлъ на диванѣ, слушая капитана. Капитанъ, гладившій голову Чанга, спихнулъ его на полъ—«нѣтъ, братъ, жарко!»—сказалъ онъ,—но на этотъ разъ Чангъ не обидѣлся: слишкомъ хорошо было жить на свѣтѣ въ этотъ радостный полдень. А потомъ. . .

Но тутъ опять прерывается сонъ Чанга.

— Чангъ, идемъ!—говоритъ капитанъ, сбрасывая ноги съ кровати. И опять съ удивленіемъ видитъ Чангъ, что онъ не на парходѣ въ Красномъ морѣ, а на чердакѣ въ Одессѣ, и что на дворѣ и впрямь полдень, только не радостный, а темный, скучный, непріязненный. И тихо рычитъ на капитана, потревожившаго его. Но капитанъ, не обращая на него вниманія, надѣваетъ старый форменный картузь и такое же пальто и, запустивъ руки въ карманы и сгорбившись, идетъ къ двери. Поневолѣ приходится и Чангу спрыгивать съ кровати. По лѣстницѣ капитанъ спускается тяжело и неохотно, точно въ силу нудной необходимости. Чангъ катится довольно быстро: его бодритъ еще неулегшееся раздраженіе, которымъ всегда кончается блаженное состояніе послѣ водки. . .

Да, вотъ уже два года, изо дня въ день, занимаются Чангъ съ капитаномъ тѣмъ, что ходятъ по ресторанамъ. Тамъ они пьютъ, закусываютъ, глядятъ на другихъ пьяницъ, пьющихъ и закусывающихъ рядомъ съ ними, среди шума, табачнаго дыма и всякаго зловонія. Чангъ лежитъ у ногъ капитана, на полу. А капитанъ сидитъ и куритъ, крѣпко положивъ, по своей морской привычкѣ, локти на столъ, ждетъ того часа, когда надо будетъ, по какому-то имъ самимъ выдуманному закону, перекочевать въ другой ресторанъ или кофейню: завтракаютъ Чангъ съ ка-

питаномъ въ одномъ мѣстѣ, кофе пьютъ въ другомъ, обѣдаютъ въ третьемъ, ужинаютъ въ четвертомъ. Обычно капитанъ молчитъ. Но бываетъ, что встрѣтится капитанъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ прежнихъ друзей и тогда весь день говоритъ безъ умолку о ничтожествѣ жизни и поминутно угощаетъ виномъ то себя, то собесѣдника, то Чанга, передъ которымъ всегда стоитъ на полу какая-нибудь посудинка. Именно такъ проведутъ они и нынѣшній день: нынче они условились позавтракать съ однимъ старымъ пріателемъ капитана, съ художникомъ въ цилиндрѣ. А это значить, что будутъ они сидѣть сперва въ вонючей пивной, среди краснолицыхъ нѣмцевъ, — людей тупыхъ, дѣльныхъ, работающихъ съ утра до вечера съ тою цѣлью, конечно, чтобы пить, ѣсть, снова работать и плодить себѣ подобныхъ, — потомъ пойдутъ въ кофейню, биткомъ набитую греками и евреями, вся жизнь которыхъ, тоже безсмысленная, но очень тревожная, поглощена непрестаннымъ ожиданіемъ биржевыхъ слуховъ, а изъ кофейни отправятся въ ресторанъ, куда стекается всякое человѣческое отребье, — и просидятъ тамъ до поздней ночи. . .

Зимній день коротокъ, а за бутылкой вина, за бесѣдой съ пріателемъ онъ еще короче. И вотъ уже побывали Чангъ, капитанъ и художникъ и въ пивной, и въ кофейнѣ и шестой часъ сидятъ, пьютъ въ ресторанѣ. И опять капитанъ, положивъ локти на столъ, горячо увѣряетъ художника, что есть только одна правда на свѣтѣ, — злая и низкая. — Ты посмотри кругомъ, говоритъ онъ, ты только вспомни всѣхъ тѣхъ, что ежедневно видимъ мы съ тобой въ пивной, въ кофейнѣ, на улицѣ! Другъ мой, я видѣлъ весь земной шаръ — жизнь вездѣ такова! Все это ложь и вздоръ, чѣмъ будто бы живутъ люди: нѣтъ у нихъ ни Бога, ни совѣсти, ни разумной цѣли существованія, ни любви, ни дружбы, ни честности, — нѣтъ даже

простой жалости. Жизнь скучный, зимній день въ грязномъ кабацѣ, не болѣе. . .

И Чангъ, лежа подъ столомъ, слушаетъ все это въ туманѣ хмѣля, въ которомъ уже нѣтъ болѣе возбужденія. Соглашается онъ или не соглашается съ капитаномъ? На это нельзя отвѣтить опредѣленно, но разъ ужъ нельзя, значить, дѣло плохо. Чангъ не знаетъ, не понимаетъ, правъ-ли капитанъ; да вѣдь всѣ мы говоримъ «не знаю, не понимаю» только въ печали: въ радости всякое живое существо увѣрено, что оно все знаетъ, все понимаетъ. . . Но вдругъ точно солнечный свѣтъ прорѣзываетъ этотъ туманъ: вдругъ раздается стукъ палочки по пюпитру на эстрадѣ ресторана — и запѣваетъ скрипка, за ней другая, третья. . . Онѣ поютъ все страстнѣй, все звончѣе — и черезъ минуту переполняется душа Чанга совсѣмъ иной тоской, совсѣмъ иной печалью. Она дрожитъ отъ непонятнаго восторга, отъ какой-то сладкой муки, отъ жажды чего-то — и уже не разбираетъ Чангъ, во снѣ онъ или на-яву. Онъ всѣмъ существомъ своимъ отдается музыкѣ, покорно слѣдуетъ за ней въ какой-то иной мѣръ — и снова видитъ себя на порогѣ этого прекраснаго міра, неразумнымъ, довѣрчивымъ къ міру щенкомъ на пароходѣ въ Красномъ морѣ. . .

— Да, такъ какъ это было? — не то снится, не то думается ему. — Да, помню: хорошо было жить въ жаркѣй полдень въ Красномъ морѣ! Чангъ съ капитаномъ сидѣли въ рубкѣ, потомъ стояли на мостикѣ. . . О, сколько было свѣта, блеска, синевы, лазури! Какъ удивительно цвѣтисты были на фонѣ неба всѣ эти бѣлыя, красныя и желтыя рубахи матросовъ, съ растопыренными руками развѣшенныя на носу! А потомъ Чангъ съ капитаномъ и прочими моряками, у которыхъ лица были кирпичныя, глаза маслянистыя, а лбы бѣлые и потные, завтракалъ въ жаркой каютѣ-компаніи перваго класса, подъ жужжащимъ

и дующимъ изъ угла электрическимъ вентиляторомъ, послѣ завтрака вздремнулъ немного, послѣ чая обѣдалъ, а послѣ обѣда опять сидѣлъ наверху, передъ штурманской рубкой, — гдѣ лакей поставилъ для капитана полотняное кресло, — и смотрѣлъ далеко за море, на закатъ, нѣжно зеленѣвшій въ разноцвѣтныхъ и разноформенныхъ тучкахъ, на виннокрасное, лишенное лучей солнце, которое, коснувшись мутнаго горизонта, вдругъ вытянулось и стало похоже на темно-огненную митру. . . Быстро бѣжалъ пароходъ вдогонку за нимъ, такъ и мелькали за бортомъ гладкіе водяные горбы, отливающіе сине-лиловой шагренью, но солнце спѣшило, спѣшило, — море точно втягивало его, — и все уменьшалось да уменьшалось, стало длиннымъ раскаленнымъ углемъ, задрожало и потухло, а какъ только потухло, сразу пала на весь міръ тѣнь какой-то печали, и сильнѣй заволновался все крѣпчавшій къ ночи вѣтеръ. Капитанъ, глядя на темное пламя заката, сидѣлъ съ раскрытой головою, съ колеблющимися отъ вѣтра волосами, и лицо его было задумчиво, гордо и грустно, и чувствовалось, что все таки онъ счастливъ, и что не только весь этотъ бѣгушій по его волѣ пароходъ, но и цѣлый міръ въ его власти, потому что весь міръ былъ въ его душѣ въ эту минуту — и потому еще, что и тогда уже пахло виномъ отъ него. . .

Ночь же настала страшная и великолѣпная. Она была черная, тревожная, съ беспорядочнымъ вѣтромъ и съ такимъ полнымъ свѣтомъ шумно взметывавшихся вокругъ парохода волнъ, что порою Чангъ, бѣгавшій за быстро и безостановочно гулявшимъ по палубѣ капитаномъ, съ визгомъ отскакивалъ отъ борта. И капитанъ опять взялъ Чанга на руки и, приложивъ щеку къ его бьющемуся сердцу, — вѣдь оно билось совершенно такъ же, какъ и у капитана! — прошелъ съ нимъ въ самый конецъ палубы, на ютъ, и долго стоялъ тамъ въ темнотѣ, очаровывая

Чанга дивнымъ и ужаснымъ зрѣлищемъ: изъ-подъ высокой, громадной кормы, изъ-подъ глухо бушующаго винта, съ сухимъ шорохомъ сыпались мириады бѣло-огненныхъ иглъ, вырывались и тотчасъ-же уносились въ снѣжную искристую дорогу, прокладываемую пароходомъ, то огромныя голубыя звѣзды, то какіе-то тугіе синіе клубы, которые ярко разрывались и, угасая, таинственно дымились внутри кипящихъ водяныхъ бугровъ блѣдно-зеленымъ фосфоромъ. Вѣтеръ съ разныхъ сторонъ, сильно и мягко билъ изъ темноты въ морду Чанга, раздувалъ и охлаждал густой мѣхъ на его груди, и, крѣпко, родственно прижимаясь къ капитану, обонялъ Чангъ запахъ какъ-бы холодной сѣры, дышалъ взрытой утробой морскихъ глубинъ, а корма дрожала, ее опускало и поднимало какой-то великой и несказанно своободной силой, и онъ качался, качался, возбужденно созерцая эту слѣпую и темную, но стократъ живую, глухо бунтующую Бездну. И порой какая-нибудь особенно шальная и тяжелая волна, съ шумомъ пролетавшая мимо кормы, жутко озаряла руки и серебряную одежду капитана. . .

Въ эту ночь капитанъ въ первый разъ привелъ Чанга въ свою каюту, большую и уютную, мягко освѣщенную лампой подъ краснымъ шелковымъ абажуромъ. На письменномъ столѣ, плотно умѣстившемся возлѣ капитанской кровати, стояли тамъ, въ тѣни и свѣтѣ лампы, два фотографическихъ портрета: хорошенькая сердитая дѣвочка въ локонахъ, капризно и вольно сидѣвшая въ глубокомъ креслѣ, и молодая дама, изображенная почти во весь ростъ, съ кружевнымъ бѣлымъ зонтикомъ на плечѣ, въ кружевной большой шляпкѣ и въ нарядномъ весеннемъ платьѣ,—стройная, тонкая, прелестная и печальная, какъ грузинская царевна. И капитанъ сказалъ, раздѣваясь подъ шумъ черныхъ волнъ за открытымъ окномъ:

— Не будетъ, Чангъ, любить насъ съ тобой эта жен-

щина! Есть, братъ, женскія души, которыя вѣчно томятся какой-то печальной жаждой любви и которыя отъ этого отъ самага никогда и никого не любятъ. Есть такія — и какъ судить ихъ за всю ихъ безсердечность, лживость, мечты о сценѣ, о собственномъ автомобилѣ, о пикникахъ на яхтахъ, о какомъ-нибудь спортсменѣ, притворяющемся англичаниномъ, раздирающемъ свои сальные отъ фиксауара волосы на прямой рядъ? Кто ихъ разгадаетъ? Всякому свое, Чангъ, и не слѣдуютъ-ли онѣ сокровеннѣйшимъ велѣніямъ самой Тао, какъ слѣдуетъ имъ какая-нибудь морская тварь, вольно ходящая вотъ въ этихъ черныхъ, огненно-панцирныхъ волнахъ?

— У-у! — сказалъ капитанъ, садясь на стулъ, мотая головой и развязывая шнурки бѣлаго башмака: — Что только было со мной, Чангъ, когда я въ первый разъ почувствовалъ, что она уже не совсѣмъ моя, — въ ту ночь, когда она въ первый разъ одна была на яхтѣ-клубскомъ балу и вернулась подъ утро, точно поблекшая роза, блѣдная отъ усталости и еще неулегшагося возбужденія, съ глазами сплошь темными, расширенными и далекими отъ меня! Если-бы ты зналъ, какъ неподражаемо хотѣла она одурачить меня, съ какимъ простымъ удивленіемъ спросила: «А ты еще не спишь, бѣдный?» Тутъ я даже слова не могъ выговорить, и она сразу поняла меня и смолкла, — только быстро взглянула на меня, — и молча стала раздѣваться. Я хотѣлъ убить ее, но она сухо и спокойно сказала: «помоги мнѣ разстегнуть сзади платье» — и я покорно подошелъ и сталъ дрожащими руками отстегивать эти крючки и кнопки — и какъ только увидѣлъ въ раскрывшееся платье ея тѣло, ея междуплечье и сорочку, спущенную съ плечъ и засунутую за корсетъ, какъ только услышалъ запахъ ея черныхъ волосъ и взглянулъ въ освѣщенное трюмо, отражавшее ея груди, поднятыя корсетомъ. . .

И, не договоривъ, капитанъ махнулъ рукой.

Онъ раздѣлся, легъ и погасилъ огонь, и Чангъ, перевертываясь и укладываясь въ сафьянномъ креслѣ возлѣ письменнаго стола, видѣлъ, какъ бороздили черную плащаницу моря вспыхивающія и гаснущія полосы бѣлаго пламени, какъ по черному горизонту зловѣще мелькали какіе-то огни, какъ оттуда прибѣгала порою и съ грознымъ шумомъ выростала выше борта и заглядывала въ каюту страшная живая волна, — точно какой-то сказочный змѣй, весь насквозь свѣтившійся самоцвѣтными глазами, прозрачными изумрудами и сапфирами, — и какъ пароходъ отталкивалъ ее прочь и ровно бѣжалъ дальше, среди тяжелыхъ и зыбкихъ массъ этого довременнаго, для насъ уже чуждаго и враждебаго естества, называемаго океаномъ. . .

Ночью капитанъ вдругъ что-то крикнулъ и, самъ испугавшись своего крика, прозвучавшаго какой-то унизительно-жалобной страстью, тотчасъ-же проснулся. Полежавъ минуту молча, онъ вздохнулъ и сказалъ съ усмѣшкой:

— Да-а, исторія! «Золотое кольцо въ ноздрѣ свиньи— женщина прекрасная!» Трижды правъ ты, Соломонъ Премудрый!

Онъ нашель въ темнотѣ папиросницу, закурилъ, но, затянувшись два раза, уронилъ руку—и такъ и заснулъ съ краснымъ огонькомъ папиросы въ рукѣ. И опять стало тихо—только сверкали, качались и съ шумомъ неслись волны мимо борта. Южный Крестъ изъ-за черныхъ тучь...

Но тутъ внезапно оглушаетъ Чанга громовый грохотъ. Чангъ въ ужасѣ вскакиваетъ. Что случилось? Опять ударился, по винѣ пьянаго капитана, пароходъ о подводные камни, какъ это было три года тому назадъ? Опять выстрѣлилъ капитанъ изъ пистолета въ свою прелестную и печальную жену? Нѣтъ, кругомъ не ночь, не море и не

зимній полдень на Елисаветинской, а очень свѣтлый, полный шума и дыма ресторанъ: это пьяный капитанъ ударилъ кулакомъ по столу и кричитъ художнику:

— Вздоръ, вздоръ! Золотое кольцо въ ноздрѣ свиньи, вотъ кто твоя женщина! «Коврами я убрала постель мою, разноцвѣтными тканями египетскими: зайдемъ, будемъ упиваться нѣжностью, потому что мужа нѣтъ дома. . .» А-а, женщина! «Домъ ея ведетъ къ смерти и стези ея—къ мертвецамъ. . .» Но довольно, довольно, другъ мой. Пора, запирають, — идемъ!

И черезъ минуту капитанъ, Чангъ и художникъ уже на темной улицѣ, гдѣ вѣтеръ съ снѣгомъ задуваетъ фонари. Капитанъ цѣлуетъ художника, и они расходятся въ разныя стороны. Чангъ, полусонный, угрюмый, бочкомъ бѣжитъ по тротуару за быстро идущимъ и шатающимся капитаномъ. . . Опять прошелъ день, — сонъ или дѣйствительность? — и опять въ мирѣ тьма, холодъ, утомленіе. . . Нѣтъ, правъ, правъ капитанъ: жизнь — ядовитый алкоголь, не болѣе. . .

Такъ, однообразно, проходятъ дни и ночи Чанга. Какъ вдругъ однажды утромъ миръ, точно пароходъ, съ разбѣгу налетаетъ на скрытый отъ невнимательныхъ глазъ подводный рифъ. Проснувшись въ одно зимнее утро, Чангъ поражается великой тишиной, царящей въ комнатѣ. Онъ быстро вскакиваетъ съ мѣста, кидается къ постели капитана—и видитъ, что капитанъ лежитъ съ судорожно закинутой назадъ головой, съ лицомъ блѣднымъ и застывшимъ, съ рѣсницами полуоткрытыми и недвижными. И увидѣвъ эти рѣсницы, Чангъ издаетъ такой отчаянный вопль, точно его сшибъ съ ногъ и пополамъ перехватилъ мчащійся по бульвару автомобиль. . .

Потомъ, когда не стоитъ на пятахъ дверь комнаты, когда входятъ, уходятъ и снова приходятъ, громко разго-

варивая, самые разные люди,—дворники, полицейскіе, художникъ въ цилиндрѣ и всякіе другіе господа, съ которыми сиживаль капитанъ въ ресторанахъ,—Чангъ какъ бы каменѣеть. . . О, какъ страшно говорилъ когда-то капитанъ: «Въ тотъ день задрожать стерегушіе домъ и помрачатся смотрящіе въ окно; и высоты будутъ имъ страшны, и на дорогѣ ужасы: ибо отходитъ человѣкъ въ вѣчный домъ свой, и готовы окружить его плакальщицы; ибо разбился кувшинъ у источника и обрушилось колесо надъ колодеземъ. . .» Но теперъ Чангъ не чувствуетъ даже ужаса. Онъ лежитъ на полу, мордой въ уголъ, крѣпко закрывши глаза, чтобы не видѣть міра, чтобы забыть о немъ. И міръ шумитъ надъ нимъ глухо и отдаленно, какъ море надъ тѣмъ, кто все глубже и глубже опускается въ его бездну.

А снова приходитъ онъ въ себя уже на паперти, у дверей костела. Онъ сидитъ возлѣ нихъ съ поникшей головой, тупой, полумертвый — только весь дрожитъ мелкой дрожью. И вдругъ распаивается дверь костела — и ударяетъ въ глаза и въ сердце Чанга дивная, вся звучащая и поющая картина: передъ Чангомъ полутемный готическій чертогъ, красныя звѣзды огней, цѣлый лѣсъ тропическихъ растений, высоко вознесенный на черный помостъ гробъ изъ дуба, черная толпа народа, двѣ дивныя въ своей мраморной красотѣ и глубокомъ траурѣ женщины,—точно двѣ сестры разныхъ возрастовъ,—а надо всѣмъ этимъ—гуль, громы, клиръ звонко вопіющихъ о какой-то скорбной радости ангеловъ, торжество, смятеніе, величіе—и все собой покрывающія, неземныя пѣснопѣнія. И дыбомъ становится вся шерсть на Чангѣ отъ боли и восторга передъ этимъ звучащимъ видѣніемъ. И художникъ, съ красными глазами вышедшій въ эту минуту изъ костела, въ изумленіи останавливается:

— Чангъ! — тревожно говоритъ онъ, наклоняясь къ Чангу:—Чангъ, что съ тобою?

И коснувшись задрожавшей рукой головы Чанга, наклоняется еще ниже—и глаза ихъ, полные слезъ, встрѣчаются въ такой любви другъ къ другу, что все существо Чанга беззвучно кричитъ всему міру: ахъ, нѣтъ, нѣтъ—есть на землѣ еще какая-то, мнѣ невѣдомая, третья правда!

Въ этотъ день, возвратясь съ кладбища, Чангъ переселяется въ домъ своего третьяго хозяина—снова на вышку, на чердакъ, но теплый, благоухающій сигарой, устланный коврами, уставленный старинной мебелью, увѣшанный огромными картинами и парчевыми тканями. . . Темнѣетъ, каминъ полонъ раскаленными, сумрачно-алыми грудями жара, новый хозяинъ Чанга сидитъ въ креслѣ. Онъ, возвратясь домой, даже не снялъ пальто и цилиндра, сѣлъ съ сигарой въ глубокое кресло и курить, смотритъ въ сумракъ своей мастерской. А усталый, измученный Чангъ лежитъ на коврѣ возлѣ камина, закрывъ глаза, положивъ морду на лапы. И снится, грезится ему:

Кто-то лежитъ теперь тамъ, за темнѣющимъ городомъ, за оградой кладбища, въ томъ, что называется склепомъ, могилой. Но этотъ кто-то не капитанъ, нѣтъ. Если Чангъ любитъ и чувствуетъ капитана, видитъ его взоромъ памяти,—того божественнаго, что онъ самъ не понимаетъ въ себѣ,—значитъ, еще съ нимъ капитанъ: въ томъ безначальномъ и безконечномъ мірѣ, что не доступенъ Смерти. Въ мірѣ этомъ должна быть только одна правда,—третья,—а какая она—про то знаетъ тотъ послѣдній Хозяинъ, къ которому уже скоро долженъ возвратиться Чангъ.

ПЕТЛИСТЫЯ УШИ

Необыкновенно высокій человѣкъ, который называлъ себя бывшимъ морякомъ, Адамомъ Соколовичемъ, многимъ встрѣчался въ этотъ темный и холодный день то возлѣ Николаевского вокзала, то въ разныхъ мѣстахъ Невского проспекта. Съ панели Лиговки онъ, съ непонятной серьезностью, смотрѣлъ на лоснящійся отъ сырости памятникъ Александру III, на вереницу трамвайныхъ вагоновъ, описывающихъ кругъ по площади, на черныя людскія фигуры, на извозчиковъ и ломовыхъ, двигающихся къ вокзалу, на огромный почтовый автомобиль, выѣзжающій изъ-подъ вокзальной арки, на дроги, увозившія куда-то среди этого движенія нищенскій, никѣмъ не провожаемый ярко-желтый гробъ; стоя на Аничковомъ мосту, онъ сумрачно заглядывался на темную воду, на посѣрѣвшія отъ нечистаго снѣга баржи; бродя по Невскому, внимательно изучалъ товары въ окнахъ магазиновъ. Не замѣтить и не запомнить его было нельзя, и всякій, кому онъ попадался на глаза во второй, въ третій разъ, испытывалъ чувство смутной непріятности, какого-то безпокойства и, отворачиваясь, думалъ:

— Ахъ, опять этотъ ужасный господинъ!

Его обувь, узкія брюки, драповое пальто, забрызганное сзади грязью, и кожаный англійскій картузь говорили о

томъ, что они носятя давно, безсмѣнно и во всякую погоду. Необыкновенно высокій, худой и нескладный, долгоногій и съ большими ступнями, съ свѣже выбритымъ ртомъ и желтоватой, довольно рѣдкой американской опушкой подь сильно развитой нижней челюстью, съ лицомъ мрачнымъ, недоброжелательнымъ и сосредоточеннымъ, не выпуская длинныхъ рукъ изъ кармановъ и методически жуя мундштукъ папиросы, онъ подолгу стоялъ передъ витринами. Точно ли ужъ такъ интересовали его всѣ эти галстухи, часы, чемоданы, писчебумажныя принадлежности? Сразу было видно, что нѣтъ, что онъ изъ числа тѣхъ странныхъ людей, которые скитаются по городу съ утра до вечера единственно потому, что могутъ думать только на ходу, на улицѣ, или же вслѣдствіе бездомности, въ ожиданіи чего-нибудь.

Вечеръ онъ провелъ въ дешевомъ ресторанѣ недалеко отъ Разъѣзжей, съ какими-то двумя матросами въ партикулярномъ платьѣ.

Не раздѣваясь, всѣ трое сидѣли въ тусклой и холодной комнатѣ за неудобнымъ столикомъ у стѣны, причемъ Соколовичъ помѣстился особенно неудобно: въ спину ему глядѣлъ маленькій круглоголовый татаринъ, стоявшій въ глубинѣ комнаты за стойкой съ закусками, передъ глазами у него торчала на стѣнѣ реклама пивного завода, изображающая трехъ счастливыхъ хлыщей въ цилиндрахъ на затылокъ и съ пѣнящимися бокалами въ рукахъ, справа поминутно дуло ледяной сыростью, приносимой входящими прямо съ улицы посѣтителеми, а слѣва вѣяло вѣтромъ отъ пробѣгавшихъ къ стойкѣ и обратно официантовъ: тутъ былъ порогъ въ три ступеньки,—ходъ въ коридорчикъ, откуда пахло кухней и кислотой газа,—и видна была открытая дверь въ бильярдную, сверху темную, а внизу свѣтлую, гдѣ крѣпко щелкали шары и ходили съ кіями на плечахъ и въ однихъ жилетахъ мужчины, головы которыхъ

терялись въ сумракѣ. Садясь на свое безпокойное мѣсто, Соколовичъ вынулъ изъ кармана пальто трубку и, перекосивъ брови, пристально посмотрѣлъ на пивную рекламу. Матросы разговаривали съ подошедшимъ официантомъ, а онъ сталъ набивать трубку табакомъ и, ни къ кому не обращаясь, медлительно сказалъ своимъ густымъ голосомъ:

— Почему собираютъ всякій вздоръ, а не собираютъ рекламы, то-есть историческіе документы, наиболѣе правдиво рисующіе человѣческіе идеалы? Развѣ, напримѣръ, вотъ эти франты не выражаютъ мечту девяти десятыхъ всего человѣчества?

— Вы жъ сами панскій сынъ,—непріязненно замѣтилъ на это одинъ изъ матросовъ, Левченко.

— Я сынъ человѣческой,—сказалъ Соколовичъ съ какой-то странной торжественностью, которая могла сойти и за иронію.—Мое панство не помѣшало мнѣ видѣть міръ и всѣхъ боговъ его. Не помѣшало даже быть шоферомъ. . . Это, знаете, очень острое удовольствіе—видѣть, какъ несется на тебя улица и какъ мечется впереди, не зная, въ какую сторону кинутся, какая-нибудь прекрасная дама.

И, сказавъ, закурилъ, поставилъ локоть на столъ, придерживая трубку крупной лѣвой рукой, на которой подъ обшлагомъ не видно было рубашки и на удлиненной плоской кисти синѣла татуировка,—изогнутый японскій драконъ.

Весь вечеръ пили изъ чашекъ, подъ видомъ чая, кавказскій коньякъ, закусывая розовыми мятными пуговками, и немилосердно дымили. Матросы, какъ всѣ рабочіе люди, постоянно оскорбляемые жизнью, много говорили, каждый стараясь говорить только о себѣ, выискивали въ памяти наиболѣе низкіе поступки своихъ враговъ и притѣснителей, хвастались,—одинъ будто бы далъ однажды въ фізіономію придиричивому помощнику капитана, дру-

гой вышвырнулъ за бортъ боцмана,—и безъ всякой причины спорили, поминутно крича:

— Ну, хотите пари?

Соколовичъ сосалъ трубку, двигалъ челюстью и угрюмо молчалъ. Завсегдатай всяческихъ притоновъ отъ Кронштадта до Монтевидео, онъ однако никогда не пьянствовалъ, любилъ только джинджеръ, абсентъ. Въ этотъ вечеръ онъ не отставалъ въ питьѣ отъ своихъ компаньоновъ, но наружно хмель не оказывалъ на него вліянія. И это тоже задѣвало матросовъ, тѣмъ болѣе, что ихъ, какъ они признавались впослѣдствіи, всегда раздражало сильное и отталкивающее лицо Соколовича, его склонность къ загадочной задумчивости и то, что они хорошенько не знали и не могли понять ни его характера, ни его прошлаго, ни его тепершней бездомной и бездѣльной жизни. Левченко, пьянѣвшій довольно быстро, разъ крикнулъ ему:

— Отъ тоже типъ! Мы жъ васъ угощаемъ, что жъ вы не раздѣляете компаниі, а только смокчете свою копченую люльку?

И Соколовичъ грубо и спокойно осадилъ его:

— Не орите, сдѣлайте милость. Это меня сердить. Я ужъ не разъ говорилъ вамъ, что вино на меня мало дѣйствуетъ и не доставляетъ мнѣ особаго удовольствія. Вкусъ у меня притупленный. Я такъ называемый выродокъ. Поняли?

Левченко смутился и отвѣтилъ съ напускной развязностью:

— Ну, да и вы тоже не задавайтесь, пожалуйста! Что такое я понялъ? Когда бъ вы были выродокъ, вы бы были больной и на вино слабый, а вы мнѣ рассказываете обратно. Вы человѣка можете убить одной рукой, а говорите...

— А говорю правильно,—перебилъ Соколовичъ, возвышая голосъ.—У всякаго выродка одни воспріятія и спо-

способности обострены, повышены, а другія, напротивъ, понижены. Поняли? И сила тутъ совѣмъ не при чемъ.

— А какъ же я того выродка узнать могу, если онъ здоровый, какъ той кабанъ?—насмѣшливо спросилъ Левченко.

— А по ушамъ, на примѣръ,—отвѣтилъ Соколовичъ не то въ серъезъ, не то тоже насмѣшливо.—У выродковъ, у геніевъ, у бродягъ и убійцъ уши петлистыя, то есть похожія на петлю,—вотъ на ту самую, которой и давятъ ихъ.

— Ну, знаете, убить всякій можетъ, если разгорячится,—небрежно вставилъ другой матросъ, Пильнякъ.—Я разъ въ Николаевѣ. . .

Соколовичъ выждалъ, пока онъ кончитъ, и сказалъ:

— Я, Пильнякъ, тоже подозрѣваю, что эти уши при-
сущи не однимъ только такъ называемымъ выродкамъ. Страсть къ убійству и вообще ко всякой жестокости сидитъ, какъ вамъ извѣстно, въ каждомъ. А есть и такіе, что испытываютъ совершенно непобѣдимую жажду убійства,—по причинамъ весьма разнообразнымъ, на примѣръ, въ силу атавизма или тайно накопившейся ненависти къ человѣку,—убиваютъ, ничуть не горячась, а убивъ, не только не мучаются, какъ принято это говорить, а напротивъ, приходятъ въ норму, чувствуютъ облегченіе,—пусть даже ихъ гнѣвъ, ненависть, тайная жажда крови вылились въ форму мерзкую и жалкую. И вообще пора бросить эту сказку о мукахъ совѣсти, объ ужасахъ, будто бы преслѣдующихъ убійцъ. Довольно людямъ лгать, будто они такъ ужъ содрогаются отъ крови. Довольно сочинять романы о преступленіяхъ съ наказаніями, пора написать о преступленіи безъ всякаго наказанія. Состояніе убійцы зависитъ отъ его точки зрѣнія на убійство и отъ того, ждетъ онъ за убійство висѣлицы или же награды, похвалы. Развѣ, на примѣръ, признающіе родовую месть, дуэли, войну, революціи, казни мучаются, ужасаются?

— Я читаль «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго,—замѣтилъ Левченко не безъ важности.

— Да? —сказаль Соколовичъ, поднимая на него тяжелый взглядъ.—А про палача Дейблера вы читали? Вотъ онъ недавно умеръ на своей виллѣ подъ Парижемъ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, отрубивъ на своемъ вѣку ровно пятьсотъ головъ по приказу своего высокоцивилизованнаго государства... Уголовныя хроники тоже сплошь состоятъ изъ записей о самомъ жестокомъ спокойствіи, цинизмѣ и резонерствѣ со стороны самыхъ кровавыхъ преступниковъ. Но дѣло однако не въ вырожденкѣхъ, не въ палачахъ и не въ каторжникахъ. Всѣ человѣческія книги,—всѣ эти миѣы, эпосы, былины, исторіи, драмы, романы,—всѣ полны такими же записями, и кто же это содрогается отъ нихъ? Каждый мальчишка зачитывается Куперомъ, гдѣ только и дѣлають, что скальпы деруть, каждый гимназистъ учитъ, что ассирійскіе цари обивали стѣны своихъ городовъ кожей плѣнныхъ, каждый пасторъ знаетъ, что въ библии слово «убилъ» употреблено болѣе тысячи разъ и по большей части съ величайшей похвалой и благодарностью Творцу за содѣянное.

— Зато это и называется ветхій завѣтъ, древняя исторія,—возразилъ Левченко.

— А новая такова,—сказаль Соколовичъ,—что отъ нея встала бы шерсть у гориллы, умѣй она читать... Ну, нѣтъ,—сказаль онъ, кося брови и отводя глаза въ сторону:—съ Каиномъ горилламъ двурукимъ нечего равняться! Далеко ушли онѣ отъ него, давно потеряли его наивность—вотъ съ тѣхъ самыхъ поръ, вѣроятно, какъ построили Вавилонъ на мѣстѣ своего такъ называемаго рая. У гориллъ настоящихъ еще не было ни этихъ ассирійскихъ царей, ни Александровъ Македонскихъ, ни Цезарей, ни инквизицій, ни открытія Америки, ни королей, под-

писывающихъ смертныя приговоры съ сигарой во рту, ни изобрѣтателей подводныхъ лодокъ, пускающихъ ко дну сразу по нѣсколько тысячъ челоуѣкъ, ни Робеспьеровъ, ни Джековъ-Потрошителей. . . Какъ вы думаете, Левченко,—спросилъ онъ, снова поднимая строгіе глаза на матросовъ:—мучались всѣ эти господа муками Каина или Раскольникова? Мучались всякіе убійцы тирановъ, притѣснителей, золотыми буквами записанные на такъ называемыя скрижали исторіи? Мучаетесь вы, когда читаете, что турки зарѣзали еще сто тысячъ армянъ, что нѣмцы отравляютъ колодцы чумными бактеріями, что окопы завалены гниющими трупами, что военные авіаторы сбрасываютъ бомбы въ Назаретъ? Мучается какой-нибудь Парижъ или Лондонъ, построенный на челоуѣческихъ костяхъ и процвѣтающій на самой свирѣпой и самой обыденной жестокости къ такъ называемому ближнему? Мучился-то, оказывается, только одинъ Раскольниковъ, да и то только по собственному малокровію и по волѣ своего злобнаго автора, совашаго Христа во всѣ свои бульварные романы.

— Майна! Поѣхало!—крикнулъ Левченко, желая перевести въ шутку уже тяготившій его разговоръ.

Соколовичъ помолчалъ и, сплюнувъ между колѣнъ, спокойно добавилъ:

— Въ войнахъ участвуютъ теперь уже десятки милліоновъ. Скоро Европа станетъ сплошнымъ царствомъ убійць. Но вѣдь всякій отлично знаетъ, что міръ ни на іоту не сойдетъ съ ума отъ этого. Говорили когда-то, что на Сахалинъ поѣхать очень страшно. Но желалъ бы я знать, кому придется въ голову побояться поѣхать черезъ годъ, черезъ два, когда кончится война, по Европѣ?

Пильнякъ сталъ рассказывать о своемъ дядѣ, который зарѣзалъ изъ ревности свою жену. Соколовичъ, послушавъ, замѣтилъ въ сумрачномъ раздумьи:

— Людей вообще тянетъ къ убійству женщины гораздо болѣе, чѣмъ къ убійству мужчины. Наши чувственныя воспріятія никогда не бываютъ такъ внимательны къ тѣлу мужчины, какъ къ тѣлу женщины, низкому существу того пола, который родитъ всѣхъ насъ, отдаваясь съ истиннымъ сладострастіемъ только грубымъ и сильнымъ самцамъ...

И, поставивъ локти на колѣни, снова замолкъ и какъ бы совсѣмъ забылъ о своихъ собесѣдникахъ.

Въ одиннадцатомъ часу, небрежно, свысока простясь съ матросами, оставшимися сидѣть въ ресторанѣ, онъ опять направился къ Невскому.

Яркое освѣщеніе Невскаго подавлялъ густой туманъ, такой холодный и пронзительный, что у полицейскаго офицера, управлявшаго на углу Владимірской водоворотомъ надвигавшихся другъ на друга каретъ, пролетокъ и глазастыхъ автомобилей, усы казались сѣдыми. Возлѣ Палкина отчаянно билъ и ерзалъ по скользкой мостовой копытами, сисясь справиться и вскочить, упавшій на бокъ, на оглоблю вороной жеребецъ, которому торопливо и растерянно помогаль бѣгавшій вокругъ него лихачъ, очень странный въ своей чудовищной юбкѣ, и кричалъ, махая рукой въ нитяной перчаткѣ, разгоняя народъ, краснолицый великанъ городской, плохо двигавшій одервянѣвшими отъ стужи губами: до слуха Соколовича донеслось, что задавленъ какой-то переходившій улицу старикъ съ бѣлой бородой и въ длинной енотовой шубѣ, будто бы знаменитый писатель, но Соколовичъ даже не пріостановился. Онъ повернулъ на Невскій.

Нѣкоторые обгоняли его, съ удивленіемъ заглядывали ему снизу въ лицо, нѣкоторыхъ обгонялъ онъ самъ. Запустивъ руки въ карманы и приподнявъ плечи, пряча влажную отъ тумана бороду въ воротъ и косясь на мелкую черную толпу, бѣгущую передъ нимъ, почти противо-

естественно выдѣляясь надъ этой толпой своимъ ростомъ, онъ мѣрно клалъ по панели свои длинныя ступни, все время начиная съ лѣвой ноги и дѣлая лѣвый шагъ шире праваго. Отъ электрическихъ столбовъ падали въ дымъ тумана угольныя тѣни. Густо, съ однообразнымъ топотомъ катились въ этомъ дыму заиндевѣвшія извозчицы лошади; рысаки неслись среди нихъ, выдѣляясь силой и нахальствомъ, кидая изъ ноздрей паръ, мѣшавшійся съ летѣвшими по вѣтру дымными волнами; вихремъ промелькнула бѣшено мчавшаяся пара—молоденькій офицеръ, необыкновенно легко и нарядно одѣтый, съ торчащими изъ экипажа ножнами шапки, съ необыкновеннымъ безстыдствомъ охватившій талію дамы, тѣсно прижавшейся къ нему и спрятавшей лицо въ каракулевую муфту. . . Соколовичъ замедлилъ шаги и долго глядѣлъ вслѣдъ этой парѣ, туда, гдѣ въ ледяной мути огромнаго потока, которымъ казался Невскій, терялась безконечная цѣпь винно-красныхъ трамвайныхъ огней и вспыхивали зеленоватыя зарницы. Большое лицо его было почти свирѣпо въ своей сосредоточенности.

Онъ наискось пересѣкъ Аничковъ мостъ и пошелъ по другой сторонѣ проспекта. Вѣтромъ и туманомъ понесло сильнѣе, вдали, въ темной и мглистой высотѣ, означился красноватый глазъ часовъ на башнѣ городской Думы. Соколовичъ остановился и довольно долго стоялъ, закуривая папиросу и исподлобья оглядывая безопасно и медленно проходившихъ мимо, уже появившихся на панели проститутокъ; за нимъ было громадное зеркальное окно запертаго, печально, по ночному освѣщеннаго магазина, откуда недвижно смотрѣли восковые красавцы блондины съ большими рѣдкими рѣсницами, въ дорогихъ пальто и шубахъ, съ деревянными ножками, мертво торчавшими изъ-подъ модныхъ, великолѣпно заглаженныхъ панталонъ. . . Потомъ онъ зашагалъ дальше, дошелъ до обезглавленнаго

туманной темнотой Казанскаго собора и поднялся на крыльцо Доминика.

Тамъ, въ тѣсной толпѣ, ѣвшей и пившей стоя и не раздѣваясь, точно на улицѣ, онъ сѣлъ въ темномъ углу,— свѣтло было только надъ стойкой, посаждаемой толпой,— и спросилъ себѣ чернаго кофе. Совершенно неожиданно появился у его столика какой-то щуплый господинъ, въ котелкѣ, съ озябшимъ личикомъ, быстро попросилъ позволенія взять сѣрникъ изъ спичечницы и, быстро освѣтивъ его, скороговоркой спросилъ:

— Простите, пожалуйста, вы мнѣ ужасно напоминаете одного моего виленскаго знакомаго, — вы не господинъ Яновскій?

Соколовичъ твердо посмотрѣлъ ему въ глаза и съ тяжеловѣсной серьезностью отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь.

У Доминика онъ просидѣлъ до часа ночи. Наконецъ опустѣвшій залъ ресторана наполнился стукомъ стульевъ, которые, перевертывая, швыряли на столики ставшіе вдругъ вольными и грубыми лакеи. Онъ взглянулъ на свои большіе серебряные часы и поднялся съ мѣста.

Ночью, въ туманъ, Невскій страшенъ. Онъ безлюденъ, мертвъ, мгла, туманящая его, кажется частью той самой арктической мглы, что идетъ оттуда, гдѣ конецъ міра, гдѣ скрывается нѣчто непостижимое чловѣческимъ разумомъ и называемое Полюсомъ. Середина этого дымнаго потока еще озарена сверху бѣлесымъ свѣтомъ электрическихъ шаровъ. На панеляхъ, возлѣ черныхъ витринъ и запертыхъ воротъ, темнѣе. По нимъ, напѣвая, гуляющимъ шагомъ, бродятъ безпечныя на видъ, но до нутра продрогшія отъ ледяной сырости, дешево и несоответственно обстановкѣ наряженныя женщины, и лица нѣкоторыхъ изъ нихъ поражаютъ при встрѣчѣ такимъ нич-

тожествомъ чертъ, что становится жутко, точно натыкаешься на существо какой-то иной, чѣмъ люди, невѣдомой, низшей породы.

Соколовичъ, выйдя отъ Доминика и пройдя шаговъ двѣсти, взялъ изъ этихъ женщинъ нѣкую, какъ оказалось потомъ, Королькову, называвшую себя просто Королькомъ, небольшую, мелкую, но отъ дурной модной одежды на видъ широкую, въ шляпкѣ, какъ-то очень сложно и тоже широко сдѣланной изъ чернаго бархата и украшенной пучкомъ вишенъ. Широкоскулое личико ея съ черными, глубоко запавшими глазками имѣло въ себѣ нѣчто напоминавшее летучую мышъ. Покачивая головой съ притворной развязностью, даже какъ бы съ нѣкоторымъ сознаниемъ неотразимости своего пола, держа одной рукой юбку, а другой, вдѣтой въ большую плоскую муфту изъ блестящаго чернаго мѣха, закрывая ротъ, она вдругъ загородила дорогу сутуло шагавшему Соколовичу. Онъ, зорко окинувъ ее взглядомъ, тотчасъ же густо крикнулъ стоявшему на углу ночному извозчику. И вотъ, усѣвшись въ низкую пролетку, покатила эта странная пара сперва по Невскому, потомъ по площади, мимо свѣтящихся часовъ Николаевского вокзала, уже темнаго, отпустившаго всѣ свои поѣзда въ глубь снѣжной и лѣсистой Россіи, мимо той ужасной толстой лошади, что вѣчно гнетъ, въ дождѣ или туманѣ, свою большую голову, прося повода у своего дороднаго сѣдока, потомъ по Гончарной—и далѣе, по туманнымъ улицамъ и переулкамъ, въ таинственную глушь ночныхъ столичныхъ окраинъ.

Дорогой Соколовичъ молча курилъ. Королькова, видимо тяготясь этимъ молчаніемъ, замѣтила, что по ея мнѣнію, папиросы «Голенищевъ-Кутузовъ» лучше, чѣмъ «Сирень». Эта попытка завести разговоръ простой, какъ бы даже нѣсколько дружескій, еще не связанный съ цѣлью путешествія, была жалка и трогательна; но Соколовичъ

промолчалъ. Тогда она стала просить, чтобы онъ заплатилъ ей впередъ, и съ напускной смѣлостью прибавила, что на всю ночь она согласна только за хорошую цѣну. Онъ молча вынулъ и подаль ей два серебряныхъ рубля. Она взяла, попробовала одинъ изъ нихъ зубомъ, нашла, что онъ фальшивый, спрятала его въ муфту, говоря, что это не идетъ въ счетъ, что она оставляетъ его только такъ, на память, потому, что теперь война и серебро рѣдко, запрещено, и стала просить еще. Долго помедливъ, Соколовичъ далъ ей еще рубль. Тогда она сдѣлала новую попытку — быть женщиной: внезапно вздрогнула и сдѣлала движеніе прижаться къ нему. Вздрогнула она притворно, но, должно быть, непритворно было чувство, вдругъ охватившее ее: она остро ощутила влеченіе къ нему, большому, сильному, цѣльному въ своемъ безобразіи и безпощадной мрачности. Но онъ не отвѣтилъ на ея движеніе.

Заѣхали они далеко. Королева приказала извозчику остановиться возлѣ двухъэтажнаго кирпичнаго дома съ вывѣской: «Номера для пріѣзжающихъ Бѣлградъ». Было уже безъ четверти два, мѣсто было глухое.

Во второмъ этажѣ «Бѣлграда», куда Соколовичъ поднялся съ Королевой по затоптанному половику, въ полутемномъ коридорѣ, гостей встрѣтилъ номерной Няньчукъ, спавшій на узкомъ деревянномъ диванчикѣ подъ дряннымъ зимнимъ пальто съ вытертымъ барашковымъ воротникомъ. Ростъ, мрачно-сосредоточенный видъ и жидкая, мокрая отъ тумана американская борода Соколовича поразили его спросонья. Онъ поднялся и непривѣтливо спросилъ:

— Что нужно?

— Точно ты не знаешь, болванъ, — сквозь зубы сказалъ Соколовичъ, самоувѣренно проходя мимо него и кладя ему въ руку серебрянный полтинникъ.

Няньчукъ хотѣлъ было обидѣться, сказать: «отъ такого же слышу», но ощутилъ въ рукѣ деньги, узналъ Королькову, которая, проходя, проговорила: «не узналъ меня, богатой быть!» — и только нахмурился. Недовольно бормоча, что имъ и такъ каждый день непріятности отъ полиціи, онъ опередилъ Соколовича и, чиркнувъ спичкой, распахнулъ дверь въ сложно и сладко чѣмъ-то пахнуцій, душный и очень теплый номеръ, половину окна въ которомъ наискось загораживала крыша какой-то дворовой постройки. За окномъ, за черными стеклами, глухо раздавались голоса, слышался шумъ какой-то машины и, какъ въ аду, пылалъ багровый огонь огромнаго факела.

— Что это такое? — строго и даже тревожно спросилъ Соколовичъ, останавливаясь.

— Ночныя работы, ассенизація, — подъ носъ себѣ отвѣтилъ Няньчукъ, все еще чувствуя обиду, и, засвѣтивъ на подзеркальникѣ двѣ свѣчи въ красныхъ розеткахъ и пузырями опуская бѣлую коленкоровую штору, освѣдомился, чего гости будутъ требовать.

Соколовичъ потребовалъ себѣ квасу и, странно усмѣхнувшись, прибавилъ:

— А для барышни фруктовъ.

— Фруктовъ нѣту, — отвѣтилъ Няньчукъ. — Виноградъ есть. Полтора рубля порція.

— Прекрасно, — сказалъ Соколовичъ: — подай винограду.

Корольковой такое обращеніе, видимо, польстило. Стараясь быть и въ самомъ дѣлѣ барышней, которую угощаютъ фруктами, оглядывая номеръ, потопывая озябшими ногами и дуя въ муфту, она капризно замѣтила:

— Ой, ой, онъ холодный!

Черезъ минуту Няньчукъ принесъ на большомъ желѣзномъ подносѣ виноградъ и двѣ откупоренныя бутылки, изъ которыхъ лѣзла пѣна, и Соколовичъ тотчасъ же за-

перъ дверь на ключъ. Королькова, когда выходилъ Няньчукъ, щипала, стоя у стола и все еще дыша въ муфту, пересыпанныя опилками, твердыя зеленыя виноградины, а ея страшный спутникъ съ своимъ желтымъ ожерелкомъ и свѣже выбритымъ ртомъ снималъ въ углу пальто, разматывалъ длинный шарфъ изъ грубой лиловой шерсти. И затѣмъ номеръ, за окномъ котораго пылало зловѣщее пламя и глухо шумѣла сокровенная, ночная работа, облекся въ тайну.

Въ четыре часа задребезжалъ въ коридорѣ звонокъ. Няньчукъ очнулся, скинулъ съ диванчика ноги въ штрипкахъ подштанниковъ и войлочныхъ туфляхъ и пошелъ къ ящику звонка. Тамъ выскочила цифра три. Изъ-за двери третьяго номера женскій голосъ потребовалъ десятокъ папирось «Зефиръ». Возвращаясь изъ буфета съ папиросами, заспанный Няньчукъ спуталъ, въ какой именно номеръ нужно подать ихъ, и постучалъ въ восьмой, отданный Соколовичу. Грубый, низкій басъ медленно спросилъ изъ-за двери:

— Въ чемъ дѣло?

— Ваша барышня папирось просила, — сказалъ Няньчукъ.

— Моя барышня не просила да ни въ какомъ случаѣ и не могла просить папирось, — отвѣтилъ басъ наставительно.

И Няньчукъ, тотчасъ вспомнивъ, кому нужно подать коробочку, и подавъ ее въ полную женскую руку, высунувшуюся въ пріотворенную дверь третьяго номера, снова легъ на свое мѣсто и крѣпко заснулъ подъ мѣрное постукиванье часовъ въ концѣ коридора полутемной и тихой гостиницы.

Снова очнулся онъ только въ седьмомъ часу: надъ нимъ, во весь свой ростъ, въ пальто и въ картузѣ, стоялъ и толкалъ его въ плечо постоялецъ изъ восьмого номера.

— Вотъ тебѣ за номеръ и за труды, — сказалъ онъ. — Выпусти меня. Мнѣ пора на заводъ, а барышня велѣла разбудить себя въ девять.

— А за виноградъ же? — быстро и съ тревогой спросилъ Няньчукъ.

— Я все счелъ,—сказалъ Соколовичъ.—По-моему, четыре семь гривенъ. А я тебѣ пять съ полтиной даю. Понялъ?

И спокойно пошелъ къ лѣстницѣ.

Съ полузакрытыми отъ жажды сна глазами, поправляя плечомъ накинутое на плечи пальто, Няньчукъ опять опередилъ его и затопалъ внизъ по ступенькамъ лѣстницы. Соколовичъ терпѣливо ждалъ, пока онъ одолѣетъ туго повертывавшійся въ дверной скважинѣ ключъ. Наконецъ дверь распахнулась. Онъ прошелъ мимо Няньчука, приподнялъ воротъ и, какъ оперный пѣвецъ, боящійся простуды, закрывая рукой горло, густо сказалъ себѣ въ бороду: «до свиданья»—и вышелъ на улицу, на сырой и свѣжій воздухъ. Было еще совсѣмъ темно и тихо, но въ этой темнотѣ и тишинѣ уже чувствовалось близкое утро. Надо всей окрестной далью, надо всѣмъ гигантскимъ гнѣздилищемъ еще безмолвной столицы стоялъ невнятный, отдаленный стонъ фабрикъ и заводовъ, зовущій изъ всѣхъ нищенскихъ пріютовъ, изъ всѣхъ своихъ низовъ и притоновъ несмѣтный трудовой людъ. Фонарь, стоявшій со своею черной тѣнью противъ гостиницы, освѣщалъ часть мостовой и улицы. Туманъ разсѣялся, ночью шелъ снѣжокъ,—громеда теса, возвышавшаяся изъ-за забора за фонаремъ, траурно бѣлѣла на чернотѣ ночи. Соколовичъ повернулъ направо и скрылся вдали. Продрогшій Няньчукъ хлопнулъ дверью и побѣжалъ по лѣстницѣ назадъ, на верхъ.

Ложиться снова было уже не къ чему. Онъ сталъ искать подъ диваномъ ботинки—и вдругъ, съ ужасомъ, увидѣлъ,

что дверь восьмого номера пріоткрыта и что за нею есть свѣтъ. Онъ вскочилъ и кинулся къ номеру: въ номерѣ было такъ страшно тихо, какъ не бываетъ, когда есть въ немъ хотя бы и спяцій человѣкъ, трещали догорѣвшія въ лопнувшихъ розеткахъ свѣчи, въ сумракѣ бѣжали тѣни, а на кровати торчали изъ-подъ одѣяла короткія голыя ноги лежавшей навзничъ женщины. Голова ея была при-
давлена двумя подушками.

1916.

СООТЕЧЕСТВЕННИКЪ

Этотъ брянскій мужикъ мальчишкой былъ привезень въ Москву изъ деревни, состоялъ на побѣгушкахъ при купеческомъ амбарѣ на Ильинкѣ, стрѣлой леталъ въ трактиры за кипяткомъ: схватить мѣдный чайникъ и мчится въ галлереяхъ Старыхъ Рядовъ, темной водяной струей выписывая по сѣрому полу цифру восемь. . . бойкій зимній день, идетъ снѣжокъ, Ильинка чернѣетъ народомъ, бѣгутъ, тасуются извозчичьи лошади, а онъ въ одной рубашкѣ, безъ шапки,—голова у него похожа на краснаго ежа,—срывается съ тротуара, выскочивъ на улицу, и жжетъ на пошвахъ по льду въ канавкѣ. . .

Представьте же, какъ странно видѣть этого мужика въ тропикахъ подь экваторомъ! Онъ сидитъ въ своей конторѣ, въ старинномъ домѣ голландской постройки. За окнами—жаркій бѣлый городъ, голые черные рикши, магазины австралійскихъ издѣлій и драгоценныхъ камней, отели, полные туристовъ со всѣхъ концовъ земли, въ теплой зеленой водѣ гавани—американскіе и японскіе пароходы, за гаванью, на низменныхъ побережьяхъ, — кокосовые лѣса. . . Одѣтый во все бѣлое, рослый, узловатый, огненно-рыжий, съ голубой веснучатой кожей, блѣдный и энергично-возбужденный, даже просто шальной,—отъ зноя, нервности, постоянного хмеля и дѣловитости,—съ виду онъ не

то шведъ, не то англичанинъ. Письменный столъ его весь заваленъ бумагами, счетами. Кругомъ стоитъ сухой трескъ ремингтоновъ. Старикъ индусъ, босой, въ халатъ и тюрбанъ, безшумно и быстро мѣняетъ своими темными, изящными руками въ серебряныхъ кольцахъ бутылочки холодной содовой воды и поминутно, съ таинственной миной, докладываетъ о посѣтителяхъ, къ каждому слову прибавляя: сэръ. А сэръ весь поглощенъ,—или притворяется, что поглощенъ,—бесѣдой съ гостемъ изъ Россіи, передъ которымъ онъ играетъ роль радушнаго хозяина этого тропическаго острова. На столъ нѣсколько раскрытыхъ коробокъ съ самыми дорогими сигарами, съ турецкими, египетскими, англійскими и гаванскими папиросами. Онъ знатокъ въ табакахъ,—какъ и во всемъ, впрочемъ,—онъ угощаетъ то тѣмъ, то другимъ, говоря какъ бы вскользь: «Вотъ это кажется недурно . . . » Мелькомъ взглянувъ на поданную бумагу, онъ, среди разговора, твердо и коротко расчеркивается на ней; увидѣвъ входящаго посѣтителя, мѣняетъ выраженіе лица, двумя, тремя фразами кончаетъ дѣло и снова подхватываетъ прерванную бесѣду; принимая депешу, разрываетъ ее какъ-то особенно небрежно, на мгновение нахмуривается, пробѣгая: «А идіоты!»—крѣпко выговариваетъ онъ съ досадой и, отбросивъ въ сторону, тотчасъ забываетъ, или притворяется, что забываетъ о ней... У него всѣ идіоты. Онъ уже успѣлъ удивить гостя своей самоувѣренностью, рѣшительнымъ и скептическимъ умомъ, дѣловитостью, огромнымъ житейскимъ опытомъ и несмѣтными знакомствами съ людьми самыхъ разнообразныхъ классовъ и положеній. Кого ни назови изъ московскихъ знаменитостей,—купцовъ, администраторовъ, врачей, журналистовъ,—онъ всѣхъ знаетъ, да хорошо знаетъ и цѣну всѣхъ и каждому. А какая у него освѣдомленность по части всякихъ закулисныхъ тайнъ, рѣдкихъ карьеръ и темныхъ исторій!

Гость еще въ Портъ-Саидѣ много слышалъ о немъ отъ одного его пріятеля, съ циничной веселостью говорившаго, что Зотовъ прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы: «Да-а,—говорилъ этотъ пріятель, покачивая головой съ насмѣшливой и загадочной улыбкой,—хорошъ мальчикъ!» На мѣстѣ гость узналъ еще больше и главнымъ образомъ изъ отрывочныхъ фразъ самого же Зотова. Странно, неожиданно проявляются таланты на Руси и чудеса дѣлаютъ они при счастливыхъ жребіяхъ! А онъ вынулъ жребій необыкновенно счастливый, прибывъ въ Москву мальчишкой. Былъ у него тамъ дядя, сытый, умный мужикъ, уже пріобрѣтшій и достатокъ и сознание собственнаго достоинства, ловко умѣвшій, не роняя себя, услужить порядочному господину. Работалъ этотъ дядя въ Сандуновскихъ баняхъ, и многіе, кого окружалъ онъ облаками горячей и душистой мыльной пѣны, звали его по имени, любили поговорить съ нимъ. Любилъ и Нечаевъ, либеральный, образованный крезъ, большой, полный купецъ въ золотыхъ очкахъ. Мудрено ли было, накинувъ на розовое распаренное тѣло скользкую, тонкую простыню, замолвить словечко о мальчишкѣ племянникѣ? И мальчишка попалъ не дратву сучить, не утюги раздувать, а въ сумрачный, чистый и тихій амбаръ на Ильинкѣ. Все остальное было дѣломъ его личной живости и талантливости. Какъ начинаютъ эти счастливцы и самородки — извѣстно: днемъ мальчишка на побѣгушкахъ, вечеромъ по собственной охотѣ, безъ всякихъ руководителей, корпитъ при тускломъ огаркѣ, учится читать, писать; утромъ, до прихода приказчиковъ, ничего не понимая, но упрямо одолеваетъ газету; а только чукнуть приказчики — онъ уже тутъ какъ тутъ, какъ листъ передъ травой, ловитъ каждое слово, каждый взглядъ. . . Лѣтъ двѣнадцати этотъ мальчишка, обратившій на себя исключительное хозяйское вниманіе, былъ взятъ въ хозяйскій домъ, а на восемнадцатомъ году былъ уже въ Гер-

мані, изучаль бумажное дѣло, работая не хуже любого нѣмца: иностранцы будто бы вѣрить не хотѣли, что онъ русскій. «Часто не вѣрятъ и теперь, болваны!» — говоритъ Зотовъ, по своему обыкновенію отрывисто и грубовато, бросая одну папиросу и тотчасъ же закуривая другую. . . Но точно ли ужъ такъ похожъ онъ на европейца? — думаетъ гость, глядя на него.

Ему тридцать семь лѣтъ, но кажется онъ старше. Да, съ виду онъ совсѣмъ англичанинъ, даже руки англійскія, конопатя, въ рыжихъ волосахъ. Но, думаетъ гость, развѣ сталь бы англичанинъ говорить такъ изумительно много и такъ возбужденно? Настоящія англійскія руки не дрожали бы въ такіе годы, да еще при такой силѣ, какъ у Зотова, лицо у англичанина не было бы такъ блѣдно, такъ тревожно безъ всякой видимой причины. Второй день Зотовъ въ черныхъ очкахъ, потому что одна бровь у него разбита: поскользнулся, говоритъ, на кожицу банана въ барѣ, — значить, хорошъ былъ. А вѣдь онъ здѣсь, на островѣ, по своему положенію персона. Все время владѣеть онъ любопытствомъ, вниманіемъ собесѣдника. Онъ, этотъ до наглости смѣлый человекъ, заражаетъ своей смѣлостью, своей энергіей, порой восхищаетъ даже. Но, слушая его, дивясь ему, глядишь на него и думаешь: да, но вѣдь онъ пьянъ, пьянъ! Онъ всегда во хмелю — отъ нервности, отъ жары, отъ табаку, отъ виски: много пьютъ англичане, но, конечно, ни одинъ изъ нихъ во всемъ этомъ бѣломъ городѣ не выпиваетъ за день столько, сколько Зотовъ, не глотаетъ такъ жадно ледяную содовую воду, не выкуриваетъ такого количества сигаръ и папиросъ, не говоритъ такъ много и путанно. . .

Послѣ заграничной выучки онъ работалъ дома и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ своего воспитателя. Но въ самостоятельности онъ уже не хотѣлъ знать мѣры, равно какъ и въ тратахъ. Посланный въ Среднюю Азію,

онъ вдругъ, по какому то пустому поводу, поссорился, порвалъ всѣ связи съ Нечаевымъ — и сразу превратился въ человѣка, ровно и твердо шедшаго въ гору, чуть не въ искателя приключеній. Онъ изъѣздилъ всю Сибирь, побывалъ на Амурѣ, въ Китаѣ, сгорая нетерпѣніемъ начать какое-нибудь свое, собственное дѣло, пусть новое, пусть еще неизвѣстное ему, пусть даже хищническое, но такое, которое привело бы къ обогащенію немедля. Кончилъ онъ тѣмъ, что ввязался въ большое чайное дѣло, устроивъ себѣ еще кромѣ того двѣ службы, и вотъ уже шестой годъ пребываетъ здѣсь, въ тропикахъ, облеченный не малыми полномочіями. . . Рѣдкій европеецъ поставилъ бы такъ легко крестъ на своей изумительной по удачѣ судьбѣ, да даже просто на своей спеціальности, взявшей столько лѣтъ труда! Не отдался бы европеецъ на прихоть случайностей, не взвалилъ бы на себя и правительственную службу, и пароходную агентуру, и чайныя дѣла, не затѣялъ бы на ряду со всѣмъ этимъ еще аферъ съ жемчужными раковинами, не содержалъ бы свою черную любовницу, — рѣдкую, по слухамъ, красавицу, — на диво всему городу... Онъ очень себѣ на умѣ, но порою очень безтактенъ, одинаково сильно проявляетъ то большую выдержку, то несдержанность, то скрытность, то болтливость, щеголяетъ своимъ простымъ происхожденіемъ и въ то же время хвастаетъ знакомствомъ съ людьми знатными, на чемъ свѣтъ стоитъ ругаетъ русское правительство и съ видимой гордостью держитъ у себя на столѣ фотографическій портретъ молоденькаго и красиваго военнаго, собственноручно пожаловавшаго ему этотъ портретъ съ краткимъ надписаніемъ своего имени; рассказывая что-нибудь, по его мнѣнію, забавное, не понимаетъ зачастую, что смыслъ этого забавнаго можно истолковать совсѣмъ не въ его пользу: напримѣръ, изъ его же собственныхъ рассказовъ узналъ гость, что ужъ слишкомъ всезнающимъ, чуть не прохо-

димцемъ казался онъ нѣкоторымъ изъ тѣхъ дѣльцовъ Сибири, Манджуріи, съ которыми такъ быстро сходилъ онъ, которыхъ очаровывалъ на первыхъ порахъ своей любезностью и общительностью, своими замашками чело-вѣка, привыкшаго жить на широкую ногу, понимающаго толкъ рѣшительно во всемъ, начиная съ сигаръ, вина, жен-щинъ и кончая какими-то раскопками на Филиппинскихъ островахъ, весьма будто бы губительными по причинѣ земляного микроба. . .

Вечеромъ гость ѣдетъ съ нимъ за городъ.

За городомъ, на берегу океана, есть небольшой, но очень фешенебельный ресторанъ, гдѣ туристы и резиденты отдыхаютъ отъ городской духоты, пьютъ чай, брэнди, шампанское и любятъ закатомъ съ площадки передъ рестораномъ. Ѣдутъ туда на рикшахъ, въ крохотныхъ колясочкахъ, другъ за другомъ, по безконечной дорогѣ среди вѣковой растительности, мимо бунгалоу и дикарскихъ хижинъ, и цѣлый часъ видитъ передъ собой гость изъ Россіи только голое тѣло коричневаго чело-вѣка, бѣгомъ везущаго его все дальше подъ зеленый вѣтвистый сводъ раскидистыхъ деревьевъ, а за нимъ, за этимъ тѣломъ и его черноволосой головой, — большую бѣлую фи-гуру Зотова, высоко и прямо сидящаго въ своей колясочкѣ. На поль-пути Зотовъ вдругъ обертывается и, поднимая палку, кричитъ гостю:

— Хотите заѣдемъ?

Гость отвѣчаетъ согласіемъ, — Зотовъ указалъ на небольшой буддійскій монастырь, — и тяжело дышашіе, мокрые отъ пота дикари подкатываютъ къ проходу между хижинами подъ пальмами и всякими другими деревьями.

— Ну, не наше ли, не російское-ли? — говоритъ Зо-товъ, выходя изъ экипажа. — Только у насъ такъ без-совѣстно много этой листвы, этого лѣса, этихъ лачугъ, этихъ грязныхъ мальчишекъ! Вы только поглядите, —

говорить онъ, указывая палкой на деревья, на хижины, на ихъ лиственные и камышевыя крыши, на голыхъ дѣтей и на старыхъ и молодыхъ туземцевъ, любопытно обступившихъ прїѣзжихъ. — И вечеръ-то нашъ, лѣтній, душный и такой скучный, скучный! — раздраженно говоритъ онъ, направляясь къ старой кумирнѣ, стоящей на холмѣ подъ тонкими кокосовыми пальмами, гдѣ уже ждетъ жрецъ въ желтомъ плащѣ, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ, съ небольшою, сдавленной въ вискахъ бритой головой и пристальными, почти безумными глазами.

Войдя въ темное маленькое святилище, соотечественники снимаютъ мокрые отъ пота, холодные внутри шлемы. Жрецъ пальцемъ указываетъ на головы и мотаетъ имъ: этого, моль, не требуется.

— Много ты понимаешь, дуракъ! — говоритъ Зотовъ по-русски и долго, съ какой-то странной серьезностью, глядитъ на двухсаженную деревянную статую, красно и желто расписанную и раззолоченную, лежащую на боку за чернымъ каменнымъ жертвенникомъ, на которомъ насыпаны мелкіе монеты, никелевыя кольца и курятся ароматическимъ дымкомъ тончайшія коричневая палочки.

— А раскрашенъ-то, лакированъ-то какъ! — говоритъ онъ отрывисто. — Точь въ точь деревянные миски и чашки на нашихъ ярмаркахъ. . .

И небрежно кидаетъ на серебряную тарелку, протянутую жрецомъ, тяжелый червонецъ. . .

Когда прїѣзжаютъ въ ресторанъ, лицо у него почти мѣловое, и черныя очки очень страшны на этомъ лицѣ. «Я цѣлыхъ два часа ничѣмъ не отравлялся, ничего не пилъ, не курилъ и потому смертельно уморился» — говоритъ онъ. И какъ только садится къ столику на площадкѣ передъ рестораномъ, на обрывистомъ берегу, заваленномъ внизу голубыми валунами, вѣчно купающимися въ теплой водѣ океана, тотчасъ же заказываетъ шампанскаго.

Вино очень холодное, и оба жадно пьютъ его, быстро хмелѣя и глядя на темнѣющій сиреневый океанъ, на безконечно далекій закатъ, мутно и нѣжно розовый. Дуетъ теплый слабый вѣтеръ, дремотно звенятъ цикады въ кустарникахъ. . . И вдругъ Зотовъ далеко бросаетъ папиросу, быстро закуриваетъ другую и снова, волнуясь, съ упорствомъ, начинаетъ говорить о сходствѣ этого острова съ Россіей.

Гость усмѣхается. Зотовъ путанно и торопливо возражаетъ ему. Дѣло, говоритъ онъ, не въ одномъ внѣшнемъ сходствѣ. . . да онъ даже и не сходство, собственно, имѣлъ въ виду, а скорѣе свои ощущенія. . . можетъ быть, эти ощущенія шатки, болѣзненны, ну, да это ужъ другой вопросъ. . . въ этомъ климатѣ самъ чортъ сойдетъ съ ума, съ этимъ климатомъ нельзя шутить. . . а вотъ, разсуждая о всяческихъ дальневосточныхъ опасностяхъ, какъ-то совсѣмъ забываютъ объ этомъ, забываютъ, что господамъ арійцамъ и особенно намъ, русскимъ, слѣдуетъ совершать свои побѣдоносныя шествія въ тропики съ крайней осторожностью, почаще вспоминая своихъ пращуровъ и завоеваніе ими Индостана, такъ знаменательно кончившееся буддизмомъ: вѣдь это же мы, арійцы, залѣзшіе послѣ Тибета въ тропики, породили это ужасающее въ своей непреложной мудрости ученіе. . . И затѣмъ горячо начинаетъ увѣрять, что «вся сила въ томъ», что онъ уже видѣлъ, чувствовалъ индійскіе тропики еще до прибытія въ нихъ, когда-то очень давно, можетъ быть, тысячу лѣтъ тому назадъ, — глазами и душой своего отдаленнаго предка. . .

Онъ говоритъ, — съ тонкостью, страстностью и краснорѣчіемъ, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ него, — что онъ испыталъ чувства необыкновенныя на пути сюда, въ тѣ жаркія звѣздныя ночи, когда впервые глядѣлъ на Южный Крестъ, на Канопусъ и на тѣ перевоз-

данныя звѣздныя туманности, что называются Магелановыми Облаками, видѣль Угольные Мѣшки, эти траурные пролеты въ безконечность міровыхъ пространствъ, и страшное великолѣпіе Альфы Центавра, игравшей на совершенно пустомъ небосклонѣ, гдѣ точно начиналось какое-то безмѣрное, недоступное нашему разуму Ничто . . . Да, да, восклицаетъ онъ настойчиво, уставясь на гостя своими черными очками, — совершенно пусть былъ небосклонъ вокругъ нея! Зрѣлище новаго міра, новыхъ небесъ раскрывалось передо мною, но мнѣ казалось, — и это ощущеніе было до ужаса живо во мнѣ, увѣряю васъ! — мнѣ казалось, что я уже видѣль ихъ когда-то. Всѣ дни и ночи широко размахивала насъ въ океанѣ плавная мертвая волна. Мы шли навстрѣчу восточному муссону, онъ дулъ рѣзко и сильно, отъ его непрестаннаго воздушнаго тока гудѣло въ реяхъ и рябило въ глазахъ, ходъ казался быстрымъ. . . Просыпаясь по ночамъ въ горячей темнотѣ своей каюты, я шель отдыхать отъ своего изнурительнаго сна на верхнія палубы, на вѣтеръ, подъ эти звѣзды — совсѣмъ не тѣ, что я видѣль всю жизнь, съ самаго рожденія и съ которыми уже сроднился, совсѣмъ, совсѣмъ другія, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и не совсѣмъ новыя, а *смутно вспоминаемая*. Въ ихъ тускломъ свѣтѣ стоялъ непрестанный шумъ океана, пароходъ медленно клало съ одного бока на другой, и точно удавленники въ сѣрыхъ саванахъ, съ распростертыми руками, качались и дрожали возлѣ трубы длинныя парусиновые вентиляторы, жадно ловившіе своими отверстіями свѣжесть муссона, съ которымъ уже доносилось до насъ горячее дыханіе нашей страшной Прародины. И тутъ порою охватывала меня такая тоска — тоска какого-то безконечно далекаго воспоминанія, — что человѣческимъ словомъ не выразишь даже и сотой доли ея. . .

Дуетъ слабый, сладкій вѣтеръ, дремотно звенятъ ку-

старники. Сумерки начинают наливаться тѣмъ сказочнымъ оранжево-золотистымъ свѣтомъ, который всегда возникаетъ въ тропикахъ спустя нѣкоторое время послѣ заката. Оранжево-золотистой пѣной кипитъ прибой, въ оранжево-золотистомъ озареніи лица и бѣлыя одежды. . . «Какъ связать то, чѣмъ онъ дивилъ меня днемъ, и то, чѣмъ дивитъ теперь?» — почти со страхомъ думаетъ гость изъ Россіи про своего удивительнаго соотечественника. А тотъ смотритъ на него своими черными очками и упрямо повторяетъ:

— Да, да, я уже былъ здѣсь. . . И вообще, я человѣкъ обреченный. . . Если бы вы знали, какъ страшно запутаны мои дѣла! Еще больше, кажется, чѣмъ душа и мысли! Ну, да изъ всего есть выходъ. Дернулъ собачку револьвера, поглубже всунувъ его въ ротъ, — и всѣ эти дѣла, мысли и чувства разлетятся къ чертовой матери!

1916.

СТАРУХА

Эта глупая уѣздная старуха сидѣла на лавкѣ въ кухнѣ и рѣкой лилась, плакала.

Святочная мятель, вихрями носившаяся по снѣжнымъ крышамъ и снѣжнымъ пустымъ улицамъ, стала мутно синѣть, наливаясь сумерками, а въ домѣ темнѣло.

Тамъ, въ залѣ, чинно стояли кресла вокругъ стола подѣ бархатной скатертью, надѣ диваномъ тускло блестѣла картина, изображавшая зеленоватый кружокъ луны въ облакахъ, дремучій литовскій лѣсъ, тройку лошадей, сани, изъ которыхъ розовыми лучами палили охотники, и куврыкающихся за санями волковъ, въ одномъ углу до потолка раскидывалось изъ кадки мертвыми листьями сухое тропическое растеніе, а въ другомъ воронкой зіялъ хоботъ граммофона, оживавшій только по вечерамъ, при гостяхъ, когда изъ него вопилъ въ притворномъ отчаяніи чей-то хриплый голосъ: — «Ахъ, тяжело, тяжело, господа, жить съ одной женой всегда!» — Въ столовой текло съ мокрыхъ тряпокъ, лежавшихъ на подоконникахъ, въ клѣткѣ, висѣвшей надъ столомъ, крытымъ клеенкой, спала, завернувъ головку подѣ крылышко, больная тропическая птичка, — сномъ тонкимъ и, въ силу непривычки къ нашимъ святкамъ, грустнымъ, грустнымъ. Въ узкой комнатѣ рядомъ со столовой крѣпко, съ храпомъ спалъ квар-

тирантъ, пожилой холостякъ, учитель прогимназіи, въ классахъ дравшій дѣтей за волосы, а дома усердно работавшій надъ большимъ, многолѣтнимъ сочиненіемъ: «Типъ скованнаго Прометея въ міровой литературѣ». Въ спальнѣ тяжело и зло спали хозяева послѣ страшнаго скандала за обѣдомъ. А старуха, пользуясь свободнымъ временемъ, сидѣла на лавкѣ въ темнѣющей кухнѣ и разливалась горькими слезами.

Скандаль-то за обѣдомъ начался опять изъ-за нея! Хозяйка, которой по годамъ уже давно слѣдовало стыдиться ревновать, съ ума сходила отъ ревности и наконецъ таки поставила на своемъ — наняла въ кухарки старуху. Хозяинъ, который уже давно красился, но всѣ свои помыслы устремлялъ только на любовь, рѣшилъ сжить эту старуху со свѣту. И правда, была старуха куда какъ не хороша собой: высокая, гнутая, узкоплечая, глухая и подслѣпая, отъ робости безтолковая, готовила, несмотря на всѣ свои старанія, изъ рукъ вонъ плохо. Она трепетала за каждый свой шагъ, изъ силъ выбивалась, что бы угодить. . . Не радостно было ея прошлое: ну, конечно, мужъ разбойникъ и пьяница, потомъ, послѣ его смерти, чужіе углы и поборы подъ окнами, долгіе годы голода, холода, безпріютности. . . И ужъ какъ же была старуха счастлива, что опять она стала не хуже людей, — сыта, тепла, обута, одѣта, служить у чиновника! Какъ молилась она передъ сномъ, стоя на колѣнкахъ на ледяномъ полу, всю свою душу отдавая Господу за милость, столь неожиданно ей оказанную, какъ просила Его не лишать ее этой милости! Но хозяинъ поѣдомъ ѣлъ ее: нынче за обѣдомъ онъ такъ гаркнулъ на нее, что у нея руки-ноги оторвались отъ ужаса, а миска со щами полетѣла на полъ. И что только было потомъ между хозяевами! Даже учитель, весь обѣдъ думавшій о Прометѣѣ, не выдержалъ, отвелъ кабаньи глазки въ сторону и сказалъ:

— Не ссорьтесь, господа, ради высокаторжественнаго праздника!

Вотъ домъ затихъ, успокоился. Посинѣлъ во дворѣ дымъ вьюги, выше крышъ намело сугробы, завалило ворота и калитку. . . Блѣдный, ушастый мальчикъ въ валенкахъ, сирота, хозяйкинъ племянникъ, долго училъ уроки, приладившись къ мокрому подоконнику въ своей коморкѣ рядомъ съ кухней. Онъ былъ отрокъ прилежный и на зубокъ рѣшилъ вытвердить то, что ему задали на рождественскія каникулы. Онъ не хотѣлъ огорчать своихъ воспитателей и благодѣтелей, онъ, имъ на утѣшеніе, отечеству на пользу, старался на всю свою жизнь запомнить, что, двѣ съ половиной тысячи лѣтъ тому назадъ, греки (народъ вообще мирный, съ утра до вечера соборно участвовавшій въ театральныхъ трагедіяхъ и совершавшій жертвоприношенія, а въ свободные часы вопрошавшій оракула) на голову разбили однажды войско персидскаго царя при помощи богини Аѳины-Паллады, да могли бы пойти по пути цивилизаціи и еще дальше, если бы не изнѣжились, не развратились и не погибли, какъ было это, впрочемъ, со всѣми древними народами, неумѣренно предававшимися идолопоклонству и роскоши. А запомнивъ, закрылъ книжку и долго скребъ ногтями ледъ съ оконнаго стекла. Потомъ всталъ, неслышно подошелъ къ двери въ кухню, заглянулъ за дверь — и опять увидѣлъ то же самое: въ кухнѣ тихо и сумрачно, рублевые стѣнные часы, у которыхъ стрѣлки не двигались, всегда показывали четверть перваго, стучать необыкновенно четко и торопливо, свинка, зимующая въ кухнѣ, стоитъ возлѣ печки и, до глазъ запустивъ морду въ лохань съ помоями, роется въ нихъ. . . а старуха сидитъ и плачетъ: утирается подоломъ — и рѣкой течетъ!

Плакала она и потомъ, — засвѣтивъ лампочку и раскалывая на полу тупымъ кухоннымъ ножомъ сосновыя щеп-

ки для самовара. Плакала и вечеромъ, подавъ самоваръ въ хозяйскую столовую и отворивъ дверь приходившимъ гостямъ, — въ то время, когда по темной, снѣжной улицѣ брелъ къ дальнему фонарю, задуваемому вьюгой, оборванный караульщикъ, всѣ сыновья котораго, четыре молодыхъ мужика, уже давно были убиты изъ пулеметовъ нѣмцами, когда въ непроглядныхъ поляхъ, по смраднымъ избамъ, укладывались спать бабы, старики, дѣти и овцы, а въ далекой столицѣ шло истинно разливанное море веселія: въ богатыхъ ресторанахъ притворялись богатые гости, дѣлая видъ, что имъ очень нравится пить изъ кувшиновъ ханжу съ апельсинами и платить за каждый такой кувшинъ семьдесятъ пять рублей; въ подвальныхъ кабакахъ, называемыхъ кабаре, нюхали кокаинъ и порою, ради вящей популярности, чѣмъ попадая били другъ друга по раскрашеннымъ физиономіямъ молодые люди, притворившіеся футуристами, то есть людьми будущаго; въ одной аудиторіи притворялся поэтомъ лакей, пѣвшій свои стихи о лифтахъ, графиняхъ, автомобиляхъ и ананасахъ; въ другой, гдѣ шло засѣданіе «Общества любителей сближенія съ Европой», очень большое собраніе слушало съ наиприторнѣйшей серьезностью восторженно-гнусавый рефератъ о славномъ будущемъ Россіи и Европы — «О грядущемъ слияніи Лика Женственнаго съ Ликомъ Мужескимъ»; въ одномъ театрѣ лѣзъ куда-то вверхъ по картоннымъ гранитамъ нѣкто съ совершенно голымъ черепомъ, настойчиво у кого-то требовавшій отворить ему какія-то врата; въ другомъ выѣзжалъ на сцену, верхомъ на старой бѣлой лошади, гремѣвшей по полу копытами, и, прикладывая руку къ бумажнымъ латамъ, цѣлыхъ пятнадцать минутъ пѣлъ за двѣ тысячи рублей великій мастеръ притворяется старинными русскими князьями, межъ тѣмъ какъ пятьсотъ мужчинъ съ зеркальными лысынами пристально глядѣли въ бинокли на женскій хоръ, громкимъ

пѣніемъ провожавшій князя въ походъ, и столько же нарядныхъ дамъ ѣли въ ложахъ шоколадныя конфеты; въ третьемъ старики и старухи, больные тучностью, кричали и топали другъ на друга ногами, притворяясь давнымъ давно умершими замоскворѣцкими купцами и купчихами; въ четвертомъ худые дѣвицы и юноши, раздѣвшись до нага и увѣнчавъ себя стеклянными виноградными гроздьями, яростно гонялись другъ за другомъ, притворяясь какими-то сатирами и нимфами. . . Словомъ, до самой поздней ночи, пока одни караулили, а другіе укладывались спать или веселились, горькими слезами плакала глупая уѣздная старуха подъ хриплый, притворно-отчаянный крикъ, долетавшій изъ гостиной ея хозяевъ:

Ахъ, тяжело, тяжело, господа,
Жить съ одной женой всегда!

1916.

ОТТО ШТЕЙНЪ

I.

Была осень.

Шли дожди, улицы Берлина были полны раскрытыми зонтиками и мокрыми верхами экипажей, блестяли асфальтомъ, точно черное зеркало.

А Штейнъ, готовившійся къ отъѣзду, цѣлые дни проводившій въ магазинахъ, въ транспортныхъ конторахъ, въ бюро спальныхъ вагоновъ и пароходныхъ обществъ, мысленно жилъ уже не въ Берлинъ, не забывая, впрочемъ, что дѣлать заказы и наводить справки надо здраво и расчетливо.

Въ силу противоположности съ тѣмъ первобытнымъ міромъ, который ожидалъ его, какъ чувствовалъ онъ въ эти дни всю сложность, всю полноту, всю мощь европейской культуры и свою принадлежность къ ней!

Несмотря на свои скромныя средства, онъ постарался обставить свое путешествіе всѣми доступными для него средствами и обезпечить себѣ его плодотворность насколько возможно: въ глубинѣ души онъ таилъ твердую увѣренность, что когда нибудь оно будетъ разсматриваться какъ событіе, что оно не пройдетъ безслѣдно для науки, «для великаго дѣла познанія единосущнаго во всемъ своемъ многообразіи мірового бытія, на разумномъ пониманіи ко-

тораго человѣчество уже воздвигаетъ свою новую, истинную и незыблемую религію», какъ не разъ думалъ онъ, вѣрный ученикъ и послѣдователь Геккеля.

Всѣ свои вещи, всѣ тѣ сундуки и ящики разной величины и формы, куда было уложено все необходимое для его работъ, а также тропическіе костюмы, охотничья обувь, дорогое англійское ружье, револьверы, принадлежности для фотографированія, онъ отправилъ на пароходъ «Лютцовъ», въ Геную.

Затѣмъ сдѣлалъ прощальные визиты знакомымъ и товарищамъ, написалъ прощальныя письма роднымъ и друзьямъ и, наконецъ, успокоенный, готовый къ новымъ впечатлѣніямъ, сѣлъ въ автомобиль, который и помчалъ его на Ангальтскій вокзалъ.

Было тихое и свѣтлое утро начала ноября, съ блескомъ низкаго солнца на перекресткахъ и легкимъ голубымъ туманомъ въ перспективѣ сыроватыхъ улицъ.

При поворотѣ на Унтеръ-денъ-Линденъ, гдѣ на черныхъ деревьяхъ еще висѣли рѣдкіе канареечные листья, на минуту пришлось задержаться: щеголяя своими ранними выѣздами, медленно ѣхалъ, въ блестящей каскѣ и сѣрой лѣтней шинели, императоръ, сидѣвшій рядомъ со старымъ, ужаснымъ въ своей апоплексической крѣпости генераломъ; Штейнъ хорошо видѣлъ не въ мѣру властный профиль императора — и съ достоинствомъ поднялъ котелокъ.

Потомъ автомобиль пошелъ еще шибче и черезъ пять минутъ доставилъ его на мѣсто, а синія блузы носильщиковъ, гулкія громадныя залы, толпа, льющаяся къ высокимъ дверямъ дебаркадера, видъ стройнаго, шипящаго подъ его стекляннымъ колпакомъ поѣзда, кислая вонь газа и каменнаго угля, мальчики съ телѣжками-буфетами и звонкіе ихъ крики уже совсѣмъ перенесли его въ дорожный міръ.

Поѣздъ, въ который онъ сѣлъ, былъ великолѣпный.

Вагонъ, раскачиваясь и пружиня, летѣлъ почти безъ остановокъ.

Стекла нагрѣвались отъ солнца, по купэ ходили полосы горячаго свѣта, изъ-за бѣлаго дыма, проносившагося назадъ, то-и-дѣло открывались солнечныя осеннія поля, суглинистыя пашни, красныя крыши фермъ, мелкорослые сосновые перелѣски, серебристо-песчаные бугры, трубы заводовъ, иногда — улицы городовъ, ихъ разнообразно тѣснившіяся крыши и стѣны, такъ близко мелькавшія съ обѣихъ сторонъ, что взглядъ улавливалъ внутренность комнатъ съ открытыми на время утренней уборки окнами.

Штейнъ курилъ, читалъ газету; на остановкахъ онъ быстро спускалъ широкую раму своего окна, быстро бралъ изъ рукъ мальчика, бѣжавшаго по солнечной прохладной платформѣ, стаканъ съ пивомъ, кидалъ мелкую монету и опять погружался въ чтеніе.

II.

Въ Генуѣ его встрѣтилъ дождь и мягкій, южный морской воздухъ.

Все привычное, европейское осталось по ту сторону снѣжныхъ и туманныхъ Альпъ.

Здѣсь было все другое, — другой вокзалъ, другой народъ, другая суета, даже другая грязь на дурной мостовой.

Чувствуя себя челоувкомъ другой, высшей расы, Штейнъ, однако, не безъ удовольствія взглянулъ на итальянцевъ, на этихъ торопливыхъ и разговорчивыхъ, небольшихъ и легкихъ людей, и на мокрую зелень пальмъ на площади передъ вокзаломъ.

Ночь онъ провелъ въ сырой комнатѣ, окна которой выходили въ узкія и глубокія, нищенски и мрачно освѣщенныя улицы, на бѣлье и тряпки, развѣшенные на веревкахъ, протянутыхъ отъ дома къ дому.

На другой день, подъ дождемъ, на плохомъ извозчикѣ, на худой лошади, которая все шла бокомъ, точно норовя непремѣнно попасть подъ трамвай, переѣхалъ на «Лютцовъ», который вскорѣ и отвалилъ подъ звуки нѣмецкаго гимна.

Натянулся канатъ, на которомъ повлекъ его тупоносуя громаду побѣжавшій къ выходу изъ порта маленькій буксиръ, и мыльная вода, взбитая его винтомъ, лодки, волнорѣзы, пароходы—все поплыло, понеслось назадъ.

Сумрачныя облака тяжело спускались по горамъ, синѣвшимъ за холмами, на которыхъ покато бѣлѣлъ отдалявшійся городъ; разомкнулся и снова сомкнулся послѣдній молъ— и открылась впереди равнина непривѣтливаго моря, сверкающая барашками подъ низкимъ ненастнымъ небомъ; снѣгъ прибоя высоко взметывался вокругъ темнѣвшаго вдали мыса, вѣтеръ буйно трепалъ еще не спущенный на кормъ большой флагъ; музыка смолкла, пассажиры, придерживая шляпы, покидали упруго осѣдавшую и поднимавшуюся палубу. . .

Штейнъ, рослый, рыжеусый, свѣтлоглазый, въ сѣромъ костюмѣ, съ крупными и сильными ногами, обвитыми по толстымъ икрамъ суконнымъ бинтомъ, въ грубыхъ башмакахъ и тирольской шляпѣ, долго стоялъ одинъ, глядя на уменьшавшіеся и мутнѣвшіе берега.

III.

Въ сумерки девятаго ноября «Лютцовъ» прошелъ мимо Неаполя, и сумерки эти были еще мягче и темнѣй, чѣмъ въ Генуѣ, вѣяло еще болѣе вольнымъ вѣтромъ надъ огромнымъ смутнымъ заливомъ, за которымъ длинной цѣпью переливались манящіе къ себѣ огни города.

Потомъ, въ сѣрый, совсѣмъ весенній день, Штейнъ увидалъ среди сѣро-жемчужной морской равнины одинокій

фіолетовый конусъ вѣчно дымящагося Стромболи, передъ вечеромъ—курчавыя облака на горахъ Сициліи, а ночью—новые огни, въ Мессинѣ.

На розовой утренней зарѣ, разбуженный медленной, но довольно глубокой качкой, мѣрно отдѣлявшей отъ койки занавѣску, онъ любовался въ слегка отпотѣвшее окно каюты, подъ которымъ глянцевитыми буграми ходила холодная вода, полосатымъ отъ снѣга шатромъ Этны, распластаннымъ и повисшимъ въ ясномъ небѣ; въ полдень, при южномъ вѣтрѣ и веселомъ жидкомъ блескѣ солнца, записалъ въ своемъ журналѣ, что цвѣтъ моря измѣнился, сталъ густо-лиловый. . .

Двое сутокъ пробылъ «Лютцовъ» въ великолѣпной іонической пустынѣ, полной призраками воздушно-сиреневыхъ острововъ, а на третьи сутки пыльной полосой означился на горизонтѣ низкій берегъ, показались мачты и дома Портъ-Саида.

Въ Портъ-Саидѣ нѣсколько часовъ стояли, и Штейнъ посѣтилъ городъ.

Назойливость несмѣтныхъ попрошакъ, не дававшихъ ему проходу, возмутила его; однако, вынувъ книжечку, онъ записалъ, что движенія этихъ семитовъ, не связанныхъ европейской одеждой, восхитительны.

Онъ ходилъ по улицамъ, пробовалъ греческія сласти и турецкій кофе, сидя возлѣ кофейни и протягивая ноги мальчишкѣ, стоявшему передъ нимъ на колѣняхъ, ожесточенно работавшему сапожными щетками и порой съ очаровательной дѣтской радостью сверкавшему на него бѣлками.

IV.

Возвратясь на пароходъ и полулежа на палубѣ въ полотняномъ креслѣ, онъ глядѣлъ, какъ копошились возлѣ пароходовъ сотни худыхъ, полуголыхъ грузчиковъ, ведра-

ми перекидывая съ широкодонныхъ барокъ въ ихъ трюмы горы кокса и покрываясь его металлической пылью съ ногъ до головы; солнце грѣло, чайки кричали страдальчески-блаженно, а онъ смотрѣлъ и думалъ о геніи Лессепса, о томъ, что Лессепсъ совершилъ величайшій переворотъ въ судьбахъ человѣчества,—думалъ то, что много разъ читалъ въ книгахъ, но наслаждался этими мыслями какъ своими собственными.

Когда же солнце спустилось за дальнія трубы и мачты, въ шафрановое зарево, «Лютцовъ», точно китъ, заплывшій въ рѣку, потянулся по Каналу, зеленой полосой пролегалъ среди кустарниковъ, насаженныхъ по его бугристымъ песчанымъ берегамъ.

Быстро блекла и темнѣла, въ смуглой мути терялась пустыня, вставала съ востока ночь древнихъ аравійскихъ земель, ея молчаливая печаль, осторожно подвигался затихшій пароходъ—и сознание близости Синая будило въ душѣ отзвукъ какого-то священнаго, тайно сохранившагося отъ дѣтскихъ дней чувства. . .

А потомъ, слегка хмельной, самоувѣренный и гордый, во фракъ и съ сигарой, Штейнъ долго стоялъ въ толпѣ нарядныхъ мужчинъ и женщинъ, вышедшихъ послѣ обѣда полюбоваться на рѣдкое зрѣлище: на носу «Лютцова», подъ бушпритомъ, солнцемъ пылалъ громадный электрической фонарь—и далеко билъ отъ него въ темноту бѣлый слѣпящій свѣтъ: влачась по извиамъ Канала, «Лютцовъ» зорко озиралъ все, что было на его пути,—мутную воду, пласты бураго ила, пересыпанные пескомъ кустарники, лодки возлѣ сторожевыхъ постовъ, женскія фигуры босоногихъ феллаховъ, на корточкахъ сидѣвшихъ въ своихъ длинныхъ рубахахъ на кормахъ лодокъ.

Этотъ иль, эти аравійскіе и египетскіе пески, эти первобытныя фигуры напоминали о жизни глухой, полудикой, ветхозавѣтной.

Но темнота на горизонтѣ все время сквозила и серебрилась отъ приближающихся прожекторовъ встрѣчныхъ пароходовъ.

И разъ «Лютцовъ» совсѣмъ замедлилъ ходъ и привалился къ берегу, чтобы пропустить чуть не цѣлый пловучій городъ: онъ надвигался, рѣзко и фіолетово сіяя своими широкими, нестерпимо блестящими, какъ зажженный магній, лучами, затопилъ дневнымъ свѣтомъ всѣхъ стоявшихъ на «Лютцовѣ»—и съ шумомъ прошелъ мимо всѣми своими этажами, высокими мачтами, трубами, золотомъ освѣщенныхъ иллюминаторовъ и раскрытыхъ дверей, за которыми играла музыка въ переполненныхъ народомъ залахъ. . .

Въ эту ночь, у преддверія тропиковъ, у той завѣтной черты, о которой такъ долго мечталъ онъ, Штейнъ не спалъ почти до разсвѣта.

Небо отъ большого количества звѣздъ первой величины казалось мрачнымъ и торжественнымъ.

И чувствуя себя въ избыткѣ всѣхъ своихъ силъ и способностей, исполненнымъ надеждъ и твердой вѣры въ себя, въ свой умъ, въ свое сердце, въ свое міропониманіе, Штейнъ медленно ходилъ по палубѣ, строго глядя въ черное звѣздное небо своими надменными германскими глазами.

1916.

ПОСТЪ

Деревенская усадьба, начало марта, первыя недѣли Великаго поста.

Дни темные, однообразные.

Но они точно долгій, спокойный канунъ праздника.

Я живу затворникомъ, за работой съ утра до вечера.

Но я работаю легко, споро, съ той рѣдкой остротой душевнаго зрѣнія, которая даетъ такое непередаваемое счастье.

— «Се тебѣ, душе моя, ввѣряетъ Владыка талантъ: со страхомъ пріими даръ».

Нынче я опять не замѣтилъ, какъ прошелъ мой день.

Но вотъ бьетъ шесть, темнѣетъ, синѣетъ за окнами.

Усталый, умиротворенный, я кладу перо, мысленно благодаря Бога за силы, за трудъ, одѣваюсь и выхожу на крыльцо.

Сумерки, тишина, сладкій мартовскій воздухъ. . .

Я иду по деревнѣ, додумываю свои думы, укрѣпляя свои тайные вымыслы, но все вижу, все замѣчаю и чувствую — всему теперь открыто мое сердце, мои глаза, мои уши.

Ахъ, да, канунъ, канунъ.

Даже въ зимней угрюмости этихъ сумерокъ уже есть весна — въ ихъ чуть зримой синевѣ.

Зыбки сѣрые снѣга полей за деревней, избы въ деревнѣ чернѣютъ смутно, нигдѣ ни одного огня.

Темно и въ усадьбѣ, на которую гляжу я, возвращаясь съ деревни.

За усадьбой облаками темнѣетъ подѣ хмурымъ небомъ садъ.

Но и въ этомъ весна — въ томъ, что такъ поздно не зажигаютъ на деревнѣ огней и что садъ похожъ на тучу, что такъ хмуры и небо и вершины сада.

На выгонѣ — церковь, тамъ нынче служба.

Я подхожу и различаю у церковныхъ воротъ парныя сани, крытыя старымъ ковромъ, помѣщичьи.

Тутъ же, у коновязи, — мужицкія лошади въ дровняхъ, мелкія, лохматыя, за зиму обросшія густой шерстью.

На снѣгу возлѣ нихъ — клоки сѣна, перебитаго съ конскимъ навозомъ, и все это пахнетъ свѣжо, сыро, тоже по весеннему.

Полевымъ, нелюдимымъ гуломъ гудятъ голые тополи, возвышающіеся надъ церковной оградой.

На глазахъ, съ каждой минутой темнѣетъ, — лица проходящихъ въ церковь уже плохо видны, — къ ночи поднимается легкая заметь, и въ гудящихъ метлахъ тополей есть что-то строгое, жуткое.

За воротами, въ затишьи, воздухъ мягче, но порой церковный дворъ сѣрѣетъ отъ поземки, ограда дымится, и по моему лицу пробѣгаетъ холодная снѣжная пыль.

Когда на высококомъ каменномъ крыльцѣ церкви отворяются двери, видна за черными сѣнями ея внутренность въ золотыхъ и красныхъ точкахъ огней, съ блестящимъ иконостасомъ — и кажется торжественной.

Поднявшись на крыльцо, слышу тотъ сложный и холодный, особый запахъ, что бываетъ только на папертяхъ русскихъ церквей, ранней русской весной.

Дальше — стеклянные двери, густое и пахучее церковное тепло, темная стѣна народа и яркій свѣтъ за нею.

Тамъ, въ этомъ яркомъ свѣтѣ, у большого свѣщника, на которомъ пылаетъ цѣлый золотой костеръ, стоитъ барышня, та, чьи сани я видѣлъ за воротами.

Она блѣдна, свѣжа и такъ чиста, какъ бываютъ только говѣющія дѣвушки, едва вышедшія изъ отроческаго возраста.

Ея сѣро-голубое платье, подъ которымъ сквозитъ корсетъ, сжавшій тонкую талию, приняло отъ блеска свѣчей зеленоватый, лунный тонъ.

На спинѣ лежитъ черная, чуть пушистая коса. Озаренъ нѣжный овалъ ея лица и густыя рѣсницы, поднятыя на образа иконостаса.

Отъ какихъ грѣховъ очищается она постомъ, стояніями, своей блѣдностью?

Что за чувства у меня къ ней?

Дочь она мнѣ? Невѣста?

Въ темнотѣ возвращаюсь домой и провожу вечеръ за книгой, въ мірѣ несуществующемъ, но столь нераздѣльнымъ со всѣмъ, чѣмъ втайнѣ живетъ моя душа.

Засыпаю съ мыслью о радостяхъ завтрашняго дня — о радостяхъ своихъ вымысловъ.

Ей, Господи, не даждь ми духа праздности, унынія.

Больше мнѣ ничего не надо. Все есть у меня, все въ мірѣ — мое.

1916.

ТРЕТЬИ ПЪТУХИ

На разсвѣтѣ, въ туманѣ и сумракѣ, когда всѣ еще спали въ городѣ Синопѣ, подошелъ къ Синопу разбойничій корабль.

Пѣтухи пѣли по всему нагорному берегу, по всему селенію въ этотъ темный и сладкій часъ, и съ разбойничьяго корабля, съ дружной радостью, откликался имъ разбойничій пѣтухъ.

Спали въ Синопѣ собаки и сторожа, спали дѣти и женщины, — всѣ спали, — а разбойники, вполслуха переговариваясь, спустились съ корабля въ челнокъ, на пахучую свѣжую воду, доплыли на веслахъ до берега и пошли къ жилищамъ, крадучись.

Не пощадили они, волки, ни стараго, ни малаго!

А награвивъ добра, загубивъ пять невинныхъ душъ, — пятерыхъ кровныхъ родичей Фоки Угодника, синопскаго святителя, — поспѣшно воротились они на корабль, подняли паруса и опять ушли въ море.

И тамъ, въ вольной пустынѣ, начался у нихъ буйный пиръ.

И ѣли и пили и плясали и пѣли они— до самаго вечера.

А къ вечеру повалились по кораблю, по его каморамъ,

гдѣ кто попало, не убравъ парусовъ, не засвѣтивъ огня и не поставивъ ни кормчаго, ни дозорнаго.

И вотъ пали сумерки на море, собрались надъ нимъ низкія тучи, и сдѣлалось великое безмолвіе.

Какъ пустыми рукавами болтая вѣтрилами, плыль корабль по-морю безъ пути, безъ направленія.

А по каморамъ корабля, въ зловонной темнотѣ, тяжело храпѣли пьяные.

И сказалъ Господь:

— Такъ злодѣямъ и надобно.

— Замолчите, птицы морскія бѣлыя, не падайте со скрипучими криками надъ волною морской, — не будите безмолвія и спящихъ разбойниковъ.

— Се возстану Я въ вѣтрѣ съ Запада, осыплю Понтъ какъ бы чернымъ пескомъ—и промчусь надъ нимъ вихремъ и красной молніей:

— Горе вамъ, пьяные разбойники!

— Килемъ вверхъ, съ громомъ и бурей, перекину Я ваше углое убѣжище!

— Въ хлябь морскую низвергну васъ, поправшихъ уставы человѣческіе и Божескіе!

Только кто это свѣтитъ тонкимъ синимъ призракомъ на носу разбойничьяго корабля?

Кто затеплилъ огонь въ фонарѣ и поспѣшно спускается въ темныя каморы корабельныя?

Это Фока, святитель морской.

Онъ толкаетъ и будить разбойниковъ, говоритъ имъ быстрымъ, жуткимъ голосомъ:

— Ахъ, скорѣй вставайте, разбойники! Бѣгите на верхъ, спускайте паруса, ставьте кормчаго, — идетъ на васъ великая бѣда!

И разбойники въ страхѣ вскакиваютъ на ноги, бѣгутъ кто куда по кораблю, по палубѣ, — за канаты парусные, за рулевые рога хватаются, а ужъ вѣтеръ по морю

мечется, рветъ паруса, задуваетъ огонь, валить съ ногъ разбойниковъ:

— Спасайтесь, душегубы, Каины!

И пока они бьются, спасаются, призываетъ разгнѣванный Господь въ Свои темныя небеса, подь красныя молніи, Фоку-Угодника:

— Говори Мнѣ, святой, — не изъ того ли ты города, гдѣ злодѣи безчинствовали?

И отвѣчаетъ святой въ трепетѣ:

— Оттолѣ, Господи.

— Было ли тебѣ вѣдомо, что пожелалъ Я погубить разбойниковъ, силой похоти и своеволія воздвигнутыхъ на попраніе уставовъ Божіихъ, зарѣзавшихъ пятерыхъ твоихъ кровныхъ родичей?

— Было, Господи.

— Ради чего же ты осмѣлился Мнѣ противиться?

И опускается святой на колѣни передъ Господомъ:

— Ради третьихъ пѣтуховъ, Господи, въ слезы любви и раскаянія нѣкогда повергнувшихъ Петра-Апостола:

— Какъ подумалъ я, что не слышать больше разбойникамъ того радостнаго предъутренняго голоса, возскорбѣла моя душа горькой нѣжностью.

— Ей, Господи! Сладка земная жизнь, Тобой данная!

— Ради одного этого голоса, новый день, новый путь темнымъ и злымъ людямъ обещающаго, будь во вѣки вѣковъ благословенно земное рожденіе!

И прощаетъ Господь Фоку-Угодника.

И С Х О Д Ъ

I.

Князь умеръ передъ вечеромъ двадцать девятого августа. Умеръ, какъ жилъ,—въ полномъ одиночествѣ.

Солнце, золотясь передъ закатомъ, не разъ заходило въ легкія смуглыя тучки, островами раскинутыя надъ дальними полями на западѣ. Вечеръ былъ простой, спокойный. На широкомъ дворѣ усадьбы было пусто, въ домѣ, какъ будто еще болѣе обветшавшемъ за лѣто, очень тихо.

Ниціе, бродившіе по деревнѣ, раньше всѣхъ узнали о смерти князя. Они появились возлѣ разрушенныхъ каменныхъ столбовъ при въѣздѣ въ усадьбу и нестройно, разными голосами, запѣли древній духовный стихъ «на исходъ души изъ тѣла». Ихъ было трое: рябой парень въ лазоревой рубахѣ съ укороченными рукавами, старикъ, очень прямой и высокій, и загорѣлая дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, но уже мать. Она стояла съ соннымъ ребенкомъ на рукахъ, державшимъ во рту сосокъ ея маленькой груди, и пѣла звонко и безстрастно. Мужики были оба слѣпы, съ бѣльмами; у нея глаза были чистые, темные.

Въ домѣ хлопали двери. Наташа выскочила на парадное крыльцо и вихремъ понеслась черезъ дворъ къ людской избѣ; изъ раствореннаго дома слышно было, какъ

стѣнные часы медлительно пробили шесть. А черезъ мину- ту по двору уже бѣжалъ и на бѣгу попадалъ въ рукавъ армяка работникъ — сѣдлатъ лошадь, скакать на деревню за старухами. Гостившая въ усадьбѣ странница Анюта, похожая своей стриженной головой на мальчика, высуну- лась въ окошечко людской и, захлопавъ въ ладоши, что-то закричала ему вслѣдъ — тупо, косноязычно и востор- женно.

Когда молодой Бестужевъ вошелъ къ умершему, онъ лежалъ навзничъ на старинной кровати орѣховаго дерева, подъ старымъ одѣяломъ изъ краснаго атласа, съ разстег- нутымъ воротомъ ночной рубашки, полузакрывъ непо- движные, какъ бы хмѣльные глаза и откинувъ въ подушку темное, поблѣднѣвшее, давно не бритое лицо съ большими сѣдѣющими усами. Ставни въ этой комнатѣ были по его желанію закрыты почти все лѣто, — теперь ихъ открывали. На комодѣ возлѣ кровати желто горѣла свѣча. Склонивъ къ плечу голову, съ бьющимся сердцемъ, Бе- стужевъ жадно всматривался въ то странное, уже холо- дѣвшее, что тонуло въ постели.

Ставни раскрывались одна за другою. Въ окна, сквозь темныя вѣтви стараго хвойнаго палисадника, глянулъ да- лекій закатъ, оранжево догоравшій въ тучкахъ. Бесту- жевъ, отойдя отъ умершаго, распахнулъ одно изъ этихъ оконъ. Въ комнату, въ застоявшійся, сложный запахъ лекарствъ, ощутительно потянуло чистымъ воздухомъ. Вошла заплаканная Наташа и стала выносить все то, что князь, съ недѣлю тому назадъ, внезапно охваченный ка- кой-то тревожной жадностью, приказалъ перетаскать къ нему и разложить передъ его глазами на столахъ и крес- лахъ: истертое казацкое сѣдло, уздечки, мѣдный охотни- чій рогъ, собачьи смычки, патронташъ. Уже не стѣсняясь стучать, звенѣть удилами и стремя о стремя, она дѣлала дѣло съ твердымъ и строгимъ лицомъ, сильно дунула, про-

ходя мимо комода, на свѣчку. . . Князь былъ неподвиженъ и неподвижны были его полуприкрытые, какъ бы слегка косившіе глаза. Вечернее сухое тепло, смѣшанное съ свѣжестью отъ рѣки, наполняло комнату. Солнце потухло, все поблекло. Хвоя палисадника сухо темнѣла на прозрачномъ, сверху зеленоватомъ, ниже шафранномъ морѣ далекаго запада. Щебетала за окномъ какая-то птичка, и щебетъ ея казался очень рѣзокъ.

— Чего жалѣть, — серьезно сказала Наташа, опять входя и отодвигая ящикъ комода, вынимая оттуда чистое бѣлье, простыни и наволочку на подушку. — Умерли смирно, всѣмъ такъ дай Богъ. — А жалѣть ихъ некому, никого послѣ себя не оставили, — прибавила она и опять вышла.

Бестужевъ, присѣвъ на подоконникъ, все глядѣлъ въ темный уголъ, на постель, гдѣ лежалъ умершій. Онъ все старался что-то понять, собрать мысли, ужаснуться. Но ужаса не было. Было только ощущеніе удивленности, невозможности осмыслить, охватить происшедшее. . . Неужели все разрѣшилось, и теперь можно говорить въ этой спальнѣ такъ свободно, какъ говоритъ Наташа? Впрочемъ, подумалъ Бестужевъ, она говорила о князѣ съ той же свободой, — какъ о человѣкѣ, уже вышедшемъ изъ круга живыхъ, — и раньше, весь послѣдній мѣсяць.

Со двора, изъ сумрака слабо и необыкновенно пріятно пахло дымомъ. Это успокаивало, говорило о землѣ, о продолжающейся, простой человѣческой жизни. Въ стемнѣвшихъ лугахъ, на рѣкѣ, ровно шумѣла водяная мельница. . . Недѣлю тому назадъ князь сидѣлъ возлѣ ея воротъ, на старомъ жерновѣ, — въ шапкѣ, въ лисьей поддевкѣ, худой и темноликій, согнувшись и упершись руками въ сѣрый ноздреватый камень. Старикъ, который привезъ смолоть нѣсколько мѣръ нѣвины, щурясь, исподлобья посмотрѣлъ на него, развертывая веретье. — «А ужъ и худъ ты! — холодно и пренебрежительно сказалъ онъ князю, хотя преж-

де всегда говорилъ съ нимъ почтительно. — Прямо никуда! Нѣтъ, теперъ тебѣ житья немного. — Тебѣ лѣтъ семьдесятъ будетъ?» — «Пятьдесятъ первый, — сказалъ князь. — Да что ты, не знаешь меня развѣ?» — «Пятьдесятъ первый! — насмѣшливо сказалъ старикъ, возясь съ веретѣемъ. — Не можетъ того быть, — твердо сказалъ онъ, — ты на много старше меня». — «Вотъ дуракъ, — усмѣхнувшись, сказалъ князь, — да вѣдь мы росли вмѣстѣ». — «Ну, росли, не росли, а житья тебѣ теперъ немного», — сказалъ старикъ, натуживаясь, и, приподнявъ и прижимая къ груди тяжелую, полную рожью мѣру, поспѣшно, присѣдая, пошелъ въ шумящую, бѣлую отъ муки мельницу. . .

— Теперъ уходите, барчукъ, — безстрастно, но значительно сказала Наташа, входя съ ведромъ горячей воды.

И отъ этого ведра, отъ этихъ словъ Бестужеву вдругъ стало страшно. Онъ поднялся съ подоконника и, не глядя на Наташу, вышелъ черезъ прихожую, прилежавшую къ комнатѣ покойнаго, на черное крыльцо. Въ сумракѣ возлѣ крыльца мыли руки пріѣхавшія съ деревни старухи, Евгенія и Агафья: одна лила изъ кувшина, другая, согнувшись, захвативъ въ колѣни подолъ темнаго платья, крѣпко отжимала, встряхивая пальцы. Это было еще страшнѣе. Бестужевъ быстрыми шагами прошелъ мимо нихъ въ сухой, уже порѣдѣвшій къ осени садъ, таинственно освѣщенный по низамъ только что показавшимся среди дальнихъ стволовъ круглымъ, огромнымъ, зеркальнымъ мѣсяцемъ.

II.

Въ девятомъ часу въ комнатѣ, гдѣ умеръ князь, все пришло въ порядокъ, было прибрано, кровати уже не было, тепло пахло вымытыми полами. На столахъ, поставленныхъ наискось въ передній уголь, подъ старинные образа, возлѣ окна, верхнее стекло котораго серебрилось отъ

мѣсячнаго свѣта, возвышалось подѣ простыней тѣло, казавшееся очень большимъ. Три толстыхъ свѣчи въ церковныхъ высокихъ подсвѣчникахъ горѣли въ головахъ его прозрачно, дрожали хрустальнымъ чадомъ. Тишка, сынъ церковнаго сторожа Семена, умытый, причесанный, въ новой поддевкѣ, жалостно и поспѣшно читалъ псалтырь. — «Хвалите Господа съ небесъ, — читалъ онъ, подражая черничкамъ: — хвалите Его всѣ Ангелы Его, хвалите Его всѣ воинства Его. . .» Темно и чадно дрожали на свѣчкахъ прозрачныя копья пламени, золотыя, съ ярко-синимъ основаніемъ.

Въ домѣ огонь былъ только въ лакейской. Тамъ, подѣ окномъ, стоялъ столъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ. Блѣдная и серьезная, въ черномъ платочкѣ, Наташа, Евгенія, похожая на смерть, и печально-скромная Агафья, плотникъ Григорій, уже начавшій въ сараѣ дѣлать гробъ, и церковный сторожъ Семень, старикъ съ тусклыми свинцовыми глазами, испорченными постояннымъ чтеніемъ при дрожавшемъ свѣтѣ по покойникамъ, пили чай. Семень, который долженъ былъ смѣнить сына, принесъ съ собой собственную книгу, въ грубой, какъ бы деревянной кожѣ бураго цвѣта, закапанную воскомъ, съ обожженными кое-гдѣ углами страницъ.

— А какъ ни плохо живешь, все будетъ трудно съ бѣлымъ свѣтомъ разставаться, — печально говорила Агафья, наливая изъ чашки въ блюдечко.

— Извѣстно, трудно, — сказалъ Григорій. — Кабы зналъ, и жилъ бы не такъ, все бы имущество истребилъ. А то боимся имѣнье свое распустить, все думаешь, подѣ старость дѣться будетъ некуда. . . а глядишь, и до старости не дожилъ!

— Наша жизнь какъ волна бѣжитъ, — сказалъ Семень. — Смерть, ее, сказано, надо встрѣчать съ радостью и трепетомъ.

— Исходъ, а не смерть, родной, — сухо и наставительно поправила Евгенія.

— Съ трепетомъ, не съ трепетомъ, а умирать никому не хочется, — сказала Григорій. — Всякая козявка, и та смерти боится. Тоже, значить, и у нихъ души есть.

— Не души, батюшка, а дуси, — еще наставительнѣе сказала Евгенія.

Кончивъ послѣднюю чашку, Семень мотнулъ головой, откидывая со лба вспотѣвшіе темносѣрые волосы, всталъ, перекрестился, захватилъ псалтирь и на ципочкахъ пошелъ черезъ темный залъ, черезъ темную гостиную къ покойнику.

— Ступай, ступай, дорогой, — сказала ему вслѣдъ Евгенія. — Да поприлежнѣй читай. Когда кто хорошо читаетъ, грѣхи съ грѣшника какъ листья съ сухого дерева валяются.

Смѣняя Тишку, Семень надѣлъ очки и, строго глядя черезъ нихъ, мягко обобралъ пальцами воскъ съ оплывшихъ свѣчей, потомъ медленно перекрестился, развернулъ на аналоѣ свою книгу и сталъ читать негромко, съ ласковой и грустной убѣдительностью, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предостерегающе повышая голосъ.

Дверь въ прихожую возлѣ чернаго крыльца была открыта. Читая, Семень слышалъ, какъ на крыльцѣ кто-то затопалъ ногами: пришли поглядѣть на покойника двѣ дѣвки, обѣ наряженныя, въ новыхъ крѣпкихъ башмакахъ. Онѣ вступили въ комнату робко и радостно, шопотомъ переговариваясь. Крестьясь и стараясь ступать нетвердо, одна изъ нихъ, вздрагивая грудями подъ новой розовой кофточкой, подошла къ столу, отвернула простыню съ лица князя. Блескъ свѣчей упалъ на кофточку, испуганное лицо дѣвки стало въ этомъ блескѣ блѣдно и красиво, а мертвое лицо князя засіяло, какъ костяное. Большіе сѣ-

дѣющіе усы, разросшіеся за болѣзнь, уже сквозили, въ глазахъ, не совсѣмъ закрытыхъ, темнѣла какая-то жидкость...

Тишка жадно курилъ въ сѣняхъ, поджидая выхода дѣвокъ. Онѣ проскользнули мимо него, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ его. Одна сбѣжала съ крыльца, другую, въ розовой кофточкѣ, онъ успѣлъ поймать. Она рванулась, зашептала:

— Ай ты угорѣлъ? Пусти! А то отцу скажу. . .

Тишка выпустилъ ее. Она побѣжала къ саду. Мѣсяць, уже небольшой, бѣлый, ясный, высоко стоялъ надъ темнымъ садомъ, и золотисто блестяло въ его свѣтѣ сухое желѣзо на крышѣ бани. Въ тѣни отъ сада дѣвка обернулась и, взглянувъ на небо, сказала:

— Ночь-то какая, — батюшки!

И очаровательно, съ радостной нѣжностью, прозвучаль въ ночномъ тихомъ воздухѣ ея счастливый голосъ.

III.

Бестужевъ ходилъ изъ конца въ конецъ по двору. Со двора, пустого, широкаго, освѣщеннаго мѣсяцемъ, онъ глядѣлъ на огоньки въ деревнѣ за рѣкою, на свѣтлыя окна людской, гдѣ слышались голоса ужинающихъ. Въ сараѣ были раскрыты ворота, горѣлъ разбитый фонарь, поставленный на козлы тарантаса. Григорій, наклонившись и оставивъ одну ногу, шмыгалъ фуганкомъ по тесинѣ, заправленной въ старыя верстаки. Красно-дымный огонь въ фонарѣ дрожаль, дрожали тѣни въ сумрачномъ сараѣ... Когда Бестужевъ на минуту приостановился у воротъ сарая, Григорій поднялъ возбужденное лицо и весело, съ отѣнкомъ ласковой гордости, сказалъ, кивая на стоявшій возлѣ его ногъ длинный бѣлый ящикъ:

— Крышку ужъ додѣлываю. . .

Потомъ Бестужевъ постоялъ, облокотясь на раскрытое окно людской. Кухарка собирала со стола остатки ужина, стирала съ него ветошкой. Пастухи, подростки, укладывались спать: Митька, разутый, молился, стоя на нарахъ, устланныхъ свѣжей соломой, Ванька — среди избы. Рыжий лохматый печникъ, широкоплечій и очень маленькій ростомъ, въ черной рубахѣ съ крапинками известки на ней, пришедшій съ деревни изъ-за рѣки, чтобы начать завтра поправлять стѣны внутри обвалившагося княжескаго склепа, вертѣлъ, сидя на лавкѣ, цигарку.

Анюта тупо, восторженно и косноязычно говорила съ печки:

— Вотъ и померъ, ваше сіятельство, въ головà ничего не положилъ. . . Такъ и не далъ мнѣ ничего. . . Нѣту да нѣту, погоди да погоди. . . Вотъ теперь и годи. . . Вотъ и годи. . . Годи теперь! Погодилъ, милый? Въ головà себѣ много положилъ? Понялъ теперь, что у тебя въ головахъ, глупый? А что бы такъ-то дать рублика два, прикрыть мое тѣло! Я убогая, урода. Никого у меня нѣту. Ишь грудь-то!

И она распахнула кофту и показала голую грудь:

— Голая вся. Такъ-то, глупый! А я тебя въ старые годы любила, я объ тебѣ скучала, ты красивый былъ, веселый, ласковый, чистая барышня! Ты всю свою молодость объ своей Людмилочкѣ убивался, а она тебя, глупый, только терзала-мучила да съ другимъ подъ вѣнецъ стала. Ты изъ-за ней весь свой вѣкъ сгубилъ, пьяницей сталъ, а я одна тебя вѣрно любила, да про то только моя думка знала! Я убогая, урода, а душа-то у меня, можетъ, ангельская-архангельская, я одна тебя любила, одна сижу. радуюсь о твоей кончинѣ смертной. . .

И она радостно и дико засмѣялась и заплакала.

— Пойдемъ, Анюта, псалтирь читать, — громко сказалъ печникъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми кому-нибудь на потѣху. — Пойдешь, не боишься?

— Дуракъ! Кабы ноги были цѣлы и пошла бы, ай плохо? — крикнула Анята сквозь слезы. — Ихъ грѣхъ, покойниковъ-то, бояться. Они святыя, пречистыя.

— Я и не боюсь, — развязно сказалъ печникъ, закуривая сигарку, загорѣвшуюся зеленымъ огнемъ. — Я съ тобой хоть на цѣльную ночь въ склепѣ ляжу. . .

Анята, не слушая его, восторженно рыдала, утираясь кофтой.

Не нарушая свѣтлаго и прекраснаго царства ночи, а только дѣлая его еще болѣе прекраснымъ, пали на дворъ легкія тѣни отъ шедшихъ на мѣсяць бѣлыхъ тучекъ, и мѣсяць, сіяя, катился на нихъ въ глубинѣ чистаго неба, надъ блестящей крышей темнаго стараго дома, гдѣ свѣтилось только одно крайнее окно — у изголовья почившаго князя.

1918.

ГОТАМИ

Повѣсть, трижды прекрасная своей краткостью и скромностью, своимъ смысломъ и складомъ, повѣсть о любви Готами, которая, сама того не вѣдая, пришла подъ сѣнь Благословеннаго.

Такъ слышали мы:

Въ людномъ селеніи, въ счастливой мѣстности, у подножія великихъ Гималаевъ, въ семьѣ бѣдной, но достойной, родилась Готами.

Высока ростомъ и на видъ худоцава была она, а душой проста, нетребовательна, и сосѣди дали ей недоброе прозвище: «Готами Тошчая» прозвали они ее, но она не обидѣлась. И всякому приказанію была она послушна и на всякое приказаніе отзывалась такъ:

— Хорошо, милый господинъ, я сдѣлаю. Хорошо, милая госпожа, я сдѣлаю.

Да простится намъ слово: неумна была среди людей Готами. Но и глупаго не говорила она,—можетъ быть, потому, что никогда не говорила она много и съ утра до вечера что-нибудь работала. И одежда на ней была бѣдная и все одна и та же, все одна и та же, но всегда опрятная. И вотъ юноша, весьма богатый и красивый, сынъ великаго царя той мѣстности, увидѣлъ ее на берегу рѣки, когда мыла она бѣлье своихъ сестеръ и братьевъ, и понялъ, что

она не умна и покорна и что никто не заступится за нее,— даже родители.

Такъ подумалъ онъ:

— Что жъ дѣлать, скажутъ ея родители, неумна Готами, нехороша Готами, не на дочь нашу, а на служанку похожа она,—кто возьметъ ее замужъ? Рано или поздно, все равно покорится она мужчинѣ, который пожелаетъ ее: не умѣетъ отказывать Готами. Ахъ, если бы былъ тотъ мужчина не безжалостный и давалъ на воспитаніе ребенка, что родится отъ нея!

Такъ подумалъ царскій сынъ, юноша.

А Готами, вымывъ и выполоскавъ бѣлье, сѣла на корточки надъ блестящей отъ солнца водой, снявъ съ себя одежду, весь свой станъ отъ подмышекъ до колѣнъ завернувъ старой тканью и распустивъ свои длинные черные волосы, стала чистить размоченной щепочкой свои бѣлые зубы, стала мыть свои смуглыя ноги, не зная, что царскій сынъ смотритъ на нее изъ-за бамбуковыхъ кустовъ. И тогда онъ окликнулъ ее и, подходя, сказалъ ей съ усмѣшкой, но ласково:

— Ты мила, Готами, и совсѣмъ не такая тощая, какъ говорятъ про тебя: о дѣвушкѣ въ простой одеждѣ и высокаго роста часто судятъ неправильно. Я слышалъ, Готами, что ты покорная. Не противься же мнѣ, никто не увидитъ нашихъ ласкъ въ этотъ жаркій часъ надъ пустой рѣкой.

И Готами смутилась передъ нимъ, передъ его увѣренностью въ правотѣ его желанія, и прошептала въ отвѣтъ:

— Хорошо, милый господинъ, будетъ по твоему.

И царскій сынъ, наслаждаясь ею, увидѣлъ, что она лучше, чѣмъ казалась, и что темные глаза ея, хотя и не выражаютъ мысли и какъ будто всегда одинаковы, полны очарованія. И послѣ того стали часты ихъ встрѣчи на берегу рѣки, въ рощѣ бамбуковъ, и всегда было такъ, что, когда бы ни приказалъ царскій сынъ прійти къ нему, всегда при-

ходила Готами безъ послушанія и не мѣнялась въ своей покорности и прелести при тѣлесномъ сближеніи, а при краткой бесѣдѣ—въ привѣтливости. И по истеченіи положеннаго времени почувствовала себя беременной. И тогда царскій сынъ взялъ ее къ себѣ въ наложницы, перевезъ ее съ ея бѣдной укладкой, гдѣ хранилось ея скромное добро, жалкій достатокъ рабочей дѣвушки, въ свой богатый дворецъ, и она прожила во дворцѣ всю пору своего бремени.

Когда же приблизился день, одна изъ царскихъ домоправительницъ сказала ей:

— Готами. Жена, готовая стать матерью, уходитъ рожать, во исполненіе обычая, въ свой отчій домъ. Но ты не жена, а наложница. Не ходи же въ домъ родителей, но и не нарушай пристойности.

И Готами поклонилась ей, встала и вышла за калитку глиняной ограды дворца.

И, перейдя деревянный мостъ черезъ мутный каналъ, бывшій по близости, увидала сидящаго подъ деревомъ, съ чашкой въ рукѣ, слѣпого и древняго нищаго, только по поясу препоясанаго грязной тряпицею, руки же свои, ноги, грудь и сухую, блестящую спину подставившаго зною и мухамъ.

И нищій поднялъ свое незрячее лицо, прислушиваясь къ ея шагамъ, и улыбнулся нѣжной и горькой улыбкой старческой мудрости:

— Готами! — сказалъ онъ ей. — Не вижу тебя, но чувствую твое приближеніе. Готами, будь благословенна стезя твоя!

И она поцѣловала колѣно нищаго и продолжала свой путь и на пути, въ жаркихъ солнечныхъ рощахъ, среди атласовыхъ деревьевъ, до срока родила свое дитя.

И блаженно, со слезами радости, отдохнувъ отъ своего мученія, возвратилась съ ребенкомъ на рукахъ во дво-

рець царевича и предалась чувству непрестаннаго восторга и умиленія, чувству тѣлесной любви къ рожденному, сладкой тревогѣ видѣть, обонять, осязать и прижимать къ своей груди это растущее и съ каждымъ днемъ болѣе пробуждающееся для мысли и сознанія существо.

— «Вспомнила тебя душа моя!» — этихъ нѣжныхъ словъ не сказалъ Готами юноша, сближаясь съ ней, хотя и была она мила ему, хотя и везли ее въ царскій дворець съ музыкой, на быкахъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами, нарядивъ ее точно къ вѣнцу, гладко причесавъ ея черные волосы, нарумянивъ лицо и подсурмивъ рѣсницы.

И Готами, родивъ дитя, покорно приняла охлажденіе къ ней юноши и устранилась отъ глазъ его, дабы не испытывалъ онъ смущенія и виновности, случайно встрѣчая ее.

И оставшись жить въ оградѣ дворца, поселилась въ простой хижинѣ на берегу прудовъ, принявъ на себя обязанность кормить лебедей, плававшихъ въ тѣхъ прудахъ среди травъ и цвѣтовъ.

И была до времени счастлива, приготавливаясь, сама того не вѣдая, къ тѣмъ великимъ скорбямъ, что должны были придти на законную смѣну этому счастью и направить ее на путь едино истинный, въ среду Братіи Желтаго Облеченія.

Блаженны смиренные сердцемъ, расторгшіе Цѣпь.

Въ обители высокой радости живемъ мы, ничего въ этомъ мірѣ не любящіе и подобные птицѣ, которая несетъ съ собой только крылья.

МЕТЕОРЪ

Рождество, много снѣгу, ясные морозные дни, извозчики ѣздятъ рѣзво, вызываяще, съ двухъ часовъ на каткѣ въ городскомъ саду играетъ военная музыка.

Верстахъ въ трехъ отъ города старая сосновая роща.

Смѣясь, переговариваясь, идутъ къ ней по снѣжному полю, снуютъ ногами въ длинныхъ шведскихъ лыжахъ, держа въ правой рукѣ длинныя, тонкія палки съ колесиками на концѣ, лицеистъ, гимназистка, высокій и полный богатый молодой человѣкъ, кадетъ и курсистка въ пенснэ, очень близорукая, неловкая и очень обидчивая. Она одна молчитъ, идетъ старательнѣе и хуже всѣхъ. Всѣ одѣты такъ, какъ ходятъ на катокъ. Одна она въ настоящемъ лыжномъ костюмѣ, въ бѣлой вязаной рубахѣ и такой же шапкѣ.

Роща близится, становится живописнѣе, величественнѣе, чернѣе и зеленѣе. Надъ нею уже стоитъ прозрачно-блѣдная круглая луна. Справа чистое солнце почти касается вдали золотисто-блестящей снѣжной равнины съ чуть замѣтнымъ зеленоватымъ тономъ.

Курсистка впереди всѣхъ, — порой спотыкаясь и роняя пенснэ, она первая входитъ въ рощу, въ огромную снѣжную просѣку среди мачтовыхъ сосенъ. Лыжный костюмъ обтягиваетъ ея большой задъ и груди. Живой, смуглый, ши-

роконосый кадетъ, не отставая отъ нея ни на шагъ, все подсмѣивается надъ ней, все острить. Она каждый разъ зло и находчиво отвѣчаетъ ему, старательно дѣлая свое дѣло. Однако, между ними что-то есть.

Въ роцѣ вечерѣтъ, морозить, высокое небо надъ просѣкой холодѣтъ и синѣтъ; далеко впереди, за поляной, верхушки нѣсколькихъ сосенъ, особенно высокихъ, краснѣютъ. Въ роцѣ еще слаще чувствовать себя молодымъ, праздничнымъ, все время близкимъ къ какому-то счастью, дышать этимъ зимнимъ, эфирнымъ воздухомъ. Лицеистъ ждетъ счастья напряженнѣе всѣхъ, двигаясь все время рядомъ съ гимназисткой.

Спокойнѣе прочихъ богатый молодой человѣкъ съ его всегдашнимъ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ его тонкимъ, пятнистымъ, аристократическимъ румянцемъ.

На полянѣ останавливаются, весело отдыхая и говоря всѣ разомъ, мужчины курятъ, испытывая отъ табаку особенное наслажденіе. У всѣхъ возбужденныя лица, блестящіе глаза, легкой иней на рѣсницахъ.

— Теперь куда?

— Конечно, внизъ, на рѣку!

— А вонъ, господа, еще лыжники!

— Кто это? Неужели Ильины? Вотъ пріятная встрѣча!

Пролеты высокихъ аллея расходятся отъ поляны во всѣ стороны. Въ той, что ведетъ прямо къ рѣкѣ, приближаются двѣ фигуры, мужчина и женщина. Слышенъ звонкій женскій смѣхъ, кажущійся притворнымъ.

— Кто это? — спрашиваетъ гимназистка лицеиста. — Вы лучше меня видите.

— Ваши партнеры по любительскому спектаклю. Залѣсская съ Потемкинымъ.

— Ахъ, я не хочу встрѣчаться съ ними. Я ее терпѣть

не могу. Уйдемъ куда-нибудь. Встрѣтимся съ нашими на лугу.

— Слушаю-съ. — Господа, мы вамъ пока откланиваемся. До скорого свиданія на рѣкѣ.

— Это почему? — спрашиваетъ кадетъ, нелѣпо выка- тывая глаза. — Что сей внезапный сонъ значить?

— Намъ пора отношенія выяснить, — отвѣчаетъ гим- назистка, смѣясь. — *Au revoir*, господа. Можете намъ за- видовать.

И взявшись за руки, лицеистъ и гимназистка ѣдутъ въ просѣку направо. Ихъ провожаютъ напутственными кри- ками, шутками.

У лицеиста крѣпко бьется сердце. Онъ чувствуетъ, что она, подъ видомъ шутки, съ той спокойной и удивительной смѣлостью, на которую способны только женщины, сказа- ла правду. Онъ знаетъ, что за эти праздничные дни все ска- зано безъ словъ между нимъ и ею, что они ждутъ только момента и рѣшительности осуществить это сказанное безъ словъ. И вотъ этотъ моментъ внезапно насталъ. Однако, она идетъ и молчитъ, и его волненіе увеличивается сомнѣ- ніемъ, не ошибается ли онъ.

Она молчитъ, она спокойно и какъ ни въ чемъ не бы- вало двигаетъ лыжами. И отъ волненія молчитъ и онъ, или же говоритъ что-нибудь явно ненужное.

— Хотите итти слѣва? Тутъ глубже снѣгъ...

— Нѣтъ, спасибо, мнѣ очень хорошо...

И опять молча суютъ они лыжами, слегка наклоняясь впередъ. Снѣгъ вокругъ, среди сосновыхъ розоватыхъ стволовъ, становится все глубже, бѣлѣе, сосны все чаще, оснѣженнѣе. Вечеръ мягко мѣняетъ краски, все больше сливаясь съ воцаряющейся лунной ночью.

— Охъ, я, кажется, устала! — говоритъ она нако- нецъ, поворачивая къ нему раскраснѣвшееся лицо и слегка улыбаясь. — Куда мы идемъ? Мы заблудимся...

У него еще больше замираетъ сердце, но онъ отвѣчать, стараясь говорить какъ можно обыденнѣе:

— Еще немного. Скоро опять поляна и скамейка, — развѣ вы не помните? Вы потише, поровнѣе. Вотъ такъ: разъ, разъ. . . разъ, разъ. . .

На полянѣ, возлѣ скамейки, утонувшей въ снѣгу, онъ отпускаетъ ея руку и только отпустивъ, чувствуетъ, какое это было наслажденіе держать ее, какъ будто сосредоточившую въ себѣ всю прелесть всего ея женскаго существа.

Онъ утаптываетъ снѣгъ возлѣ скамейки, срѣзаетъ лыжей снѣжную подушку съ нея, смахиваетъ платкомъ сухіе остатки снѣга. Она садится и на минуту блаженно закрываетъ глаза.

— Какъ хорошо. Какая тишина. — Какія это птицы?

По кустамъ можжевельника перелетаютъ толстые, зобастые, съ красными грудками снѣгири.

— Это снѣгири.

— Какъ они красивы!

— Хотите, убью одного?

И онъ вынимаетъ изъ кармана маленькій револьверъ.

— Нѣтъ, не надо, — говоритъ она съ нерѣшительной улыбкой.

Толстый снѣгирь перелетаетъ ближе.

— Видите, онъ самъ идетъ навстрѣчу смерти. — Такъ я стрѣляю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

— Вы боитесь?

— Нѣтъ, но не хочу...

Она слабо махаетъ рукой на снѣгиря, но снѣгирь перелетаетъ еще ближе. И тотчасъ же, какъ хлопнувшій кнутъ, раздается выстрѣлъ, отъ котораго она въ страхѣ закрываетъ глаза и затыкаетъ уши.

Снѣгирия на кустѣ уже нѣтъ. Промаяхъ, конечно? Поднявъ глаза кверху, они видятъ, что луна среди верхушекъ

сосенъ уже въ сіяніи и возлѣ нея вьется серебристый ястребокъ, котораго откуда-то спугнуль выстрѣль. Потомъ смотрятъ въ кусты. Снѣгирь взъерошеннымъ комочкомъ лежитъ на снѣгу.

— Это совершенно неправдоподобно! — восклицаетъ лицеистъ, кидаясь къ нему. — Изъ револьвера и вдругъ попасть!

И еще напряженнѣе чувствуетъ, что время идетъ, а они оба говорятъ и дѣлаютъ совсѣмъ не то, что надо.

— И вамъ не жаль? — спрашиваетъ она, разглядывая еще теплаго снѣгиря.

— Увы, ничуть! — шутливо выговариваетъ онъ съ трудомъ, стукнувъ отъ внутренней дрожи зубами при взглядѣ на ея губы, мѣхъ вокругъ шеи, маленькіе ботинки въ снѣгу. — Вы запачкали кровью руку. . .

Она кладетъ снѣгиря на скамейку и поднимаетъ на него глаза, которые кажутся вопросительными и ждущими.

— Дайте вытру снѣгомъ. . .

Она протягиваетъ руку. Онъ вытираетъ, замирая отъ нестерпимаго желанія цѣловать, кусать ее.

Вечера уже почти нѣтъ. Луна между соснами уже зеркальная. Въ легкой тѣни отъ верхушекъ сосенъ снѣгъ принялъ цвѣтъ золы, а на мѣстахъ освѣщенныхъ искрится алмазами. Морозитъ все крѣпче.

— Однако, что-же это мы? — говоритъ она, вдругъ поднимаясь. — Мы рискуемъ не найти ихъ. Идемте скорѣе!

И опять они берутся за руки и поспѣшно двигаютъ лыжами. Проходитъ десять, пятнадцать минутъ...

— Пойдите! Мы, кажется, совсѣмъ не туда идемъ! Гдѣ мы? Опять какая-то поляна. . .

— Нѣтъ, вѣрно, — говоритъ лицеистъ. — Видите, — поляна покатаая, это уже спускъ къ рѣкѣ. Мы незамѣтно все время забирали влѣво. . .

Но она стоитъ, растерянно оглядываясь. Поляна глу-

хая, въ глубокомъ снѣгу. Надъ головою уже совсѣмъ по
ночному блещетъ луна, тѣни межъ сосенъ черны, четки,
на краю поляны тонетъ въ сугробахъ черная изба безъ
оконъ, снѣжная, пухлая крыша ея вся играетъ бѣлыми и
синими брилліантами. Тишина мертвая, непередаваемая.

— Вы куда-то завели меня,—говоритъ она негромко,
уже съ неподдѣльнымъ страхомъ. — Идемъ назадъ.

Но онъ странно смотритъ на нее и тянетъ ее за ру-
ку впередъ.

— Давайте только заглянемъ въ эту избу. . . На одну
минуту. . .

Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, но возлѣ избы рѣши-
тельно противится, останавливается и отнимаетъ у него
руку. Онъ, бросивъ лыжи, идетъ по твердому сугробу къ
раскрытой двери и, наклонясь, скрывается въ ея темно-
тѣ. Черезъ минуту раздается изъ избы его голосъ:

— Какъ здѣсь хорошо! Загляните хоть въ окно! Не-
ужели вы боитесь?

— Нѣтъ, но не хочу. Гдѣ вы? Пойдемте, поздно!

— Какъ красивъ здѣсь лунный свѣтъ! Это что-то ска-
зочное!

— Если вы не выйдете, я уйду одна. . .

И скрипя по морозному снѣгу, она подходитъ къ окну,
заглядываетъ въ него:

— Гдѣ вы тамъ?

И вдругъ ее ослѣпляетъ такимъ дивнымъ, такимъ
страшнымъ и райски прекраснымъ зеленымъ свѣтомъ отъ
прорѣзавшаго все небо и разорвавшагося метеора, что она
вскрикиваетъ и въ ужасѣ бросается въ дверь избы...

Черезъ полчаса они снова выходятъ на залитую луною
поляну и уже до самой рѣки, гдѣ слышны призывные кри-
ки къ нимъ, не могутъ произнести ни слова.

Парижъ, 1920.

ТЕМИРЪ - АКСАКЪ - ХАНЪ

— А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ! — дико вопить переливчатый, страстно и безнадежно тоскливый голосъ въ маленькой деревенской кофейнѣ.

Весенняя ночь темна и сыра, черная стѣна горныхъ обрывовъ едва различима. Возлѣ кофейни, прилѣпившейся къ скалѣ, стоитъ на шоссеиной дорогѣ, на бѣлой грязи, открытый автомобиль, и отъ его страшныхъ, ослѣпительныхъ глазъ тянутся впередъ, въ темноту, два длинныхъ столпа свѣтлаго дыма. Издалека, снизу, доносится шумъ невидимаго моря, со всѣхъ сторонъ вѣетъ изъ темноты влажный безпокойный вѣтеръ.

Въ кофейнѣ густо накурено, она тускло озарена жестяной лампочкой, привѣшенной къ потолку, и нагрѣта грудой раскаленнаго жара, рдѣющаго на очагѣ въ углу. Нищій, сразу начавшій пѣсню о Темиръ-Аксакъ-Ханѣ пронзительно-гнусовой жалобой, мучительнымъ крикомъ, сидитъ на глиняномъ полу. Это столѣтняя обезьяна въ овчинной курткѣ и лохматомъ бараньемъ курпеѣ, рыжемъ отъ дождей, отъ солнца, отъ времени. На колѣняхъ у него нѣчто вродѣ деревянной грубой лиры. Онъ согнулся,—слушателямъ не видно его лица, видны только коричневые уши, торчащія изъ-подъ курпея. Изрѣдка выры-

вая изъ струнъ рѣзкіе звуки, онъ вопить съ нестерпимой, отчаянной скорбью.

Возлѣ очага, на табуретѣ—женственно полный, милый татаринъ, содержатель кофейни. Онъ сперва разсѣяннo грызъ сѣмечки и улыбался не то ласково и чуть-чуть грустно, не то снисходительно и насмѣшливо. Потомъ такъ и застылъ съ поднятыми бровями и съ улыбкой, перешедшей въ страдальческую и недоумѣнную.

На лавкѣ подъ окошечкомъ курилъ хаджи, высокій, съ худыми лопатками, сѣдобородый, въ черномъ халатѣ и бѣлой чалмѣ, чудесно подчеркивающей смуглость его рябого строгаго лица. Теперь онъ забылъ о чубукѣ, закинулъ голову къ стѣнѣ, закрылъ глаза. Одна нога, въ полосатомъ шерстяномъ чулкѣ, согнута въ колѣнѣ, поставлена на лавку, другая, въ туфлѣ, виситъ.

А за столикомъ возлѣ хаджи сидятъ тѣ проѣзжіе, которымъ пришло на умъ остановить автомобиль и выпить въ деревенской кофейнѣ по чашечкѣ дряннаго кофе: крупный господинъ въ котелкѣ, въ непромокаемомъ англійскомъ пальто и красивая молодая дама, блѣдная отъ вниманія и волненія. Она южанка, она понимаетъ по татарски, понимаетъ слова пѣсни... — А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ!

Не было во вселенной могущественнѣй и славнѣе хана, чѣмъ Темиръ-Аксакъ-Ханъ. Весь подлунный міръ трепеталъ передъ нимъ, и прекраснѣйшія въ мірѣ женщины и дѣвушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновение быть рабой его. Но передъ кончиною сидѣлъ Темиръ-Аксакъ-Ханъ въ пыли на камняхъ базара и цѣловалъ лохмотья проходящихъ калѣкъ и нищихъ, говоря имъ:

— Выньте мою душу, калѣки и нищіе, ибо нѣтъ въ ней болѣе даже желанія желать!

И когда Господь сжалился наконецъ надъ нимъ и освободилъ его отъ суетной земной славы и суетныхъ зем-

ныхъ утѣхъ, скоро распались всѣ царства его, въ за-
пустѣніе пришли города и дворцы, и прахъ песковъ замель
ихъ развалины подѣ вѣчно синимъ, какъ драгоцѣнная гла-
зурь, небомъ и вѣчно пылающимъ, какъ адскій огонь,
солнцемъ. . . *А-а-а, Темиръ, Аксакъ-Ханъ! Гдѣ дни и дѣла
твои? Гдѣ битвы и побѣды? Гдѣ тѣ, юныя, нѣжныя, ревни-
выя, что любили тебя, гдѣ глаза, сіявшія точно черныя
солнца, на ложѣ твоемъ?*

Всѣ молчатъ, всѣ покорены пѣсней. Но странно—та
отчаянная скорбь, та горькая укоризна кому-то, которой
такъ надрывается она, слаще самой высокой, самой страст-
ной радости.

Проѣзжіи господинъ пристально смотритъ въ столь и
жарко раскуриваетъ сигару. Его дама широко раскрыла
глаза, и по щекамъ ея бѣгутъ слезы.

Черезъ нѣсколько минутъ оба выходятъ на порогъ ко-
фейни. Нищій кончилъ пѣсню и сталъ жевать, отрывать
отъ тугой лепешки, которую подалъ ему хозяинъ. Но ка-
жется, что пѣсня все еще звучитъ, все еще длится, длится,
что ей нѣтъ и не будетъ конца.

Дама, уходя, сунула нищему цѣлый золотой, но тре-
возно думаетъ, что мало, ей хочется вернуться и дать ему
еще червонецъ—нѣтъ, два, три или же при всѣхъ поцѣло-
вать его жесткую руку. Глаза ея еще горятъ отъ слезъ,
но у нея такое чувство, что никогда въ жизни не была
она счастливѣе, чѣмъ въ эту минуту, послѣ пѣсни о томъ,
что все суета и скорбь подѣ солнцемъ, въ эту темную
и влажную ночь съ отдаленнымъ шумомъ невидимаго мо-
ря, съ запахомъ весенняго дождя и мокрой древесной ко-
ры, съ безпокойнымъ, до самой глубины души проникаю-
щимъ вѣтромъ.

Шофферъ, полулежавшій въ экипажѣ, поспѣшно вы-
скакиваетъ изъ него, наклоняется въ свѣтъ отъ фонарей,
что-то дѣлаетъ, похожій на звѣря въ своей точно вывер-

нутой наизнанку шубѣ, и машина вдругъ оживаетъ, загудѣвъ, задрожавъ отъ нетерпѣнія. Господинъ помогаетъ дамѣ войти, садится рядомъ, покрывая ея колѣни пледомъ, она разсѣянно благодаритъ его. . . Автомобиль несется по раскату шоссе внизъ, взмываетъ на подъемъ, упираясь свѣтлыми столпами въ какой-то кустарникъ, и опять смахиваетъ ихъ въ сторону, роняетъ въ темноту новаго спуска. . . Въ вышинѣ, надъ очертаніями чуть видныхъ горъ, кажущихся исполинскими, мелькаютъ въ жидкихъ облакахъ звѣзды, далеко впереди чуть бѣлѣетъ прибоемъ излучина залива, вѣтеръ мягко и сильно бьетъ въ лицо. . .

О, Темиръ-Аксакъ-Ханъ, говорила пѣсня, не было въ подлунной отважнѣй, счастливѣй и славнѣй тебя, смуглоликій, огнеглазый, свѣтлый и благостный, какъ Гавріиль, мудрый и пышный, какъ царь Сулейманъ! Ярче и зеленѣй райской листвы былъ шелкъ твоего тюбана, и семицвѣтнымъ звѣзднымъ огнемъ дрожало и переливалось его алмазное перо, и за счастье прикоснуться кончикомъ устъ къ темной и узкой рукѣ твоей, осыпанной индійскими перстнями, готовы были умереть прекраснѣйшія въ мірѣ царевны и рабыни. Но, до дна испивъ чашу земныхъ утѣхъ, въ пыли, на базарѣ сидѣлъ ты, Темиръ-Аксакъ-Ханъ, и ловилъ, цѣловалъ рублище проходящихъ калѣкъ, умоляя ихъ:

— Выньте мою страждущую душу, калѣки!

И вѣка пронеслись надъ твоей забвенной могилой и пески замели развалины мечетей и дворцовъ твоихъ подъ вѣчно синимъ небомъ и безжалостно радостнымъ солнцемъ, и дикій шиповникъ проросъ сквозь останки лазурныхъ фаянсовъ твоей гробницы, чтобы, съ каждой новой весной, снова и снова томились на немъ, разрывались отъ мучительно-сладострастныхъ пѣсенъ, отъ тоски несказаннаго счастья сердца соловьевъ. . . *А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ, гдѣ она, горькая мудрость твоя? Гдѣ всѣ*

*муки души твоей, слезами и желчью исторгнувшей вонъ
медь земныхъ обольщеній?*

Горы ушли, отступили, мимо шоссеиной дороги мчится уже море, съ шумомъ и запахомъ водяной свѣжести набѣгающее пѣной на бѣлый хрящъ берега, похожій на безконечные бугры костей. Далеко впереди, въ темной низменности, разсыпаны красные и бѣлые огни, стоитъ розовое зарево города, и ночь надъ нимъ и надъ морскимъ заливомъ черна и мягка, какъ сажа.

Парижъ, 1921.

НОЧЬ ОТРЕЧЕНІЯ

Мрачная бурная ночь на исходѣ дождливыхъ мѣсяцевъ, тьма, ураганъ и ливни.

Берегъ священнаго Львинаго Острова, черныя лѣса, подступившіе къ самому океану, какъ бы готовому затопить ихъ.

Великій ревъ волнъ, пѣнными, внутри свѣтящимися горами непрестанно идущихъ на островъ и заливающихъ не только прибрежныя отмели, на которыхъ студенистыми кругами лежатъ морскія звѣзды, испускающія таинственное сіяніе, и шуршатъ тысячи расплзающихся крабовъ, не только береговыя скалы, но и подножіе тѣхъ пальмъ, что склонились, змѣевидно изогнулись своими тонкими стволами съ береговыхъ обрывовъ.

Сырой и теплый ураганъ проносится отъ времени до времени съ сугубой стремительностью, съ несказанной силой, столь величаво и мощно, что къ океану буйно катится изъ лѣсовъ гуль не менѣе страшный и тяжкій, чѣмъ гуль самого океана: тогда пальмы, мотавшіяся изъ стороны въ сторону, подобно живымъ существамъ, мучимымъ безпокойной дремотой, вдругъ низко склоняются подъ напоромъ домчавшейся до берега бури, всѣ разомъ падаютъ долу, и съ верхушекъ ихъ съ шумомъ сыплются миріады мертвыхъ листьевъ, а въ воздухѣ вѣетъ пряными благово-

ніями, принесенными изъ глубины острова, изъ заповѣд-ныхъ нѣдръ лѣсныхъ.

Тучи, угрюмыя и грузныя, какъ въ ночи Потопа, все ниже спускаются надъ океаномъ. Но въ безграничномъ пространствѣ между ними и водной хлябью есть нѣкое подобіе свѣта: океанъ до сокровенныхъ глубинъ насыщенъ сокровеннымъ пламенемъ неисчислимыхъ жизней.

Валы океана, съ огненно-кипящими гривами, въ ревѣ и въ гулѣ бѣгушіе къ берегу, вспыхиваютъ, передъ тѣмъ, какъ рушиться, столь ярко, что озаряютъ зеленымъ отблескомъ человѣка, стоящаго въ лѣсу надъ берегомъ.

Человѣкъ этотъ босъ, съ обрѣзанными волосами, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ, въ рубищѣ отшельника.

Онъ малъ, какъ дитя, среди окружающаго его величія, и не ужасъ ли мелькнулъ въ его изможденномъ лицѣ при блескѣ и грохотѣ разрушившагося вала?

Твердо и звучно, преодолевая и этотъ грохотъ и слитный гулъ лѣсовъ и урагана, возглашаетъ онъ:

— Слава Возвышенному, Святому, Всепросвѣтленному, Побѣдившему Желаніе!

Вихремъ несутся вмѣстѣ съ ураганомъ, въ черной лѣсной тѣмѣ, мірады какъ бы огненныхъ глазъ. И восторженно-страстно звучитъ голосъ человѣка, стоящаго на берегу:

— Тщетно, Мара! Тщетно, Тысячеглазый, искушаешь Ты меня, проносясь надъ землей животворящими ураганами и ливнями, тучнымъ и уже вновь благовоннымъ тлѣніемъ могилъ, рождающихъ новую жизнь изъ гнили и праха! Отступись, Мара! Какъ дождевая капля съ тугого листа лотоса, скатывается съ меня Желаніе!

Но побѣдно, съ визгомъ и хохотомъ, въ ливнѣ сыплющихся листьевъ, мчится вихрь несмѣтныхъ огненныхъ глазъ, озаряя подъ чернымъ лѣснымъ навѣсомъ какъ бы

исполинское Изваяніе: Сидящаго на землѣ, главой своей Возвышающагося до самыхъ верхушекъ пальмъ.

Ноги Его скрещены.

Отъ шеи до чреслъ увить Онъ сѣрыми кольцами Змѣя, раздувшаго свое розовое горло, простершаго свою плоскую, косоглазую голову надъ Его главой.

Не взирая на безмѣрную тяжесть змѣиныхъ колець, Судящій свободенъ и статенъ, величавъ и простъ.

Божественный наростъ, высокій и острый бугоръ на его темени. Черносиніе, курчавые, но короткіе волосы — какъ хвостъ павлина. Красный ликъ твердъ и спокоенъ. Взглядъ блестящъ, подобенъ самоцвѣту.

И страшный голосъ Его, голосъ, звучащій безъ напряженія, по силѣ же подобный грому, величаво катится изъ глубины лѣсовъ къ Человѣку, стоящему на берегу:

— Истинно, истинно говорю тебѣ, ученикъ: снова и снова отречешься ты отъ Меня ради Мары, ради сладкаго обмана смертной жизни, въ эту ночь земной весны!

Парижъ. 1921.

БЕЗУМНЫЙ ХУДОЖНИКЪ

Золотилось солнце на туманномъ востокѣ, за туманной синью далекихъ лѣсовъ, за бѣлой изменностью, на которую глядѣль съ невысокаго горнаго берега древній русскій городъ. Быль канунъ Рождества, бодрое утро съ легкимъ морозомъ и инеемъ.

Только что пришелъ петроградскій поѣздъ: въ гору, по наѣзженному снѣгу, отъ желѣзнодорожной станціи, тянулись извозчики, съ сѣдоками и безъ сѣдоковъ.

Въ старой большой гостинницѣ на просторной площади, противъ старыхъ торговыхъ рядовъ, было тихо и пусто, прибрано къ празднику. Гостей не ждали. Но вотъ къ крыльцу подъѣхалъ господинъ въ пенснэ и съ изумленными глазами, въ черномъ бархатномъ беретѣ, изъ подъ котораго падали зеленоватые кудри, и въ длинной дохѣ блестящаго каштановаго мѣха.

Рыжій бородачъ на козлахъ притворно крикалъ, желая показать, что онъ промерзъ, что слѣдуетъ набавить ему. Сѣдокъ не обратилъ на него вниманія, предоставивъ расплатиться съ нимъ гостинницѣ.

— Ведите меня въ самый свѣтлый номеръ, — громко сказалъ онъ, торжественнымъ шагомъ слѣдуя по широкому коридору за молодымъ коридорнымъ, несшимъ его дорогой заграничный чемоданъ. — Я художникъ, — сказалъ

онъ, — но на этотъ разъ мнѣ не нужна комната на сѣверь. Отнюдь нѣтъ!

Коридорный распахнулъ дверь въ номеръ первый, самый почетный, состоявшій изъ прихожей и двухъ обширныхъ комнатъ, гдѣ окна были однако невелики и очень глубоки, по причинѣ толстыхъ стѣнъ. Въ комнатахъ было тепло, уютно и спокойно, янтарно отъ солнца, смягченнаго инеемъ на нижнихъ стеклахъ. Осторожно опустивъ чемоданъ на коверъ по срединѣ пріемной, коридорный, молодой малый съ умными веселыми глазами, остановился въ ожиданіи паспорта и приказаній. Художникъ, ростомъ невысокій, весьма легкій вопреки своему возрасту, въ беретѣ и бархатной курткѣ, прошелся изъ угла въ уголъ и, сронивъ движеніемъ бровей пенснэ, потеръ бѣлыми, точно алебастровыми руками свое блѣдное измученное лицо. Потомъ странно посмотрѣлъ на слугу невидящимъ взоромъ очень близорукаго и разсѣяннаго чело-вѣка.

— Двадцать четвертое декабря тысяча девятьсотъ шестнадцатаго года! — сказалъ онъ. — Эту дату ты долженъ запомнить!

— Слушаю-сь, — отвѣтилъ коридорный, и въ глазахъ его выразилась готовность.

Художникъ вынулъ изъ бокового кармана куртки золотые часы, мелькомъ, прищуривъ одинъ глазъ, взглянулъ на нихъ.

— Ровно половина десятого, — продолжалъ онъ, снова устраивая на носу свои стекла. — Я у цѣли своего паломничества. Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ чело-вѣцѣхъ благоволеніе! Паспортъ я тебѣ дамъ, не безпокойся, но сейчасъ мнѣ не до паспорта. У меня нѣтъ ни одной свободной минуты. Сейчасъ я спѣшу въ городъ, чтобы вернуться ровно въ одиннадцать. Я долженъ завершить дѣло всей моей жизни. Мой молодой другъ, — ска-

заль онъ, протягивая къ коридорному руку и показывая ему два обручальныхъ кольца, изъ которыхъ одно, на мизинцѣ, было женское: — это кольцо — предсмертный завѣтъ!

— Такъ точно, — отозвался коридорный несмѣло.

— И я этотъ завѣтъ исполню! — грозно сказалъ художникъ. — Я напишу безсмертную вещь! И я подарю ее — тебѣ!

— Покорнѣйше благодаримъ, — отвѣтилъ коридорный.

— Но, любезный, дѣло въ томъ, что я не взялъ съ собой ни холста, ни красокъ, — провезти ихъ изъ за этой чудовищной войны было совершенно невозможно. Я надѣюсь достать ихъ здѣсь. Я наконецъ воплещу все то, что сводило меня съ ума цѣлыхъ два года, а потомъ такъ дивно преобразилось въ Стокгольмѣ!

Говоря и отчеканивая слова, художникъ пристально смотрѣлъ черезъ пенснэ на своего собесѣдника.

— Весь міръ долженъ узнать и понять это откровене, эту благую вѣсть! — воскликнулъ онъ, театрално взмахнувъ рукой. — Слышишь? Весь міръ! Всѣ!

— Хорошо-сь, — отвѣтилъ коридорный. — Я доложу хозяину.

Художникъ снова надѣлъ доху и направился къ двери. Коридорный со всѣхъ ногъ кинулся отворять ее. Художникъ важно кивнулъ ему и зашагалъ по коридору. На площадкѣ лѣстницы онъ пріостановился и добавилъ:

— Въ мірѣ, мой другъ, нѣтъ праздника выше Рождества. И нѣтъ таинства, равнаго рожденію челоуѣка. Послѣдній мигъ кроваваго, стараго міра! Рождается новый челоуѣкъ!

На улицѣ совсѣмъ ободнялось, стало совсѣмъ солнечно. Иней на телеграфныхъ проволокахъ рисовался по голубому небу нѣжно и сизо и уже крошился, осыпался. На

площади толпился цѣлый лѣсъ густыхъ темно-зеленыхъ елокъ. У лавокъ стояли мерзлыя бѣлыя туши голыхъ сви-ней съ глубокими разрѣзами на толстыхъ загривкахъ, ви-сѣли сѣрые рябчики, ощипанные гуси, индѣйки, жирные и застывшіе. Прохожіе, переговариваясь, спѣшили, извоз-чики стегали лохматыхъ лошадей, подрѣза̀ визжали.

— Узнаю тебя, Русь! — громко говорилъ художникъ, шагая по площади и глядя на туго подпоясанныхъ, толсто одѣтыхъ бодрыхъ торговцевъ и торговокъ, покрикиваю-щихъ возлѣ своихъ лотковъ съ самодѣльными деревян-ными игрушками и большими бѣлыми пряниками въ видѣ коней, пѣтуховъ и рыбъ.

Онъ подозвалъ свободнаго извозчика и велѣлъ ѣхать ему на главную улицу.

— Только живѣе, къ одиннадцати я долженъ быть дома, за работой, — сказалъ онъ, садясь въ холодныя санки, кладя на колѣни себѣ тяжелую, каляную полость.

Извозчикъ мотнулъ шапкой и быстро понесъ его на своемъ сытомъ меренкѣ по блестящей, накатанной дорогѣ.

— Живѣе, живѣе! — повторилъ художникъ. Въ двѣнадцать самый полный свѣтъ солнца. — Да, — сказалъ онъ, оглядываясь, — мѣста знакомыя, но основательно за-бытыя! Какъ называется эта пѣяцца?

— Чего изволите? — спросилъ извозчикъ.

— Я тебя спрашиваю, какъ называется эта площадь? — крикнулъ художникъ, внезапно впадая въ ярость. — Стой, негодяй! Зачѣмъ ты привезъ меня къ часовнѣ? Я боюсь церкви и часовень! Стой! Ты знаешь, что одинъ финнъ привезъ меня къ кладбищу, и я тотчасъ же напи-салъ письма къ королю и къ папѣ и онъ былъ пригово-ренъ къ смертной казни! Вези назадъ!

Извозчикъ осадилъ разбѣжавшуюся лошадь и взглянулъ на сѣдока съ недоумѣніемъ:

— Куда же прикажете? Вы сказали, на главную улицу...

— Я сказалъ тебѣ — въ художественный магазинъ!

— Вы бы лучше, баринъ, другого наняли, мы не понимаемъ.

— Ну и убирайся къ черту! Вотъ тебѣ твои сребреники.

И художникъ неловко вылѣзъ изъ саней, бросилъ извозчику трехрублевку и пошелъ прочь, назадъ, по серединѣ улицы. Доха его распахнулась, волочилась по снѣгу, глаза страдальчески и растерянно блуждали по сторонамъ. Увидавъ въ окнѣ магазина золоченые багеты, онъ поспѣшно вошелъ въ магазинъ. Но едва онъ заговорилъ о краскахъ, румяная барышня въ шубкѣ, сидѣвшая за кассой, тотчасъ же перебила его:

— Ахъ нѣтъ, у насъ красками не торгуютъ. У насъ только рамы, багеты и обои. Да и вообще врядъ ли вы найдете у насъ въ городѣ холстъ и масляныя краски.

Художникъ съ непритворнымъ отчаяніемъ схватился за голову:

— Боже мой, да неужели? Ахъ, какъ это ужасно! Сейчасъ и именно сейчасъ краски для меня вопросъ жизни и смерти! Идея моя совершенно созрѣла еще въ Стокгольмѣ и, будучи воплощенной, должна произвести неслышанное впечатлѣніе. Я долженъ написать виолеемскую пещеру, написать Рождество и залить всю картину, — и эти ясли и Младенца и Мадонну и льва и ягненка, возлежащихъ рядомъ, — именно рядомъ! — такимъ ликованіемъ ангеловъ, такимъ свѣтомъ, чтобы это было воистину рожденіемъ новаго человѣка. Только у меня это будетъ въ Испаніи, странѣ нашего перваго, брачнаго путешествія. Вдали — синія горы, на холмахъ цвѣтуція деревья, въ раскрытыхъ небесахъ...

— Извиняюсь, господинъ, — сказала барышня съ испугомъ, — здѣсь могутъ покупатели придти. У насъ только рамы, багеты и шпалеры. . .

Художникъ востепенулся и съ преувеличенной вѣжливостью поднялъ свой беретъ:

— Ахъ, простите ради Бога! Вы правы, тысячу разъ правы!

И поспѣшно вышелъ.

Черезъ нѣсколько домовъ, въ магазинѣ «Знаніе», онъ купилъ очень большой листъ шершаваго картона, цвѣтныхъ карандашей и акварельныя краски на бумажной палитрѣ. Затѣмъ опять вскочилъ на извозчика и погналъ его въ гостиницу. Въ гостиницѣ онъ тотчасъ же позвонилъ. Явился тотъ же коридорный. Художникъ держалъ въ рукахъ паспортъ.

— Вотъ! — сказалъ онъ, протягивая его коридорному.—Кесарево—кесарю. А затѣмъ, любезный, ты долженъ принести мнѣ стаканъ воды для акварели. Масляныхъ красокъ, увы, нигдѣ нѣтъ. Война! Желѣзный вѣкъ! Пещерный вѣкъ!

И, подумавъ, внезапно просіялъ восторгомъ:

— А какой день! Боже, какой день! Ровно въ полночь рождается Спаситель! Спаситель міра! Я такъ и подпишу подъ картиной: *рожденіе новаго человѣка!* Мадонну я напишу съ той, чье имя отнынѣ священно. Я воскрешу ее, убитую злой силой вмѣстѣ съ новой жизнью, выношенной ею подъ сердцемъ!

Коридорный опять выразилъ свою неизмѣнную готовность на услуги и опять ушелъ. Но когда, черезъ нѣсколько минутъ, онъ принесъ стаканъ и графинъ свѣжей воды, художникъ крѣпко спалъ. Блѣдное и худое лицо его было похоже на алебастровую маску. Онъ высоко, навзничъ лежалъ на подушкахъ на кровати въ спальнѣ, закинувъ голову, разметавъ свои длинные сѣро-зеленые волосы, и не

было слышно даже дыханія его. Коридорный удалился на ципочкахъ и за дверью столкнулся съ хозяиномъ, приземистымъ человѣкомъ съ бобрикомъ на темени и острыми глазами.

— Ну что? — спросилъ хозяинъ быстрымъ шопотомъ.

— Спать, — отвѣтилъ коридорный.

— Чудеса! — сказалъ хозяинъ. — А паспортъ правильный. Только отмѣчено, что жена померла. Иванъ Матвѣичъ звонилъ, велѣлъ присматривать. Ты того, держи ухо востро. Время, братъ, военное.

— Говорить — одарю тебя, дай только дѣло сдѣлать, — сказалъ коридорный. — Самовара не спрашиваетъ. . .

— Вотъ, вотъ! — подхватилъ хозяинъ и прильнулъ ухомъ къ двери.

Но за дверью было тихо и только чувствовалась та грусть, что всегда бываетъ въ комнатѣ спящаго человѣка.

Солнце медленно уходило изъ номера. Потомъ и совсѣмъ ушло. Иней на окнахъ посѣрѣлъ, сталъ скучный. Въ сумерки художникъ внезапно проснулся и тотчасъ кинулся къ звонку.

— Это ужасно! — закричалъ онъ, какъ только появился коридорный. — Ты меня не разбудилъ! А межъ тѣмъ именно изъ-за этого дня мы и предприняли нашу страшную Одиссею. Ты, конечно, знаешь, что даже Китчера пустили ко дну. Представь же себѣ, каково было ей, беременной на восьмомъ мѣсяцѣ! Мы прошли черезъ тысячу всяческихъ рогатокъ, не спали, не ѣли почти шесть недѣль. А море! А бѣшенныя качки! А этотъ непрестанный страхъ, что того гляди взлетишь на воздухъ! «Всѣ наверхъ! Готовь спасительные пояса! Первому, кто кинется къ шлюпкѣ безъ команды, размножу черепъ!»

— Такъ точно, — сказалъ коридорный, совсѣмъ оторопѣвъ отъ его зычнаго крика.

— А какой былъ радостный свѣтъ! — продолжалъ художникъ, успокаиваясь. — Я при такомъ настроеніи духа, какъ давеча, кончилъ бы работу въ два-три часа. Но что жъ дѣлать! Буду работать всю ночь. Только помоги мнѣ кое-что приготовить. Столъ этотъ, пожалуй, годится..

Онъ подошелъ къ преддиванному столу, стащилъ съ него бархатную скатерть, покачалъ его:

— Стоитъ довольно твердо. Но вотъ что: у васъ здѣсь всего двѣ свѣчи. Надо принести еще восемь, иначе я не могу писать. Мнѣ нужна бездна свѣта!

Коридорный опять вышелъ и долго спустя принесъ семь свѣчей въ разныхъ подсвѣчникахъ.

— Одной нѣту, всѣ по номерамъ,—сказалъ онъ.

Художникъ опять заволновался, опять закричалъ:

— Ахъ, какъ это досадно! Десять, десять нужно было! На всякомъ шагу преграды, низости! Помоги мнѣ по крайней мѣрѣ поставить столъ какъ разъ по серединѣ комнаты. Мы увеличимъ свѣтъ отраженіями въ зеркалѣ. . .

Коридорный потащилъ столъ на указанное мѣсто, покрѣпче оставилъ его.

— Теперь надо застелить чѣмъ-нибудь бѣлымъ, не поглощающимъ свѣта, — бормоталъ художникъ, неловко помогая, роняя и надѣвая пенснэ. — Чѣмъ бы это? Бѣлыхъ скатертей я боюсь. . . Ба, у меня куча газетъ, я предусматрительно не выбрасывалъ ихъ!

Онъ открылъ чемоданъ, лежавшій на полу, взялъ оттуда нѣсколько номеровъ «Новаго Времени», застелилъ столъ, прикрѣпилъ кнопками, разложилъ карандаши, палитру, разставилъ въ рядъ девять свѣчей и всѣ зажегъ ихъ. Комната приняла странный, праздничный и отчасти зловѣщій видъ отъ этого обилія огней. Окна почернѣли. Свѣчи отражались въ зеркалѣ надъ диваномъ, бросая яркій золотой свѣтъ на бѣлое серьезное лицо художника и на молодое озабоченное лицо коридорнаго. Когда наконецъ все

было готово, коридорный почтительно отступилъ къ порогу и спросилъ:

— Кушать будете у насъ али на сторонѣ?

Художникъ горько и театрально усмѣхнулся:

— Дитя! Онъ воображаетъ, что я могу въ такую минуту ѣсть! Иди съ миромъ, другъ мой. Ты свободенъ теперь до утра.

И коридорный осторожно вышелъ вонъ.

Часы текли. Художникъ ходилъ изъ угла въ уголь. Онъ сказалъ себѣ: «Надо приготовиться». За окнами чернѣла зимняя морозная ночь. Онъ опустилъ на нихъ шторы. Въ гостинницѣ все молчало. За дверью въ коридорѣ слышались осторожные, воровскіе шаги, — за художникомъ подсматривали въ замочную скважину, подслушивали. Потомъ и шаги стихли. Свѣчи пылали, дрожа огнями, отражаясь въ зеркалѣ. Лицо художника становилось все изумленнѣе, все строже, все болѣзненнѣе.

— Нѣтъ! — вскричалъ онъ вдругъ, рѣзко останавливаясь. — Сперва я долженъ возобновить въ памяти ея черты. Прочь дѣтскій страхъ!

Онъ наклонился къ чемодану, волосы его повисли. Запустивъ руку подъ бѣлье, онъ вытащилъ большой бѣлый бархатный альбомъ, сѣлъ въ кресло у стола. Раскрывъ альбомъ, онъ рѣшительно и гордо откинулъ голову назадъ и замеръ въ созерцаніи.

Въ альбомѣ былъ большой фотографическій снимокъ: внутренность какой-то пустой церкви или часовни, со сводами, съ блестящими стѣнами изъ гладкаго камня. По срединѣ, на возвышеніи, покрытомъ траурнымъ сукномъ, тянулся длинный гробъ, въ которомъ лежала худая женщина съ сомкнутыми выпуклыми вѣками. Узкая и красивая голова ея была окружена гирляндой цвѣтовъ, высоко на груди покоились сложенные руки. Въ возглавіи гроба стояли три

церковныхъ свѣщника, у подножія — крохотный гробикъ съ младенцемъ, похожимъ на куклу.

Художникъ напряженно вглядывался въ острия черты покойной. Вдругъ лицо его исказилось ужасомъ. Онъ ки- нулъ альбомъ на коверъ, вскочилъ, бросился къ чемодану. Онъ перерылъ его весь, до дна, разбросалъ по полу рубаш- ки, носки, галстухи... Нѣтъ, того, что онъ искалъ, не было! Онъ отчаянно озирался по сторонамъ, теръ рукою лобъ...

— Полжизни за кисть! — воскликнулъ онъ хриплымъ голосомъ, топнувъ ногою. — Забылъ, забылъ, несчастный! Ищи-же! Сотвори чудо!

Но кисти не было. Онъ пошарилъ по карманамъ, на- шелъ перочинный ножъ, подбѣжалъ къ дохѣ. . . Развѣ вы- рѣзать клочъ мѣху и привязать къ перу, къ щепкѣ? Но гдѣ взять нитокъ? Ночь, всѣ спятъ. . . его примутъ за сума- шедшаго! И онъ яростно схватилъ съ дивана картонъ, швырнулъ его на столъ, сбѣгалъ въ спальню за подушка- ми, положилъ ихъ на кресло, чтобы было выше сидѣть, и хватая то одинъ, то другой карандашъ, съ головой ушелъ въ работу.

Онъ трудился безъ отдыха. Онъ снялъ пенснэ и низко наклонился къ столу, бросалъ сильные и увѣренные удары, откидывался, вперяя взглядъ въ зеркало, свѣтлый туманъ котораго былъ полонъ дрожащими цвѣтистыми огнями. Отъ жара свѣчей волосы художника на вискахъ смоклись, отъ напряженія вздулись жилы на шеѣ. Глаза устали и го- рѣли, черты обрѣзались еще болѣе. Но по-прежнему онъ былъ смертельно блѣденъ.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что листъ картона безнадеж- но испорченъ, — нелѣпо и ярко загроможденъ рисунками, совершенно противоположными другъ другу по смыслу и по значенію ихъ: горячее вдохновеніе художника со- вершенно не повиновалось ему, дѣлало совсѣмъ не то, что ему хотѣлось, къ чему побуждала его часть его души.

Онъ перевернулъ картонъ и, схвативъ синій карандашъ, оцѣпенѣлъ на нѣкоторое время. Раскрытый альбомъ лежалъ возлѣ его кресла. Изъ альбома такъ и билъ въ глаза длинный гробъ и мертвый ликъ. Онъ порывисто захлопнулъ альбомъ. Въ чемоданъ торчала изъ бѣлья оплетенная фляжка съ одеколономъ. Онъ вскочилъ, быстро отвинтилъ ея крышечку и, обжигаясь, сталъ пить. Опорожнивъ фляжку почти до дна и, отдуваясь отъ душистаго пламени, съ пылающимъ горломъ, онъ опять пошелъ шагать по комнатѣ.

Вскорѣ юношеская сила овладѣла имъ, — дерзкая рѣшительность, увѣренность въ каждой своей мысли, въ каждомъ своемъ чувствѣ, сознание, что онъ все можетъ, все смѣетъ, что нѣтъ болѣе для него сомнѣній, нѣтъ преградъ. Онъ исполнился надеждъ и радости. Ему казалось, что мрачныя, дьявольскія навожденія жизни, черными волнами заливавшія его воображеніе, отступаютъ отъ него. Осанна! Благословенъ Грядый во имя Господне!

Теперь передъ его умственнымъ взоромъ, съ потрясающей, съ небывалой доселѣ ясностью, стояло только то, чего жаждало его сердце, сердце не раба жизни, а творца ея, какъ мысленно говорилъ онъ себѣ. Небеса, преисполненные вѣчнаго свѣта, млѣющія эдемской лазурью и клубящіяся дивными, хотя и смутными облаками, грезилась ему; свѣтозарные лики и крылья несмѣтныхъ ликующихъ серафимовъ проступали въ жуткой литургической красотѣ небесъ; Богъ-Отецъ, грозный и радостный, благій и тержествующій, какъ въ дни творенія, высился среди нихъ радужнымъ исполинскимъ видѣніемъ; Дѣва неизрѣченной прелести, съ очами, полными блаженства счастливой матери, стоя на облачныхъ клубахъ, сквозящихъ синью земныхъ далей, простертыхъ подъ нею, являла міру, высоко поднимала на божественныхъ рукахъ своихъ Младенца, блистающаго, какъ солнце, и дикій, могучій Іоаннъ, пре-

поясанный звѣриной шкурою, на колѣняхъ стоялъ возлѣ Ея ногъ, въ изступленіи любви, нѣжности и благодарности цѣлуя край Ея одежды. . .

И художникъ снова кинулся къ своей работѣ. Онъ ломаль и съ лихорадочной поспѣшностью, трясущимися руками, вновь острилъ ножемъ карандаши. Догоравшія свѣчи, оплывшія, текуція по раскаленнымъ подсвѣчникамъ, еще жарче пылали возлѣ его лица, завѣшаннаго вдоль щекъ мокрыми волосами.

Въ шесть часовъ онъ бѣшено давилъ кнопку звонка: онъ кончилъ, кончилъ! Затѣмъ побѣжалъ къ столу и стоя, съ бьющимся сердцемъ, сталъ ждать коридорнаго. Теперь онъ былъ блѣденъ такой смертельной блѣдностью, что губы у него казались черными. Вся куртка его была осыпана разноцвѣтной пылью карандашей. Темные глаза горѣли нечеловѣческимъ страданіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то свирѣпымъ восторгомъ.

Никто не шель. Гробовая тишина окружала его. Но онъ стоялъ, онъ ждалъ, весь превратившись въ слухъ и ожиданіе. Вотъ, сію минуту вбѣжитъ коридорный, и онъ, творецъ, завершившій свой трудъ, излившій свою душу по волѣ самого Божества, быстро скажетъ ему заранѣе приготовленныя, страшныя и побѣдительныя слова:

— Возьми это себѣ. Я тебѣ дарю это!

И онъ, близкій отъ стука своего сердца къ потерѣ сознанія, крѣпко держалъ въ рукѣ картонъ. На картонѣ-же, сплошь расцвѣченномъ, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображеніе въ полной противоположности его первоначальной жаждѣ. Дикое, черносинее небо до зенита пылало пожарами, кровавымъ пламенемъ дымныхъ, разрушающихся храмовъ, дворцовъ и жилищъ. Черные дыбы, эшафоты и висѣлицы съ удавленниками мрачно сквозили на огненномъ фонѣ. Надъ всей картиной, надъ всѣмъ этимъ моремъ огня и дыма, величаво, демонически высил-

ся огромный крестъ съ распятымъ на немъ, окровавленнымъ Страдальцемъ, широко и покорно раскинувшимъ длани по перекладинамъ креста. Смерть, въ dospѣхахъ и зубчатой коронѣ, оскаливъ свою гробную челюсть, съ разбѣгу подавшись впередъ, глубоко всадила подъ сердце Распятаго желѣзный трезубецъ. Низъ же картины являлъ безпорядочную груду мертвыхъ — и свалку, грызню, драку живыхъ, полное смѣшеніе нагихъ тѣлъ, рукъ и лицъ. И лица эти, ощеренныя, клыкастыя, съ глазами, выкатившимися изъ орбитъ, были столь мерзостны и грубы, столь искажены ненавистью, злобой, сладострастіемъ братоубійства, что ихъ можно было признать скорѣе за лица скотовъ, звѣрей, дьяволовъ, но никакъ не за человѣческія.

Парижъ, 1921.

КОСЦЫ

Мы зашли далеко отъ дому и шли по большой дорогѣ, а они косили въ молодомъ березовомъ лѣсу по близости отъ нея — и пѣли.

Это было давно, — такъ по крайней мѣрѣ теперь кажется, — это было безконечно давно, потому что та жизнь, которой всѣ мы жили въ то время, не вернется уже во вѣки. Это было въ Россіи.

Они косили и пѣли, и весь березовый лѣсъ, еще не утратившій густоты и свѣжести, еще полный цвѣтовъ и запаховъ, звучно откликался имъ. Мы, слушая, сперва замедлили шаги, потомъ и совсѣмъ остановились. Это было поистинѣ нѣчто чудесное. Никогда и ничего подобнаго не доводилось намъ слышать.

Могла ли быть новостью прелесть русской народной пѣсни для насъ, родившихся, выросшихъ въ русской деревнѣ! Мало-ли слышали мы пѣсенъ на сѣнокосахъ, на праздникахъ, на свадьбахъ! И однако было именно такъ: мы были очарованы, мы заслушались. Мы изумленно переглядывались, затаивъ въ груди дыханіе, а въ сердцѣ восторгъ.

Кругомъ насъ были поля, глушь срединной, исконной Россіи. Было предвечернее время простого и прелестнаго

июньскаго дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрѣзанная заглохшими колеями, слѣдами давней жизни нашихъ отцовъ и дѣдовъ, уходила передъ нами въ безконечную русскую даль. Солнце склонялось къ западу, стало заходить въ красивыя легкія облака, еще болѣе смягчая синь за дальними извалами полей и перелѣсковъ и бросая къ закату, гдѣ небо уже золотилось, огромные свѣтлые столпы, какъ пишутъ ихъ на церковныхъ картинахъ. Стадо овецъ сѣрѣло впереди, старикъ пастухъ съ подпаскомъ сидѣлъ на межѣ, навивая кнутъ. . . . . Казалось, что нѣтъ да никогда и не было ни времени, ни дѣленія его на вѣка, на годы въ этой забытой — или благословенной — Богомъ странѣ. И они шли и пѣли среди ея вѣчной полевой тишины, простоты и первобытности съ какой-то былинной свободой и беззавѣтностью. И березовый лѣсъ принималъ и подхватывалъ ихъ пѣсню такъ же свободно и вольно, какъ и они пѣли.

Чего только не было говорено и писано о русской пѣснѣ! Но, нѣтъ, въ томъ, что слушали мы, было нѣчто еще ни разу и ни кѣмъ не сказанное.

Косцы были «дальніе», рязанскіе. Они небольшой артелью проходили по нашимъ мѣстамъ, помогая нашимъ сѣнокосамъ и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры въ степяхъ еще болѣе плодородныхъ, чѣмъ наши. И они были какъ-то особенно беззаботны и дружны, какъ бываютъ люди въ дальнемъ и долгомъ пути, на отдыхѣ отъ всѣхъ семейныхъ и хозяйственныхъ узъ, были «охочи къ работѣ», несознанно радуясь ея красотѣ и спорости. Они были какъ-то стариннѣе и добротнѣе, чѣмъ наши, — въ обычаѣ, въ повадкѣ, въ языкѣ, — опрятнѣй и красивѣй и видомъ и одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, бѣлыми ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубахами съ красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

Съ недѣлю передъ этимъ они косили въ ближнемъ отъ насъ лѣсу, и я видѣлъ, проѣзжая верхомъ, какъ они заходили на работу, пополудновавши: они пили изъ деревянныхъ жбановъ родниковую воду,—такъ долго, такъ сладко, какъ пьютъ только звѣри да хорошіе, здоровые рускіе батраки,—потомъ крестились и бодро сбѣгались къ мѣсту съ бѣлыми, блестящими, наведенными какъ бритва косами на плечахъ, на бѣгу вступали въ рядъ, косы пустили всѣ вразъ, широко, играючи, и пошли, пошли ровной чередой, не напрягаясь, не торопясь, не думая о работѣ. А на возвратномъ пути я видѣлъ ихъ ужинъ. Они сидѣли на засвѣжѣвшей полянѣ возлѣ потухшаго костра, ложками таскали изъ чугуна и ѣли большіе куски чего-то розоватаго.

Я сказалъ:

— Хлѣбъ-соль, здравствуйте.

Они отвѣтили привѣтливо и оживленно:

— Добраго здоровья, милости просимъ!

Поляна спускалась къ оврагу, открывая еще свѣтлый за зелеными деревьями западъ. И вдругъ, приглядѣвшись, я съ ужасомъ увидѣлъ, что то, что ѣли косцы, были страшные своимъ ядомъ и дурманомъ грибы-мухоморы. А они только засмѣялись:

— Ничего, они сладкіе, чистая курятина!

Теперь они пѣли: — «Ты прости, прощай, любезный другъ!» — подвигались по березовому лѣсу, бездумно лишая его густыхъ травъ и цвѣтовъ, и пѣли, сами не замѣчая того. И мы стояли и слушали ихъ, чувствуя, что уже никогда не забыть намъ этого предвечерняго часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, въ чемъ такая дивная прелесть ихъ пѣсни.

Прелесть ея была въ откликахъ, въ звучности березоваго лѣса. Прелесть ея была въ томъ, что никакъ не была она сама по себѣ: она была связана со всѣмъ, что видѣли

и чувствовали и мы и они, эти рязанскіе косцы. Прелестъ была въ томъ несознаваемомъ, но кровномъ родствѣ, которое было между ими и нами и между ими, нами и этимъ хлѣбороднымъ полемъ, что окружало насъ, этимъ полевымъ воздухомъ, которымъ дышали и они и мы съ дѣтства, этимъ предвечернимъ временемъ, этими облаками на уже розовѣющемъ закатѣ, этимъ свѣжимъ, молодымъ лѣсомъ, полнымъ медвяныхъ травъ по-поясъ, дикихъ несмѣтныхъ цвѣтовъ и ягодъ, которыя они поминутно срывали и ѣли, и этой большой дорогой, ея просторомъ и заповѣдной далью. Прелестъ была въ томъ, что всѣ мы были дѣти своей родины и были всѣ вмѣстѣ и всѣмъ намъ было хорошо, спокойно и любовно безъ яснаго пониманія своихъ чувствъ, ибо ихъ и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще въ томъ была (уже совсѣмъ несознаваемая нами тогда) прелестъ, что эта родина, этотъ нашъ общій домъ была — Россія, и что только ея душа могла пѣть такъ, какъ пѣли косцы въ этомъ откликающемся на каждый ихъ вздохъ березовомъ лѣсу.

Прелестъ была въ томъ, что это была какъ будто и не пѣсня, а именно только вздохи, подъемы молодой, здоровой, пѣвучей груди. Пѣла одна грудь, какъ когда-то пѣлись пѣсни только въ Россіи и съ той младенческой задушевностью, съ той непосредственностью, съ той несравненной легкостью, которая была свойственна въ пѣснѣ только русскому человѣку. Это не было высокое искусство — это было выше и прекраснѣе всякаго искусства прежде всего своей изумительной естественностью. Чувствовалось — человѣкъ такъ свѣжъ, крѣпокъ, такъ наивенъ въ невѣдѣніи своихъ силъ и талантовъ и такъ полонъ пѣснью, что ему нужно только легонько вздохнуть, чтобы отзывался весь лѣсъ на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли

его эти вздохи. И косцы подвигались, безъ малѣйшаго усилія бросая вокругъ себя косы, широкими полукругами обнажая передъ собою поляны, окашивая, подбивая вокругъ пней и кустовъ и безъ малѣйшаго напряженія вздыхая, каждый по своему, но въ общемъ выражая одно, дѣлая по наитію нѣчто единое, совершенно цѣльное, необыкновенно прекрасное. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были тѣ чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вмѣстѣ съ откликающейся далью, глубиной лѣса.

Конечно, они прощались, разставались и съ «родимой сторонущкой» и со своимъ счастьемъ, съ надеждами и съ той, съ кѣмъ это счастье соединялось:

Ты прости, прощай, любезный другъ,
И родимая ахъ да прощай сторонущка! —

говорили, вздыхали они каждый по разному, съ той или иной мѣрой грусти и любви, но съ одинаковой (въ какой-то беззаботной, почти сладкой безнадежности) укоризной.

Ты прости, прощай, любезная, невѣрная моя,
По тебѣ ли сердце чернѣй грязи сдѣлалось! —

говорили они, по разному жалуясь и тоскуя, по разному ударяя на слова, и вдругъ всѣ разомъ сливались уже въ совершенно согласномъ чувствѣ почти восторга передъ своей гибелью, молодой дерзости передъ судьбою и какого-то необыкновеннаго, всепрощающаго великодушія, — точно встряхивали головами и кидали на весь лѣсъ:

Коль не любишь, не миль — Богъ съ тобою,
Коли лучше найдешь — позабудешь! —

и по всему лѣсу откликалось на дружную силу, свободу и грудную звучность ихъ голосовъ, замирало и опять, звучно гремя, подхватывало:

Ахъ, коли лучше найдешь — позабудешь,
Коли хуже найдешь — пожалѣешь!

Въ чемъ еще было очарованіе этой пѣсни, ея неизбывная радость при всей ея тоскѣ и безнадежности? Въ томъ, что человѣкъ все таки не вѣрилъ да и не могъ вѣрить, по своей силѣ и непочатости, въ эту безнадежность. — «Ахъ, да всѣ пути мнѣ, мѣлодцу, заказаны!» — говорилъ онъ, сладко оплакивая себя. Но не плачуть сладко и не поють своихъ скорбей тѣ, которымъ и впрямь нѣтъ нигдѣ ни пути, ни дороги. — «Ты прости, прощай, родимая сторонущка!» — говорилъ человѣкъ — и зналъ, что все таки нѣтъ ему подлинной разлуки съ нею, съ родиной, что куда бы ни забросила его доля, все будетъ надъ нимъ родное небо, а вокругъ — беспредѣльная родная Русь, гибельная для него, балованнаго, развѣ только своей свободой, просторомъ и сказочнымъ богатствомъ. — «Закатилось красное солнушко за темные лѣса, ахъ, да всѣ пташки пріумолкли, всѣ садились по мѣстамъ!» — Закатилось мое счастье, вздыхалъ онъ, темная молчаливая ночь съ ея таинственной глушью обступаетъ меня, — и все таки чувствовалъ: такъ кровно близокъ онъ съ этой глушью, живой для него, дѣвственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него пріютъ, ночлеги, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голосъ, шепчущій: — «Не тужи, утро вечера мудренѣе, для меня нѣтъ ничего невозможнаго, спи спокойно, дитятко!» — И изъ всяческихъ бѣдъ, по вѣрѣ его, выручали его птицы и звѣри лѣсные, царевны прекрасныя и премудрыя и даже сама Баба-Яга, жалѣвшая его «по его младости». Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли рѣчки молочныя, цвѣлъ дивный Аленькій Цвѣточекъ, таились клады самоцвѣтныя, отъ всѣхъ смертныхъ чаръ были ключи вѣчно живой воды, зналъ онъ молитвы и заклятія, чудодѣйныя опять таки по вѣрѣ его, улеталъ изъ темницъ, скинувшись яснымъ соколомъ, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его отъ лихихъ сосѣдей и во-

роговъ дебри дремучія, черныя топи болотныя, вѣтры буйныя, пески летучіе — и прощаль милосердный Богъ за всѣ злодѣянія, за всѣ посвисты удалые, ножи острые, горячіе...

Еще одно, говорю я, было въ этой пѣснѣ, — то, что хорошо знали и мы и они, эти рязанскіе мужики, въ глубинѣ души, но тоже не сознавали, не цѣнили, чтобы сознать, оцѣнить только теперь: это то, что безконечно счастливы и благословенны Богомъ были мы всѣ въ тѣ прошлые дни, теперь уже безконечно далекіе — и невозвратимые. Ибо всему срокъ, миновала и для насъ сказка: отказались отъ насъ наши древніе заступники, разбѣжались рысучіе звѣри, разлетѣлись вѣщія птицы, свернулись самобранная скатерти, поруганы молитвы и заклятія, изсохла Мать-Сыра-Земля, изсякли животворные ключи. Да и чары-то пришли дурманнѣе, сильнѣе тѣхъ ключей, и сосѣди, враги ужъ не прежніе — похитрѣе, пожаднѣе прежнихъ — и насталь конецъ, предѣль даже Божьему прощенію.

Парижъ. 1921.

О ДУРАКЪ ЕМЕЛЪ, КАКОЙ ВЫШЕЛЪ ВСЪХЪ УМНЪЕ

Емеля былъ дуракъ, а прожилъ на свѣтѣ такъ, какъ дай Богъ всякому: не сѣялъ, не пахалъ и никакой работы не зналъ, а на печкѣ сытенькій полеживалъ. Къ самому царю на оправданье на печкѣ ѣздилъ.

Пошелъ пò-воду Емеля, — его братья по сторонамъ занимались, а онъ только на печи лежалъ и невѣсткамъ угожалъ, за водой въ развалочку ходилъ, дрова кололъ да сладкимъ сномъ занимался, — пришелъ онъ на рѣчку, а въ водѣ черная щука ходитъ. Онъ ее поскорѣй за хвостъ и давай на берегъ тащить, а она его стала со слезьми объ милости просить:

— Молъ, пусти меня, Емеля, я гожусь тебѣ въ нѣкое время.

Онъ ее бросилъ, отпустилъ, а она и говоритъ:

— Проси, чего тебѣ хочется, не хочется.

— Мнѣ, говоритъ Емеля, ведра несть не хочется: пушай сами идутъ.

Она сейчасъ сказала: — «По щучью по велѣнью, по моему прошенью, идите, ведра, собой сами!» — они и пошли сами ко двору. Емеля слѣдомъ за ними поспѣшаетъ, веселится, пѣсенки потанакиваетъ, а они покачиваются, какъ утки, сами идутъ. По селу народъ встрѣ-

вается, во всѣ окна глядятъ, — глянь-ка, моль, глянь, у Емельки ведра сами идутъ! — а онъ дошелъ до двора и шумить:

— Эй вы, двери-тетери, — по щучью по велѣнью, по моему прошенью, отворяйтесь, двери, собой сами! Мнѣ не охота себя трудить, у меня одна думка — послаже на свѣтъ пожить!

Тутъ двери сейчасъ собой сами растворились, а ведра только черезъ порогъ посигиваютъ, стали въ избу прыгать-скакать, а невѣстки отъ нихъ куда попало кидаются, испужались дуже:

— Что это, дескать, такое, что это ты, дуракъ, дуросвѣтишь? Гдѣ ты такое взялъ, что ведра у тебя сами ходятъ?

— У васъ, говоритъ Емеля, не ходятъ, а у меня, говоритъ, ходятъ. Это ужъ пушай умные хрипъ-то гнутъ! Пеките мнѣ блиновъ за работу!

Ну вотъ и не разъ и не два ходилъ Емеля такимъ побытомъ на рѣчку и все ведра у него сами гуляли. Потомъ, глядь, дровъ нѣту. Онѣ и просятъ его, невѣстки-то:

— Емеля, а Емеля, у насъ дровъ рубленыхъ нѣту. Ступай скорѣе за дровами, а то тебѣ-же на печи холодно будетъ.

Онъ опять имъ, ни слова не говоря, покоряется, выходитъ, стало быть, на дворъ съ лѣнцой, съ раскорячкою и приказываетъ:

— Мнѣ, говоритъ, смерть не хочется дрова рубить, ну-ка, по щучью по веленью, по моему прошенью, руби, топоръ, самъ. А вы, дрова-борова, идите собой сами въ избу, мнѣ не хочется васъ носить, себя безпокоить. Сторона наша, дескать, богатая, лѣнь дремучая, рогатая: въ тѣсныя ворота не лѣзетъ!

Топоръ-колунъ сейчасъ у него изъ рукъ шмыгъ, взвился выше крыши и пошелъ долбить, двери въ сѣнцы,

въ избу распахнулись, а дрова и давай скакать, — прыгаютъ, вродѣ какъ рыбы али щуки, а невѣстки опять дуромъ этого дѣла испужались, прячутся какая подъ столъ, какая подъ коникъ, — молъ, попадетъ, на-смерть ушибеть! — а топоръ такъ и крошитъ, такъ и валяется — во-о сколько нашвырялъ, цѣльное беремя. Невѣстки Емелю съ гнѣвомъ ругаютъ, грозятъ братьямъ нажать, а онъ только, какъ сомъ, ухмыляется:

— Вы блины-то мнѣ пеките знайте да масломъ дожѣй мажьте — а самъ опять на-печь въ отставку полѣзь, спать да дремать, мусоромъ голову пересыпать.

Потомъ не черезъ долгое время и на дворѣ дрова перевелись. Невѣстки приступили, въ лѣсъ его посылаютъ, братьями тращаютъ, нынче, дескать, братья съ работы придутъ, мы имъ накажемъ, что ты насъ не слушаешься, только лежишь да таракановъ мнешь, они, тебя, облома, не помилуютъ. А онъ, Емеля, на расправу жидкѣй былъ, страсть этого боя боялся, вскочилъ поскорѣй съ печи, одѣлся въ свой зипунъ-малахай, подпояской подпоясался, взялъ на дворѣ топоръ и заткнулъ за кушакъ за этотъ. Невѣстки говорятъ — тебѣ надо лошадь запречь, ты вѣдь самъ не умѣешь по своей дурости, а онъ говоритъ, а на что она мнѣ, лошадь-то,—только маять ее? Я и на саняхъ на однихъ съѣзжу, у васъ не ходятъ безъ лошади сани, а у меня вотъ ходятъ.

Пошелъ къ санямъ, подвязалъ оглобли назадъ, сѣлъ и приказываетъ: — «По щучью по велѣнью, по моему прошенью, отворяйтесь, ворота, сами!» Ворота сейчасъ растворяются, а онъ кричитъ: — «А вы, сани, ступайте въ путь-дорогу сами!» Сани и полетѣли,—ихъ лошадь такъ не везетъ, какъ ихъ понесло! — скачутъ черезъ городъ, людей съ ногъ долой сшибаютъ, давятъ, а ему, Емелѣ, и горяшка мало. Народъ — «ахъ, ахъ, сани сами ѣдутъ!» — хотѣли его окоротить — куда тебѣ, его и

слѣдъ замело! Потомъ пріѣхалъ онъ въ лѣсъ, остановились эти сани, значитъ, въ лѣсѣ. Слѣзаетъ онъ съ саней, Емеля, вынимаетъ топоръ изъ-за пояса:

— Ну ка, говоритъ, руби, топоръ, собой самъ, по моему щучьему по велѣнью. А я посижу, погляжу, въ головѣ маленько почешу: страсть свербить что-й-то!

Топоръ сейчасъ же начинаетъ рубить,—только звонъ жундить по лѣсу! Нарубилъ, сколько надо, потомъ Емеля и говоритъ: — «А вы, дрова, по моему прошенью, ложитесь въ сани сами, мнѣ не охота васъ класть, это мнѣ не сласть». Дрова и пошли прядать, головами мотать да укладываться въ сани. Навиль Емеля возъ, увязалъ веревкой, заткнулъ топоръ за кушакъ-подпояску, садится на сани и приказываетъ, — ступайте, молъ, теперича, сани, сами ко двору. Сани опять пустились стрѣлой шибкой по городу, дворяне и міряне увидали —«ахъ, ахъ, опять этотъ злодѣй, какой народъ подавилъ!» — хотѣли его перенять, забѣжали подъ дорогу съ дубинками, съ рогачами, только не тутъ-то было, перенять-то его! Подавилъ съ возомъ народу еще болѣ, чѣмъ когда порожнемъ ѣхалъ, пріѣзжаетъ ко двору, невѣстки оглядѣли въ окно и давай опять ругать его, — вотъ, молъ, дуракъ какой глупый, сколько ты, обломъ, народу безвинно подавилъ, а онъ имъ отвѣчаетъ, а зачѣмъ, говоритъ, они меня на табельной дорогѣ окорачивали съ дубинками, съ рогачами, подъ сани лѣзли? Потомъ сказалъ свое щучье слово, ворота передъ нимъ вразъ растворились, онъ и въѣхалъ во дворъ съ возомъ. Тутъ опять, значитъ, посигали дрова-полѣнья въ избу, напужали невѣстокъ опять этимъ стукомъ, а Емеля-дуракъ залѣзъ на печь и опять наказалъ печь ему блиновъ поболь да масломъ мазать пожирнѣе.

Но вотъ онъ ѣлъ, ѣлъ, потомъ глядъ въ окно, а тутъ розыскъ, ищутъ его сотники, староста, хотятъ къ наказанью представить за всѣ его баснословья. Онъ былъ за-

бился куда потемнѣе въ уголь, въ соръ, въ паучину, ну только все таки они его нашли тамъ, на этой на печкѣ.

— Слѣзай, говорятъ, Емеля, пришло твое время. Что это ты дуросвѣтишь, народъ калѣчишь? Вотъ мы тебя заберемъ и въ холодную отведемъ, какъ это, моль, ты безъ лошади ѣздишь, неладно дѣлаешь, чепуху творишь?

Зачали его съ печки снимать, тащить, хотятъ его покою лишить, а онъ обидѣлся на нихъ и говорить дубинкѣ своей, какая у него въ уголку стояла:

— Ну-ка, говорить, покажи имъ, дубинка, бѣлый свѣтъ!

Сказаль свое щучье слово, а дубинка какъ взовьется, какъ козлекнетъ изъ угла да и давай ихъ строчить по рукамъ, по головамъ, старосту и сотниковъ этихъ. Они — ахъ, ахъ, что это, дескать, такое, что дубинка насъ по головамъ кроя? — да поскорѣй вонъ изъ хаты. Кинулись къ становому, къ стражникамъ, онъ, говорятъ, насъ не слушается, а силой его никакъ не возьмешь, идите, значить, сами, можетъ, онъ васъ болѣе почитаетъ, а про дубинку про эту, какая ихъ угощала, понятное дѣло, молчокъ. Потомъ собрались всѣ урядники, стражники и самъ становой съ ними, староста имъ указаль, гдѣ онъ, Емеля, проживаетъ, они и входятъ въ избу къ нему всѣмъ гуртомъ:

— Ну теперъ, Емеля-дурачокъ, мы тебя съ солдатами заберемъ, саблями тебя зарубимъ,—слѣзай скорѣй съ печи, надѣвай зипунъ на плечи, къ допросу отправляйся!

А онъ опять не слушается, — ихъ полна изба напихалась, а онъ опять не идетъ, въ углу пѣсенку поетъ:

Ой, вы, очи, ясныя мои очи,
Емеля на расправу итить не хоча!

Они его честью умоляютъ, а онъ опять свое, опять эти очи поетъ. Ну, какъ они его опять раздражили, онъ и говорить:

— По щучью по велѣнью, по моему моленью, — а дубинка эта такъ и лежитъ съ нимъ на печкѣ, — ну-ка, говоритъ, дубинка, попотчуй ихъ сахаромъ!

Та дубинка сейчасъ встаетъ и давай ихъ охаживать съ головы нà голову, станowego и стражниковъ, и повыгна-ла, значить, всѣхъ изъ хаты вонъ.

— Ну что теперъ съ нимъ дѣлать, — становой гово-ритъ, — какъ его намъ взять, ребята?

А одинъ стражникъ и надумайся:

— Давайте, говоритъ, обманомъ возьмемъ. Скажемъ, что тебя самъ государь велѣлъ пригласить. Онъ тебѣ ве-литъ всякихъ пряниковъ медовыхъ надавать. (А онъ, Еме-ля, любитель былъ ѣсть эти пряники и жамки). Онъ тебя, моль, досыта накормить, государь-то.

Сговорились такъ-то, пришли и давай его улещать, вол-новать. Ну онъ и согласился. Ну хорошо, говоритъ, благо-дарю васъ за вниманіе, ступайте ко двору и не беспокойте себя, — я самъ къ нему, къ государю, поѣду.

Они и ушли всѣ отъ него, а онъ и приказываетъ печкѣ:

— Ну-ка, говоритъ, печка, ступай-ка теперъ, по моему приказу, къ самому къ царю во дворець! Про насъ съ тобой слава до самага царя дошла. Онъ, государь, обѣ-щаетъ меня жамками накормить, а я любитель до нихъ.

Печь сейчасъ же заворочилась, захрустѣла, загремѣла по избѣ, выпросталась наружу съ нимъ и полетѣла стрѣ-лой, а онъ развалился на ней, все равно какъ на пасса-жирномъ поѣздѣ, на паровозѣ ѣдетъ. Подѣзжаетъ къ государеву дворцу, приказываетъ царскимъ вратамъ отво-ряться и претъ прямо на печкѣ на этой къ балкону, къ крыльцу къ главному, а самъ шумитъ, кричитъ во всю глотку, во всю праведную, ой, вы, очи, мои ясныя очи! Ча-совые слуги бѣгутъ, хотять его унять, усовѣстить, а го-сударь услыхаль этотъ шумъ-бардакъ и самъ, значить, вмѣстѣ съ дочкой-наслѣдницей на крыльцо выходитъ:

— Что ты, говорить, невѣжа, тутъ кричишь, зачѣмъ ты, говорить, въ наши царскіе покои пріѣхаль, чудеса творишь, на печкѣ ѣдишь? Сказывай, кто ты такой, ты, вѣрно, Емеля-дурачокъ?

А Емеля подымается съ печки, разбираетъ виски съ глазъ, утираетъ сопли-возгри и кланяется ему, государю своему:

— Такъ точно, моль, ваше императорское величество, это я самый и есть. Я, говорить, затѣмъ сюда пріѣхаль, государь-батюшка, что вы меня звали пряниками кормить, а я любитель ихъ ѣсть.

— Я тебя не пряниками кормить, — говорить ему государь съ гнѣвомъ, — я тебя велю сейчасъ въ тюрьму забрать! Я тебя, говорить, заберу подъ арестъ.

— А за что же, ваше императорское величество, заберете вы меня?

— А за то, говорить, что ты на саняхъ безъ лошади ѣдишь, народъ смутьянишь и жителей большое число подавилъ, помяль. Я велю сейчасъ тебѣ голову снестъ. Вотъ тебѣ мечъ и голова долой съ плечъ!

Царь ему говорить — на тебя жалобъ много, за это тебѣ нехорошо будетъ, за безчестье такое, а онъ опять играетъ пѣсню ой вы, очи, мои ясныя очи, на печкѣ лежитъ и пѣсню кричитъ во всеё рыло. Государь осерчалъ, разгорячился, кликнулъ прислугъ, часовыхъ, — взять, дескать, его въ двадцать четыре часа! — а Емеля, понявши такое дѣло, полны портки со страху напустилъ и говорить поскорѣй:

— По щучью по велѣнью, по моему низкому прошенью, влюбись въ меня, царская дочь-наслѣдница, просись замужъ за меня!

Прислуги бѣгутъ, хотятъ его съ печи тащить, а царская дочь начинаетъ государя со слезьми за него просить:

— Лучше, молю, государь-батюшка, меня скажите, — я не могу его злой смерти перенести, у него волшебное слово есть. Вы, говорить, не смотрите, что он такой сопатый, толстопятый, глаза дыркою, нос просвиркою, он нос утрет, за Ивань-царевича сойдет!

Ну, государь и сжалился на нее, наследницу свою. Отрепалъ для видимости Емелю-дурака за вшивый вихорь, наказалъ ему строго на строго больше такъ-то не охальничать, накидалъ ему на печку изъ собственныхъ рукъ леденцовъ-пряниковъ, а Емеля наклонялся ему, набилъ зобъ этими закусками, дубинкой махнулъ, печку повернулъ и пошелъ чесать на печкѣ ко двору, скачетъ-летитъ, а самъ еще пуще прежняго свою пѣсню шумитъ, — только по лѣсу отзывается!

Тутъ долго-ли, коротко-ли, только царская дочь, какъ только онъ, значитъ, скрылся съ глазъ долой, и зачни по немъ сохнуть, горевать: онъ ей просто съ ума не идетъ, — дюже влюбилась въ него по этому по щучьему слову! Государь видитъ ея муку и наконецъ того обращается къ ней, проситъ ее во всемъ сознаться. Ну, она ему и покаялась:

— Государь, молю, батюшка, я вся истянулась, истощала по нему, по Емель-дураку. Не отдавай мнѣ царства-государства, а построй мнѣ фамильный склепъ-могилу, коли не хочешь меня замужъ за него отдать!

Ну что тутъ дѣлать государю при такихъ рѣчахъ? Онъ опять сжалился на нее и посылаетъ сейчасъ посланниковъ въ эту деревню, гдѣ, значитъ, Емеля проживалъ, лаптемъ щи хлебалъ. Приѣхали эти посланники верхомъ на коняхъ, нашли его въ этой деревнѣ, взошли въ избу и давай его умолять:

— Емелюшка, милый, видно, молю, добился ты своего: не будешь ни пахать, ни косить, будешь только жамки въ ротъ носить. Государь тебя честью къ себѣ проситъ, хо-

четь дочку за тебя выдать. Утирай свои сопли, чеши свои кудлы, надѣвай портки-рубаху — мы тебѣ за сваху!

А онъ, Емеля, еще ломается,—а, дескать, теперъ миль сталь!

— Я, говоритъ, по людски ничего не хочу дѣлать. Я всѣмъ головамъ голова. Я на печи поѣду. Мнѣ ваши кареты-коляски безъ надобности. Мнѣ съ печи слѣзать не хочется. Моя думка одна — себя не трудить, а на свѣтѣ по-слаже пожить.

Посланники, понятно, и на то обрадовались, — имъ царь не велѣлъ безъ него и на глаза показываться, — на всѣ его причуды подписываются, въ поясъ ему кланяются, а онъ велитъ братьямъ съ невѣстками прибраться какъ надо и съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, — полно, моль, вамъ тутъ въ лѣсу сидѣть, на пни глядѣть! Они — въ голосъ, кричатъ, рыдаютъ, не хотятъ съ домомъ разставаться, робѣютъ этого дѣла, ты, говорятъ, и насъ подъ великую бѣду подведешь, а онъ говоритъ, если, говоритъ, честью не поѣдете, я васъ силкомъ посажу. Велѣлъ всѣмъ жаровыя рубахи, красныя сарафаны надѣвать,—они, дурачки-то, любятъ красненькое да ясненькое!—насажалъ всѣхъ на печку, чисто цвѣты какіе, наказалъ сидѣть смирно-благородно, заигралъ свою веселую пѣсню и поперѣ наружу,—только пороги затрещали!

Въ полѣ навстрѣчу ему — коляска золотая, государь, значитъ, выслалъ, солдаты вездѣ стоятъ, честь отдаютъ, на караулъ держутъ-тянутся, а онъ ихъ и во вниманье не беретъ и опять его печка прямо къ балкону везетъ. Выходитъ государь: «Пріѣхаль, говоритъ, Емеля?» — «Пріѣхаль, моль, такъ точно. А на что, государь-батюшка, я нуженъ вамъ?» — «А на то, говоритъ, нуженъ, что сокрушили вы мою дочку, хочу васъ повѣнчать съ нею. Съ печи, говоритъ, поскорѣе слѣзайте, а вы, дочка наша, хлѣбъ-соль ему подавайте».

Ну, Емеля, понятно, поскорѣй долой, ему только и надо было этого приглашенья, велѣль и братьямъ съ невѣстками слѣзать, стать въ сторонкѣ и шопоту никакого не дѣлать, потомъ поцѣловаль какъ надо государю ручку, невѣстѣ честь-честью поклонился, — хоть бы и не дураку впору! — хлѣбъ-соль приняль, и пошли они, значитъ, всѣмъ міромъ, соборомъ прямо въ царскіе хоромы. Тамъ государь доложилъ домашнему священнику, велѣль ему въ церковь итить, все къ вѣнцу готовить, а самъ вынесъ икону завѣтную и благословилъ Емелю съ своей дочкой на жизнь вѣчную. Потомъ, понятно, носъ ему утерли, въ банѣ отмыли, въ красный кафтанъ нарядили и свадьбу по всему закону сыграли, а государь подъ него тутъ-же полцарства своего подписалъ.

Я на томъ пиру, какъ говорится, былъ, да, признаться, все это дѣло забыль, — дюже пристально угощали: и теперь глазъ отъ синяковъ не продеру!

А Емеля сталъ жить да поживать, на бархатныхъ постеляхъ лежать, душу сладкими закусками ублажать да свою царевну за хохолокъ держать:

— Моль, и безъ меня управятся, — съ государствомъ-то!

Парижъ, 1921.

К О Н Е Ц Ъ

I.

На горѣ въ городѣ былъ въ этотъ промозглый зимній день тотъ роковой промежутокъ въ борьбѣ, то безвластіе, та зловѣщая безлюдность, когда отступаютъ уже послѣдніе защитники и убѣгаютъ послѣдніе изъ убѣгающихъ обывателей, но наступающій врагъ еще робѣетъ и продвигается то крадучись, то порывисто, съ трусливой дерзостью. Городъ пустѣлъ все страшнѣе, все безнадежнѣе для оставшихся въ немъ и мучающихся еще не полной разрѣшенностью своей судьбы. По окраинамъ, возлѣ вокзала и на совершенно вымершихъ улицахъ возлѣ почты и государственнаго банка, гдѣ на мостовыхъ уже лежали убитые, то и дѣло поднимался ожесточенный трескъ и градъ винтовокъ или спѣшно, мелко строчилъ пулеметь.

Къ вечеру изъ-за сѣверной заставы началась орудійная пальба, — врагъ осмѣлѣлъ, почувствовалъ силу и рѣшимость: бодро раздавался тяжкій, глухой стукъ, отъ котораго вздрагивала земля, за нимъ великолѣпный, съ побѣдоносной мощью рѣжущій воздухъ и звенящій звукъ снаряда и наконецъ громовый разрывъ, оглушающій весь городъ. Потомъ внезапно пошла частая и безпорядочная ру-

жейная стрѣльба на спускахъ въ портъ и въ самомъ порту, все приближаясь къ «Патрасу», подъ французскимъ флагомъ стоявшему у набережной въ Карантинной гавани. Откуда-то донесся знакомый и волнующій, гнусавый, быстро бѣгущій, тревожно и печально требующій дороги рожокъ кареты скорой помощи. . . Стало жутко и на «Патрасѣ», — то страшное, что совершалось на горѣ, доходило и до него. — Что же мы стоимъ? — послышались голоса въ толпѣ, наполнявшей пароходъ. — Съ ума сошли что ли французы? Насъ не выпускаютъ, насъ всѣхъ перебьютъ! — И всѣ стали врать напрополую, стараясь зачѣмъ-то напугать и себя и другихъ: угля, говорятъ, нѣтъ, команда, говорятъ, бунтуетъ, матросы красный флагъ хотятъ выкинуть. . . Между тѣмъ уже темнѣло.

Но вотъ, въ пятомъ часу, внезапно выскочилъ изъ-за стараго зданія таможни и подлетѣлъ къ пароходу крытый автомобиль, — и у всѣхъ вырвался вздохъ облегченія: консуль пріѣхалъ, значитъ, слава Богу, сейчасъ отвалимъ. Консуль съ портфелемъ подъ мышкой выпрыгнулъ изъ автомобиля и пробѣжалъ по сходнямъ, за нимъ быстро прошелъ офицеръ въ желтыхъ крагахъ и въ волчьей шубкѣ мѣхомъ наружу, нарочито грубаго и воинственного вида, и тотчасъ же загремѣла лебедка и къ автомобилю стала спускаться огромная петля каната. Всѣ съ жаднымъ любопытствомъ столпились къ борту, уже не обращая вниманія на стрѣльбу гдѣ-то совсѣмъ близко, автомобиль, охваченный петлей, покосился, отдѣлился отъ земли и безпомощно поплылъ вверхъ съ криво повисшими, похожими на поджатыя лапы колесами. . . Два часовыхъ, два голубыхъ солдатика въ желѣзныхъ каскахъ стояли съ короткими ружьями на плечо возлѣ сходней. Вдругъ откуда-то появился передъ ними высокій яростно запыхавшійся господинъ въ бобровой боярской шапкѣ, въ длинномъ пальто съ бровнымъ воротникомъ. На рукахъ у него спокойно

сидѣла прелестная синеглазая дѣвочка. Господинъ, замѣтно было, повидалъ виды. Онъ былъ замученъ, онъ былъ такъ худъ, что пальто его, нѣкогда дорогое, а теперь вытертое, забрызганное грязью, съ воротникомъ точно залезаннымъ, висѣло какъ на вѣшалкѣ. Дѣвочка, напротивъ, была полненькая, хорошо и тепло одѣта, въ бѣломъ вязаномъ капорѣ. Господинъ кинулся къ сходящимъ. Солдаты было двинулись къ нему, но онъ такъ неожиданно и такъ свирѣпо погрозилъ имъ пальцемъ, что они опѣшили, и онъ неловко вбѣжалъ на пароходъ.

Я стоялъ на рубкѣ надъ каютъ-кампаніей и съ бессмысленной пристальностью слѣдилъ за нимъ. Потомъ, такъ же тупо, сталъ смотрѣть на туманившійся на горѣ городъ, на гавань. Темнѣло, орудійная, а за нею и ружейная стрѣльба смолкла, и въ этой тишинѣ и уже спокойно надвигающихся сумеркахъ чувствовалось: всему конецъ. Чувствовалось, что дѣло сдѣлано, что городъ сдался, покорился, что теперь онъ уже вполнѣ беззащитенъ отъ вваливающихся въ него побѣдителей, несущихъ съ собой смерть и ужасъ, грабежъ, надругательство, убійства, голодъ и лютое рабство для всѣхъ поголовно, кромѣ самой подлой черни. Въ городѣ не было ни одного огня, портъ былъ необычно пустъ, казался безпредѣльнымъ, — «Патрасъ» уходилъ послѣднимъ, разводилъ пары, чтобы уйти за нимъ, только бокастый ледоколъ, одиноко стоявшій на рейдѣ среди льдинъ и черныхъ прогалинъ воды. За рейдомъ терялась въ сумрачной зимней мглѣ пустыня голыхъ степныхъ береговъ. Вскорѣ пошелъ мокрый снѣгъ, и я, насквозь промерзнувъ за долгое стояніе на рубкѣ, побѣжалъ внизъ. Мы уже двигались, — все плыло подо мною, набережная косякомъ отходила прочь, туманно-темная городская гора валилась назадъ... Потомъ шумно заклубилась вода изъ подъ кормы, мы круто обогнули моль съ мертвымъ, темнымъ маякомъ, выровнялись и пошли пол-

нымъ ходомъ. . . Конецъ, прощай Россія, сказалъ я себѣ твердо.

II.

Пароходъ, конечно, уже окрестили боевымъ ковчегомъ, — человѣческое остроуміе не богато. И точно, кого только не было на немъ? Были крупнѣйшіе мошенники, обремененные наживой, покинувшіе городъ спокойно, въ твердой увѣренности, что имъ будетъ не плохо всюду. Были люди порядочные, но тоже пока еще спокойные, бѣжавшіе впервые и еще не вполне сознавшіе всю важность того, что случилось. Были даже такіе, что бѣжали совсѣмъ неожиданно для себя, что просто заразились общимъ бѣгствомъ и сорвались съ мѣста неизвѣстно зачѣмъ, ни съ того, ни съ сего, чуть не въ самую послѣднюю минуту, безъ вещей, безъ денегъ, безъ теплой одежды, даже безъ смѣны бѣлья, какъ, на примѣръ, какія-то двѣ пѣвички, не къ мѣсту нарядныя, смѣявшіяся надъ своимъ нечаяннымъ путешествіемъ, какъ надъ забавнымъ приключеніемъ. Но преобладали все же настоящіе бѣженцы, бѣгущіе уже давно, изъ города въ городъ, и наконецъ добѣжавшіе до послѣдней русской черты.

Три четверти людей, сбившихся на «Патрасъ», уже испытали несмѣтное и неправдоподобное количество всякихъ потерь и бѣдъ, смертельныхъ опасностей, жуткихъ и нелѣпыхъ приключеній, мукъ всяческаго передвиженія и борьбы со всяческими препятствіями, крайнюю тяготу тѣлесной и душевной нечистоты, усталости. Теперь, утративъ послѣдніе остатки человѣческаго благополучія, растерявъ другъ друга, забывъ всякое людское достоинство, жадно таща на себѣ послѣдній чемоданъ, они сбѣгались къ послѣднему краю русской земли, подъ защиту

счастливыхъ, далекихъ отъ всѣхъ ихъ страданій и потому втайнѣ гордящихся существъ, называемыхъ французами, и эти французы дозволили имъ укрыться отъ послѣдней гибели въ то углое, тѣсное, что называлось «Патрасомъ» и что въ этотъ зимній вечеръ вышло со всѣмъ своимъ сбродомъ навстрѣчу мрачной зимней ночи, въ пустоту и даль мрачнаго зимняго моря. Что долженъ былъ чувствовать весь этотъ сбродъ? На что могли надѣяться всѣ тѣ, что сбились на «Патрасъ», въ томъ совершенно загадочномъ, что ожидало ихъ гдѣ-то въ Стамбулѣ, на Кипрѣ, на Балканахъ? И однако каждый изъ нихъ на что-то надѣялся, чѣмъ-то еще жилъ, чему-то еще радовался и со-всѣмъ не думалъ о томъ страшномъ морскомъ пути въ эту страшную зимнюю ночь, одной трезвой мысли о которомъ было бы достаточно для полнаго ужаса и отчаянія. По милости Божьей, именно трезвости-то и не бываетъ у человѣка въ наиболѣе роковыя минуты жизни. Человѣкъ въ эти минуты спасительно тупѣетъ и никогда не доводитъ до конца мыслей о своемъ положеніи.

Всюду на пароходѣ все было загромождено вещами и затоптано грязью и снѣгомъ. Всюду была безпорядочная тѣснота и царило какое-то неестественное оживленіе тавора, людей только-что спасшихся, страстно стремившихся спастись во что бы то ни стало и вотъ наконецъ добившихся своего, послѣ всѣхъ своихъ мученій и страховъ наконецъ повѣрившихъ, что они спасены, что они уже внѣ опасности и что они живы, — что бы тамъ ни было впоследствии! Человѣкъ весьма охотно, даже съ радостью освобождается отъ всяческихъ человѣческихъ узъ, возвращается къ первобытной простотѣ и неустроенности, къ дикарскому образу существованія, — только позволь обстоятельства, только будь оправданіе. И на «Патрасъ» всѣ чувствовали, что теперь это позволено, что теперь это можно — не стыдиться ни грязныхъ рукъ, ни потныхъ

подъ шапками волосъ, ни замызганныхъ воротничковъ, ни жадной ѣды не во время, ни неумѣреннаго куренья, ни разворачиванія при постороннихъ своего скарба, нутра своей обычно сокровенной жизни.

Всюду были узлы, чемоданы и люди: и въ рубкѣ надъ каютъ-кампаніей, гдѣ поминутно хлопала тяжелая дверь на палубу и несло сырмь вѣтромъ со снѣгомъ, и на лѣстницѣ въ каютъ-кампанію, и надъ лѣстницей, и въ столовой, гдѣ воздухъ былъ уже испорченный, душный. Трудно было пройти отъ тѣхъ нестѣсняющихся и опытныхъ, предусмотрительныхъ господъ, что уже захватывали себѣ мѣстечко, уже располагались по полу со своими постелями и семьями. Прочіе, спотыкаясь на эти постели, перепрыгивая черезъ узлы и чемоданы, наталкиваясь другъ на друга, бѣгали съ чайниками за кипяткомъ, тащили гдѣ-то добытые, — за какіе угодно деньги и чѣмъ дороже, тѣмъ радостнѣе! — огромные бѣлые хлѣбы, торжествуя другъ передъ другомъ своей ловкостью, настойчивостью и даже безсовѣстностью. Столы завалили съѣстнымъ, сидѣли за ними тѣсно, въ шапкахъ и калошахъ, поспѣшно ѣли и пили, сорили яичной скорлупой, угощали другъ друга колбасой, саломъ, со смѣхомъ рассказывая, что вчера мужикъ на базарѣ содралъ вотъ за этотъ кусокъ четыре тысячи «думскими», пробивали чужими перочинными ножами брызгающія рыжимъ масломъ жестянки. . . Длинный господинъ, явившійся на пароходъ послѣднимъ, нѣсколько разъ пробѣгалъ по столовой съ коробкой консервированнаго молока въ рукѣ, — гдѣ-то устроилъ свою дѣвочку и хлопоталъ накормить ее. Видъ у него былъ все такой-же грозный и рѣшительный, и еще замѣтнѣе было теперь, — онъ былъ безъ пальто, — какъ худа его шея, какъ велика бобровая шапка, какъ мягки и сальны запущенные на затылкѣ волосы.

III.

Подъ лѣстницей была особенно гнусная тѣснота, образовалось двѣ нетерпѣливыхъ очереди, — одна возлѣ нужниковъ, въ двери которыхъ ожидающіе поминутно стучали, и другая возлѣ лакеевъ, раздававшихъ красное вино, наливавшихъ его изъ бочки въ бутылки, кружки и чайники, съ которыми толпились бѣженцы. Вино было даровое и потому воспользоваться имъ хотѣлось поголовно всѣмъ, даже и никогда не пьющимъ. Я скорѣе многихъ другихъ пробился къ лакеямъ, получилъ цѣлый литръ и, возвратясь въ столовую и пристроившись къ уголку стола, сталъ медленно пить и курить, не зная, какъ коротать время иначе.

Только что разнесся слухъ, что передъ самымъ нашимъ отходомъ изъ порта было получено на «Патрасъ» страшное радіо: два парохода, тоже переполненные такими же, какъ мы, и вышедшіе раньше насъ на сутки, потерпѣли крушеніе изъ-за снѣжной бури — одинъ у самаго Босфора, другой у болгарскихъ береговъ. И новая угроза повисла надъ нами, новая неопредѣленность — дойдемъ-ли мы до Константинополя и, если дойдемъ, то когда? Ни курить, ни пить мнѣ не хотѣлось; сигара была ужасная, вино холодное, лиловое. Но я сидѣлъ, пилъ и курилъ. Уже началось то напряженное ожиданіе, которымъ живешь въ морѣ при опасныхъ переходахъ. «Патрасъ» былъ старъ, перегруженъ, погода разыгрывалась съ каждой минутой все круче, — мы были ни чуть не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ тѣ несчастные, о которыхъ сообщало радіо, и я совершенно ясно видѣлъ это. Большинство утѣшало себя тѣмъ, что мы идемъ быстро, бодро. Но я, по своей морской опытности, хорошо зналъ, что быстрота эта только кажущаяся, обманчивая. Это не мы увеличивали ходъ, это росло волненіе.

Вода уже шумно неслась вдоль нашихъ тонкихъ стѣнъ, все чаще и все яростнѣе накатывая съ боковъ, все тяжелѣе стучая въ стѣны и съ плескомъ, шипѣніемъ ссыпаясь съ нихъ. За стѣнами была непроглядная ночь, горами, безъ толку, безъ смысла, съ какими-то намъ невѣдомыми, грозными цѣлями ходило мрачное и ледяное, безпокойное, зимнее море. Въ черныя стекла ливнемъ летѣли брызги, лѣпило мокрымъ бѣлымъ снѣгомъ, свистѣлъ, крѣпко дулъ вѣтеръ, холодное дыханіе котораго то и дѣло чувствовалось въ дымномъ, жаркомъ и уже вонючемъ воздухѣ низкой столовой, все таки радовавшей своимъ свѣтомъ и тепломъ, тѣмъ уютомъ, котораго такъ первобытно жаждетъ человѣческое сердце, еще помнящее страхи древней жизни, пещерныхъ, свайныхъ дней. И я тоже несознанно радовался этому свѣту и теплу, сидя за своей бутылкой; я слушалъ говоръ, галду своихъ спутниковъ, чего-то ждалъ и что-то думалъ, — вѣрнѣе, все собирался что-то обдумать и понять какъ слѣдуетъ и все откладывалъ, потому что все казалось, что рѣшеніе всѣхъ вопросовъ еще гдѣ-то впереди. Стало уже упруго подымать и опускать, стало валить на сторону, скрипѣть переборками, диванами и креслами, въ которыхъ мы сидѣли. «Патрасъ» быстро шелъ среди качавшихся, разступавшихся и опять съ плескомъ и шумомъ сходящихся водяныхъ горъ, шелъ весь дрожа, и что-то работало внутри него все торопливѣе, съ перебоями, съ перерывами выдѣлывая «траттататата». . . Вдругъ вѣтеръ налетѣлъ и засвисталъ бѣшено, волна ударила такъ тяжело и, освѣщенная нашимъ огнемъ, такъ страшно заглянула своей мутной слюдой, своей громадой въ стекла, что многіе вскрикнули и повалились другъ на друга, думая, что мы уже гибнемъ. . . Потомъ все опять пришло въ порядокъ, опять пошло съ дрожью и перерывами это «траттататата», — только вѣтеръ налегаль все крѣпче, выль все жалобнѣе, — и вдругъ опять ударило и

опять дико засвистало и глубоко окунуло, опустило въ разступившуюся водяную пропасть. . . Началось! — подумалъ я съ какой-то странной радостью.

Вскорѣ столъ почти опустѣлъ. Большинство стонало, томилось, — съ надрывомъ, съ молящими криками извергало изъ себя всю душу, валялось по диванамъ, по полу или поспѣшно, падая и спотыкаясь, бѣжало вонъ изъ столовой. То тутъ, то тамъ кого-нибудь безобразно хлестало, а выбѣгающіе махали дверями, и сырой холодъ сталъ мѣшаться съ кислымъ зловоніемъ рвоты. Уже нельзя было ни ходить ни стоять, убѣгать надо было опрометью, сидѣть — упираясь спиной въ кресло, въ стѣну, а ногами въ столъ, въ чемоданы. Казалось, что размахивающийся и вправо и влѣво и вверхъ и внизъ пароходъ идетъ съ бѣшеной поспѣшностью, внутри его грохотало уже неистово, и перерывы, отдыхи въ этомъ грохотѣ казались мгновеніями счастья. . . А на верху былъ сущій адъ. Я допилъ вино, докурить сигару, и, падая во всѣ стороны, побрелъ въ рубку. Я одолѣлъ лѣстницу и пробовалъ одолѣть дверь наружу, выглянуть — ледяной вѣтеръ перехватывалъ дыханіе, рѣзалъ глаза, слѣпилъ снѣгомъ, съ звѣриной яростью валилъ назадъ. . . Обмерзлыя, поблѣвшія мачты и снасти ревѣли и свистали съ остервенѣлой тоской и удалью, студенистые холмы волнъ перекатывались черезъ палубу и опять, опять росли изъ-за борта и страшно свѣтились взмыленной пѣной въ чернотѣ ночи и моря. . . Крѣпко прохваченный холодомъ и свѣжестью, я насилу добрался назадъ до столовой, потомъ до своей каюты, по нѣкоторымъ причинамъ предоставленной въ мое единоличное распоряженіе. Тамъ было темно и все скрипѣло, возилось, точно что-то живое, борющееся. Проклятый корабельный полъ, косой, предательскій, зыбко уходилъ изъ подъ ногъ. И когда онъ уходилъ особенно глубоко, въ стѣну особенно тяжело ударяла громада воды,

все старавшаяся однимъ махомъ сокрушить и захлестнуть «Патрасъ». Но «Патрасъ» только глубоко нырять подъ этимъ ударомъ и снова пружинилъ наружу, гдѣ на него обрушивался новый врагъ — налеталъ ураганъ со снѣгомъ, насквозь продувавшій мокрая стѣны своимъ ледянымъ свистящимъ дыханіемъ. . .

IV.

И не раздѣваясь, — раздѣться было никакъ нельзя, того гляди расшибетъ объ стѣну, объ умывальникъ, да и слишкомъ было холодно, — я нащупалъ нижнюю койку и, улучивъ удобную минуту, ловко повалился на нее. Все ходило, качалось, дурманило. Бухало въ задраенный иллюминаторъ, съ шумомъ стекало и бурлило, — противно, какъ въ какомъ-то чудовищномъ чревѣ. И понемногу пьянѣя, отдаваясь все безвольнѣе въ полную власть всего этого, я сталъ то задремывать, то внезапно просыпаться отъ особенно бѣшеныхъ размаховъ и хвататься за койку, чтобы не вылетѣть изъ нея. Труба въ рукомоиникѣ, его сточная дыра гудѣла, гудѣла — и вдругъ начинала булькать, ревѣть и захлебываться.. Ахъ, встать бы, заткнуть бы чѣмъ-нибудь это анафемское горло! Но не было воли даже приподняться, какъ ни готовился я вотъ-вотъ рѣшиться на это. И потекли часы за часами и стало казаться, что уже никогда не минетъ эта мука качанія, эта ночь, этотъ мракъ, завываніе, шумъ, плескъ, шипѣніе и все новые и новые удары то и дѣло налетающихъ откуда-то изъ страшной водной безпредѣльности волнъ. . .

Въ полуснѣ, въ забытїи я что-то думалъ, что-то вспоминалъ. . . Пришло въ голову и стало повторяться, баюкать:

Громъ и шумъ, корабль качаетъ,
Море Черное шумить. . .

— А какъ дальше? — въ полуснѣ спрашивалъ я себя.

— Какъ дальше? — Ахъ, да!

Громъ и шумъ, корабль качаетъ,
Закачало, сплю. . .

И еще дальше:

Снится мнѣ —я свѣжъ и молодъ,
Я влюбленъ, мечты кипятъ,
Отъ зари роскошный холодъ
Проникаетъ въ садъ. . .

«Мечты кипятъ» — это, кажется, плохо, совсѣмъ плохо сказано, думалъ я, но зато какъ хорошъ «роскошный холодъ»! Какъ это чудесно, смѣло и вѣрно, какъ воскрешаетъ молодость! И какъ давно было все это — и какъ невозвратно!

Станъ ея полувоздушный
Обняла моя рука —
И качается послушно
Зыбкая доска. . .

Какъ все это далеко и ненужно теперъ! Такъ только, грустно немного, жаль себя и еще чего-то, а за всѣмъ тѣмъ — Богъ съ нимъ! — И опять повторялись стихи и опять путались, опять клонило въ сонъ, въ дурманъ, и опять все лѣзло куда-то вверхъ, скрипѣло, отчаянно боролось — и все лишь затѣмъ, чтобы опять неожиданно разрѣшиться срывомъ, тяжелымъ ударомъ и новымъ пружиннымъ подъемомъ и новымъ шипѣніемъ бурлящей, стекающей воды и пахучимъ холодомъ завывающаго вѣтра и клокочущимъ ревомъ захлебывающагося умывальника. . . Вдругъ я совсѣмъ очнулся, вдругъ всего меня озарило необыкновенно яркимъ сознаниемъ: да, такъ вотъ оно что — я въ Черномъ морѣ, я на чужомъ пароходѣ, я зачѣмъ-то плыву въ Константинополь, Россіи — конецъ, да и всему,

всей моей жизни тоже конецъ, даже если и случится чудо и мы не погибнемъ въ этой злой и ледяной пучинѣ! Только какъ же это я не понималъ, не понялъ этого раньше, а лишь гдѣ-то въ глубинѣ души черезъ силу несъ какую-то несказанно тяжкую тоску? И отъ изумленія передъ своей прежней слѣпотой я даже вскочилъ и сѣлъ на койкѣ:

— Конецъ, конецъ!

Парижъ. 1921.

ЗВѢЗДА ЛЮБВИ

Изба въ густомъ майскомъ лѣсу, передъ ней поляна, среди поляны раскидистая яблоня, лѣсовка, вся бѣлая и кудрявая отъ цвѣта. Солнце уже сѣло за лѣсомъ, но еще долго будетъ свѣтло. Все свѣжо, молодо, всего преизбытокъ — зелени, цвѣтовъ, травъ, соловьевъ, горлинокъ, кукушекъ. И сладко, лѣсомъ, цвѣтами, травами, пахнетъ легкій холодокъ зари. За тѣми чащами, надъ которыми свѣтлая пустота весенняго заката и которыя спускаются въ лѣсные овраги, розовѣющимъ зеркаломъ сквозить прудъ и въ немъ иногда вхохчетъ лягушка, томно, изнемогая отъ наслажденія. Соловьи низко перелетаютъ надъ поляной, гоняются другъ за другомъ, на лету цокаютъ и трещатъ.

Верховая лошадь, кажущаяся подъ сѣдломъ еще легче и красивѣе, стоитъ подъ яблоней. Она тянется мордой къ мелкой листвѣ среди бѣлыхъ цвѣтовъ, обрываетъ ее и все время звучно жуетъ. А я сижу на пнѣ возлѣ избы и радуюсь на лошадь.

Я еще чувствую, какъ я сидѣлъ на ней. Мнѣ пріятно, что на мнѣ ловкіе сапоги, что я здоровъ, молодъ, что я хорошій ѣздокъ и что лошадь цѣнитъ это, любитъ меня, что она такъ женственна и породиста, что она горячо и съ наслажденіемъ несетъ меня, куда я хочу, что она съ

одинаковымъ удовольствіемъ покоряется мнѣ во всемъ, — принимаетъ на себя сѣдло, чувствуетъ крѣпко охватившія ее подпруги, идетъ крупнымъ, вольнымъ шагомъ или спорой, размашистой рысью, скачетъ во весь опоръ, стоитъ возлѣ крыльца, на межѣ въ полѣ, подѣ деревомъ въ лѣсу.

Я хлопаю по голенищамъ нагайкой, которую беру только для забавы, сижу и курю. Въ избѣ, на лавкѣ возлѣ окошка, — дѣвочка лѣтъ трехъ, въ чепчикѣ. Она занята тѣмъ, что бьетъ себя по губамъ: бамъ, бамъ, бамъ! За ней, внутри избы, черно и жарко, пахнетъ теплыми хлѣбами, лежащими на столѣ и прикрытыми зипуномъ.

Широта и глубина свѣтлаго заката сократилась, померкла. Темнѣетъ, наступаютъ сумерки. Въ бездонной высотѣ, сѣрѣющей надъ поляной, парами налетаютъ вальдшнепы, на мгновение останавливаются — и летятъ дальше. Лягушка смолкла, — во всемъ лѣсу чуткая тишина, только щебечуть гдѣ-то вблизи двѣ птички да и то какъ-то безжизненно, передъ сномъ. И все чаще, все страннѣе смотритъ вверхъ, на сѣрѣющую синеву, гдѣ уже мелко проступаютъ первыя зерна звѣздъ, горбатая дѣвка, смирно сидѣвшая весь вечеръ на травѣ неподалеку отъ яблони.

Вверху — небо, вправо — померкшая заря, впереди, за яблоней, — далекіе красноватые просвѣты въ черныхъ лѣсныхъ низахъ. И я тоже смотрю — то въ вышину, то на эти просвѣты, то на лошадь, то на дѣвку — и тогда она, не глядя, тотчасъ же чувствуетъ мой взглядъ и стыдливо подбираетъ ноги, оправляетъ платье. Она чисто и пріятно одѣта. Лицо у нея слегка широкоскулое, но тонкое, одухотворенное прозрачной и прекрасной блѣдностью. Трогательно ея ожерелье на худыхъ ключицахъ, дѣвичья льняная сорочка, маленькія босыя ноги — и странно, даже немного страшень частый и несмѣлый взглядъ въ небо.

Подходить ея мать — воротилась изъ села, принесла мѣшочекъ пшена, связку кренделей.

Поздоровавшись со мной, садится на порогъ избы, вздыхаетъ.

— Была въ селѣ, купила кой-чего. . . А вы давно тутъ? Анютка не плакала? На нее надежды нѣту, — говоритъ она, разумѣя горбатую, которая слушаетъ такъ, будто говорятъ не про нее, а про кого-то другого, — она у насъ сами знаете, какая. . .

Я знаю, но молчу, и баба подробно и не спѣша рассказываетъ или скорѣе вслухъ передумываетъ все то, что я слышалъ уже много разъ:

— Что-жъ, дошло до того, что два раза изъ омута вынимали. . . Пришла какъ-то съ хутора, а она въ прудъ зашла, въ самый омутъ, — топиться хочетъ. . . А наемни съ осинки сняла: собираю сушь въ лѣсу, глядь, а она виситъ на суку, еле ногами травы касается, — ужъ краски по лицу пошли. . . Все говоритъ, ходитъ *онъ* ко мнѣ, душить, настигаетъ. . . Ночью проснусь, а она задыхается, кричить: — «Что ты? Что ты? Пусти, не хочу!» — А самой, по голосу слышу, лестно, сладко. . . Спать безъ того не ложится, — молится, приговариваетъ: — «Не надѣйся, не надѣйся, съ собой не положу! Всю постелю закреплю!» — Таетъ прямо никуда, на-нѣтъ сошла, осталось нарядить, да въ гробъ положить. . . Ужъ я съ ней работы и не спрашиваю, грѣхъ и спрашивать. . . Куда вся храбрость дѣвалась, а прежде чистый огонь была, нѣжная, обидчивая. . . Главное дѣло, ее эта порча съ ума свела, — молчить, а какую небось муку, стыдъ несутъ. Дѣло молодое, тайное, какой только думки въ головѣ нѣту! Иной разъ проговорится, — глаза потупить, покраснѣется и шепчетъ: — «Ну что жъ, ну горбатая, ну уродная, а все лицомъ не хуже другихъ. . . Ну и пускай никто не возьметъ, постыдится съ такой-то подъ вѣнецъ стать. . . Найду себѣ

получше дружка, потаеннаго, полуночнаго...» — Да что-жь, и правда: отца нѣту, приданаго нѣту... Какой страшный грѣхъ говорить, а все думается — помреть, все Господь простить... .

Дѣвка сидитъ прямо, неподвижно, не слушаетъ или не слышитъ, пристально и странно, почти дико глядитъ въ темноту лѣса.

Домой ѣду полями. Земля залита темнотою, темнота поднимается снизу, затопляетъ далекую зарю, послѣдній слѣдъ ея. Свѣжо, — пахнетъ и зеленью уже поднявшихся ржей, и росистой травой на межахъ, и всѣмъ тѣмъ полевымъ, ночнымъ, среди чего я родился, выросъ, чѣмъ такъ сладко живу... .

Баба говорила: «Я сплю съ Анюткой, на нарахъ, а она на коникѣ, подъ святыми... . Чисто покойница, даже жутко по ночному дѣлу... . Ночью проснусь — сидитъ, въ окошечко, на звѣзды, на ночь, на лѣсъ смотреть... . У меня, говорить, звѣзда любимая есть, вѣрная, неизмѣнная, — Полуночная Зарница... .»

Полуночная Зарница. Звѣзда любви, звѣзда предразсвѣтная.

Лошадь идетъ подбористо, точно чувствуетъ мои думы, — видны ея настороженные ушки на слабомъ свѣтѣ зари... . О, красавица, умница, любимая моя! Какъ передать словами нашу съ тобой близость, нашу любовь, — нѣтъ тоньше, таинственнѣй и чище этой любви, на вѣки безмолвной, на вѣки вѣрной, не обманывающей, любви между человекомъ и жирѣтымъ! И какъ постигнуть все то несказанное, все то какъ будто несуществующее, не имѣющее ни образа, ни имени, ни на что въ мѣръ не похожее и однако такое сущее, съ такой остротой осязаемое, что есть между мной и между этимъ, столь для меня въ сущности не-

понятнымъ и даже ужаснымъ четвероногимъ твореніемъ, съ которымъ я почти одно?

А этотъ, теперъ уже темный и такой зловѣщій лѣсъ и она, эта страшная и прекрасная горбунья? Мать теперъ, вѣрно, уже спитъ, а она, живая покойница, сидитъ на лавкѣ подъ святыми — и глядитъ, слушаетъ — одна во всемъ мірѣ — и все, кромѣ человѣка, все съ ней и въ ней — и ночь и лѣсъ и вся вселенная, вся бездна, вся тайна ея — и ужъ такъ съ ней и въ ней, какъ намъ никому не дано, потому что уже совсѣмъ внѣ нашего міра, совсѣмъ не съ нами она, уже почти въ полной власти этого Потаеннаго, Полуночнаго, чья дивная и грозная Звѣзда горитъ передъ зарею надъ лѣсомъ. . .

И я обнимаю и цѣлую сильную атласную шею своей безсловесной возлюбленной, чтобы слышать ея грубый запахъ, чтобы чувствовать земную плоть, потому что безъ нея, безъ этой плоти, мнѣ слишкомъ жутко въ этомъ мірѣ, и натягиваю поводья, сжимаю колѣнами сѣдло, и лошадь тотчасъ же отвѣчаетъ мнѣ всѣмъ своимъ существомъ — и легко, горячо несетъ меня по темной дорогѣ къ дому.

Парижъ. 1921.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ

Дворъ былъ богатый, семья большая.

Старикъ, наплодивъ дѣтей и внуковъ, въ свое время померъ, но старуха зажила и жила такъ долго, что казалось, никогда не будетъ конца ея жалкому и нудному существованію.

Это они со старикомъ были строителями и владыками всего этого обширнаго, прочнаго, теперъ уже давно обжитаго, вросшаго въ свое мѣсто, грязнаго и уютнаго гнѣзда съ его гумномъ, дуплистыми лозинами, амбарами, черной избой въ три связи, грубымъ до дикости скотнымъ дворомъ, потонувшимъ въ навозъ и переполненнымъ сытой скотиной. Это они когда-то были молоды, красивы, разумны и строги, а потомъ стали по-немногу сдавать да сдавать, какъ-то теряться среди все увеличивающейся и крѣпнущей молодежи, то въ одномъ, то въ другомъ уступать имъ свою волю и наконецъ совсѣмъ сошли на нѣтъ, захирѣли, высохли, сгорбились, забились на палаты, на печь, отчудились сперва отъ семьи, а потомъ и другъ отъ друга, чтобы уже навѣки разлучиться по могиламъ.

Послѣ смерти старика старуха почувствовала себя особенно неловко на бѣломъ свѣтѣ — и сократилась до послѣдняго, совсѣмъ какъ будто забыла, что вѣдь все это молодое, сильное царство, въ которомъ она стала такой

ненужной, развела она, она. Вышло какъ то такъ, что оказалась она самымъ ничтожнымъ существомъ во всемъ дворѣ, живущимъ въ немъ точно изъ милости, годнымъ лишь на то, чтобы ютиться на жаркой печи зимою, а лѣтомъ цыплятъ стеречь, избу караулить въ рабочую пору... Кому бы пришло въ голову бояться ея, жалкой, слезливой, босой, сгорбленной и отъ старости и отъ постоянной угодливой робости! Бери въ объѣдъ, въ ужинъ свою колгушку съ похлебкой, бери корку хлѣба и ступай куда-нибудь подальше отъ люднаго стола, куда-нибудь въ уголокъ подъ палатами,—только и всего. . .

Но вотъ захворала уже какъ слѣдуетъ, забила на печь уже безъ всякаго притворства, закрыла глаза, дыша горячо и беспомощно, съ такой великой усталостью, что даже у плечистыхъ невѣстокъ повернулось сердце отъ жалости.—«Мамушка, ай тебѣ курятинки сварить, либо лапшицы молочной? Можетъ, хочется чего? Можетъ, самоваръ поставить?» — А она только дышетъ въ забытѣи, только слабо и благодарно рукой шевелить. . .

Наконецъ развязала всѣхъ, — отошла.

Глубокая зима, ночь. Ночь для нея, среди живыхъ, послѣдняя. На дворѣ мятель, тьма, вся деревня спитъ. Спитъ и весь дворъ, — объ жилия связи полны спящими, — и надо всей этой зимней ночью и метелью, надо всѣмъ сномъ и глушью двора и деревни царить Мертвая: вчерашняя жалкая и забитая старушонка преобразилась въ нѣчто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всемъ мірѣ, въ какое-то непостижимое и страшное божество, — въ покойницу.

Она лежитъ въ холодной половинѣ — уже въ гробѣ, снѣговая, бѣлая, глубоко уйдя въ свой гробовой міръ, уткнувъ въ грудь приподнятую соломенной подушкой го-

лову, и падаетъ тѣнь отъ чернѣющихъ, выдѣлившихся на бѣломъ лицѣ рѣсницъ. Гробъ, прикрытый легкимъ отъ ветхости парчевымъ покровомъ, стоитъ за столомъ, ярко озареннымъ цѣлымъ пукомъ восковыхъ свѣчей, прилѣпленныхъ къ нему и пылающихъ жарко и безпокойно. Гробъ стоитъ подъ святыми, на лавкѣ возлѣ окошечка, за которымъ идетъ морозная метель, черныя стекла котораго блестятъ, искрятся снѣгомъ, снаружи намерзающимъ на нихъ.

Псалтирь читаетъ Гавриль, младшій сынъ покойной, недавно женившійся. Онъ всегда выдѣлялся въ семьѣ своей разумностью и опрятностью, ровнымъ нравомъ, любовью къ чтенію, къ церковнымъ службамъ—кому же было читать, какъ не ему? И онъ пошелъ въ эту ледяную избу просто, ничуть не боясь предстоящей ему долгой ночи наединѣ съ мертвой, не думая объ этой ночи, не представивъ себѣ, что ждетъ его,— и вотъ уже давно чувствуетъ, что случилось нѣчто роковое и непоправимое въ его жизни, что онъ погибъ, погибъ безъ возврата! Онъ стоитъ и читаетъ, наклонясь къ жаркимъ и дрожащимъ свѣчамъ, читаетъ не смолкая, все на одинъ ладъ, — какъ поднятъ голосъ по церковному, такъ и остался на высокой нотѣ, — читаетъ, ничего не понимая и не въ силахъ прекратить чтенія отъ страннаго ужаса, все растущаго въ немъ. Онъ чувствуетъ, что ему уже нѣтъ спасенія, что онъ совершенно одинъ не только въ этой ледяной избѣ, глазъ на глазъ съ этимъ страшнымъ существомъ, которое тѣмъ страшнѣе, что это — его родная мать, но и въ цѣломъ мірѣ, и что ночь такъ глубока, часъ такой поздній, что ему уже не отъ кого ждать ни защиты, ни помощи.

Что съ нимъ случилось? То, что онъ не разсчиталъ своихъ силъ, рѣшившись читать псалтирь надъ покойницей ночью, въ часъ всеобщаго сна, что его внезапно обуялъ страхъ и что онъ не можетъ двинуться отъ этого

страха, не можетъ убѣжать изъ этой избы? Нѣтъ, случилось нѣчто гораздо болѣе дивное, случилось чудо, и онъ пораженъ не простымъ страхомъ, а именно этимъ чудомъ, пораженъ дивнымъ изумленіемъ передъ таинствомъ, совершившимся на его глазахъ. Гдѣ она теперь, куда она дѣвалась, та жалкая, маленькая, убогая отъ старости, робости и беспомощности, которую столько лѣтъ почти не замѣчалъ никто въ ихъ большой, грубой отъ своей силы и молодости семьѣ? Ее уже нѣтъ, она исчезла,—развѣ это она, вотъ это Нѣчто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное и все же совсѣмъ не то, что столъ, стѣна, стекло, снѣгъ, совсѣмъ не вещь, а существо, сокровенное бытіе котораго такъ же непостижимо, какъ Богъ? Развѣ то, что лежитъ и молчитъ въ этомъ новомъ, красивомъ гробу, обитомъ темно-лиловымъ плюсомъ съ бѣлыми крестами и крылатыми ангельскими головками, развѣ это та, что еще позавчера ютилась на печкѣ? Нѣтъ, совершилось съ ней нѣкое преображеніе — и все въ мірѣ, весь міръ преобразился ради нея. И онъ одинъ, одинъ въ этомъ преображенномъ мірѣ!

Онъ волшебнo замкнутъ въ немъ и онъ долженъ стоять въ немъ до разсвѣта и читать не смолкая на томъ необычномъ, жуткомъ и величественномъ языкѣ, который тоже есть часть этого міра, его гибельный, зловѣщій для живыхъ глаголь. И онъ собираетъ всѣ силы, чтобы читать, видѣть, слышать свой собственный голосъ и держаться на ногахъ, всѣмъ существомъ и все глубже воспринимая то невыразимо жуткое и невыразимо чарующее, что какъ нѣкая литургія совершается въ немъ самомъ и передъ нимъ. И вдругъ медленно приподнимается и еще медленнѣе опускается парчевый покровъ на груди покойницы — она какъ-бы медленно дышетъ! И еще выше и ярче растетъ, дрожитъ, ослѣпляетъ блескъ свѣчей — и уже все вокругъ превращается въ сплошное изступленіе

восторга и ужаса, отъ котораго дервенѣеть голова, плечи, ноги. Онъ знаетъ, онъ еще соображаетъ, что это морозный вѣтеръ дуетъ въ окно, за которымъ идетъ январская вьюга, что это онъ поддуваетъ покровъ и раздуваетъ свѣчи. Но все равно — этотъ вѣтеръ тоже она, усопшая, это отъ нея вѣетъ этимъ чистымъ, какъ смерть, и ледянымъ, какъ вѣчность, дыханіемъ и это она встанетъ сейчасъ судить весь міръ, весь презрѣнный въ своей животности и бренности міръ живыхъ!

Теперь Гавриль еще молодой и моложавый мужикъ съ сѣдыми, аккуратно причесанными волосами. Онъ не хозяйствуетъ, предоставилъ хозяйство братьямъ, женѣ. Онъ бездѣтенъ. Онъ избралъ себѣ дѣло, ненужное при его достаткѣ, но единственное любимое имъ—ѣздить ямщикомъ.

Онъ всегда въ дорогѣ, и дорога, даль, мѣняющіяся по времени года картины неба, полей, лѣсовъ, облучокъ телѣжки или саней, бѣгъ пары вѣрныхъ ему, умныхъ лошадей, звукъ колокольчика и долгій разговоръ съ пріятнымъ сѣдокомъ — счастье, никогда не измѣняющее ему.

Онъ простой, ласковый, даже веселый. Но эта веселость какъ бы блаженнаго. Лицо у него чистое, худощавое, сѣрые глаза правдивы и ясны. Онъ не говорливъ, но охотно рассказываетъ достойному человѣку то трудно передаваемое, похожее на святочный рассказъ, а на дѣлѣ истинно дивное, что пережилъ онъ у гроба матери, въ ея послѣднюю ночь среди живыхъ.

Парижъ. 1921.

ДАЛЕКОЕ

Давнымъ давно, тысячу лѣтъ тому назадъ, жилъ да былъ вмѣстѣ со мною на Арбатѣ, въ гостинницѣ «Сѣверный Полюсъ», нѣкій неслышный, незамѣтный, скромнѣйшій въ мірѣ Иванъ Ивановичъ, человѣкъ уже старенькій и довольно потрепанный.

Изъ году въ годъ жила, дѣлала свое огромное дѣло Москва. Что-то дѣлала, зачѣмъ-то жилъ на свѣтѣ и онъ. Часовъ въ девять онъ уходилъ, въ пятомъ возвращался. О чемъ-то тихо, но ни чуть не печально думая, онъ снималъ съ гвоздя въ швейцарской свой ключъ, поднимался во второй этажъ, шель по колѣнчатому коридору. Въ коридорѣ очень сложно и очень дурно пахло и особенно чѣмъ-то тѣмъ, душнымъ и рѣзкимъ, чѣмъ натираютъ полы въ дрянныхъ гостинницахъ. Коридоръ былъ темный и зловѣщій (номера выходили окнами во дворъ, а стекла надъ ихъ дверями давали мало свѣта) и весь день горѣла въ концѣ каждаго его колѣна лампочка съ ослѣпительнымъ рефлекторомъ. Но казалось, что Иванъ Ивановичъ не испытывалъ ни малѣйшей доли тѣхъ тяжелыхъ чувствъ, которыя возникали на счетъ коридора у людей, не привыкшихъ къ «Сѣверному Полюсу». Онъ шель по коридору спокойно, просто, вообще такъ, что его почти не замѣчали. Встрѣчались ему его сожителѣ: бодро спѣшавшій, съ

молодой бородой и яркимъ взглядомъ студентъ, на ходу надѣвавшій шинель въ рукава; независимаго вида стенографистка, рослая, манящая, несмотря на свое сходство съ бѣлымъ негромъ; старая маленькая дама на высокихъ каблуккахъ, всегда наряженная, нарумяненная, съ коричневыми волосами, съ вѣчнымъ клокотаніемъ мокроты въ груди, о встрѣчѣ съ каковой дамой предупреждалъ быстро бѣгущей по коридору лепетъ бубенчиковъ на ея курносомъ мопсѣ съ выдвинутой нижней челюстью, съ яростно и бессмысленно вылупленными глазами. . . Иванъ Ивановичъ вѣжливо со всѣми встрѣчными раскланивался и ничуть не претендовалъ на то, что ему едва кивали въ отвѣтъ. Онъ проходилъ одно колѣно, заворачивалъ въ другое, еще болѣе длинное и черное, гдѣ еще дальше краснѣла и блистала впереди стѣнная лампочка, совалъ ключъ въ свою дверь — и уединялся за нею до слѣдующаго утра.

Чѣмъ онъ у себя занимался, какими способами короталъ свой досугъ? А Богъ его знаетъ. Домашняя его жизнь, ничѣмъ внѣшнимъ не проявляемая, никому не нужная, была тоже никому невѣдома — даже горничной и коридорному, нарушавшимъ его затворничество только подачей самовара, уборкой постели и гнуснаго умывальника, изъ котораго струя воды била всегда неожиданно и не на лицо, не на руки, а очень высоко и въ сторону, вкось. Съ рѣдкой, повторяю, незамѣтностью, съ рѣдкимъ однообразіемъ существовалъ Иванъ Ивановичъ. Проходила зима, наступала весна. Неслись, грохотали, звенѣли конки по Арбату, непрерывно спѣшили куда-то, навстрѣчу другъ другу, люди, трещали извочичьи пролетки, кричали разносчики съ лотками на головахъ, къ вечеру въ далекомъ пролетѣ улицы сіяло золотисто-свѣтлое небо заката, музыкально разливался надъ всѣми шумами и звуками басыстый звонъ съ шатровой, древней колокольни: — Иванъ Ивановичъ какъ будто даже и не видѣлъ, не слышалъ ничего

этого. Ни зима, ни весна, ни лѣто, ни осень не оказывали ни малѣйшаго видимаго вліянія ни на него, ни на образъ его жизни. Но вотъ, однажды весной, пріѣхалъ откуда-то, взялъ номеръ въ «Сѣверномъ Полюсѣ» и сталъ ближайшимъ сосѣдомъ Иванъ Ивановича какой-то князь. И произошло съ Иваномъ Ивановичемъ нѣчто совершенно неожиданное, негаданное.

Чѣмъ могъ поразить его князь? Конечно, не титуломъ, — была-же старѣйшая сожительница Ивана Ивановича, маленькая дама съ мопсомъ, тоже особой титулованной, и однако не чувствовалъ онъ къ ней ровно ничего. Чѣмъ могъ плѣнить? Конечно, не богатствомъ и не внѣшностью, — князь былъ очень прожившійся человѣкъ, а на видъ очень запущенный, нескладно огромный, съ мѣшками подъ глазами, съ шумной, тяжелой одышкой. И все таки былъ Иванъ Ивановичъ и пораженъ и плѣненъ, а главное, совсѣмъ вонъ выбить изъ своей долготѣйшей колеи. Онъ превратилъ свое существованіе въ какое-то непрестанное волненіе. Онъ повергъ себя въ тревожное, мелкое и постыдное обезьянство.

Князь пріѣхалъ, поселился, сталъ уходить и приходиться, съ кѣмъ-то видѣться, о чемъ-то хлопотать, — совершенно такъ-же, разумѣется, какъ дѣлали это всѣ, которые останавливались въ «Сѣверномъ Полюсѣ», которыхъ перебивало на памяти Иванъ Ивановича великое множество и навязываться на знакомство съ которыми Ивану Ивановичу и въ голову не приходило. Но князя онъ почему-то изъ всѣхъ отличилъ. Передъ княземъ онъ, при второй же или третьей встрѣчѣ въ коридорѣ, почему-то расшаркался, представился и со всяческими любезнѣйшими извиненіями попросилъ сказать какъ можно точнѣе, который часъ. А завязавъ такимъ ловкимъ образомъ знакомство, просто влюбился въ князя, привелъ въ полное разстрой-

ство весь свой обычный жизненный укладъ и рабски сталь подражать князю чуть не на каждомъ шагу.

Князь, на примѣръ, ложился спать поздно. Онъ возвращался домой часа въ два ночи (и всегда на извозчикѣ). Стала и у Ивана Иваныча горѣть до двухъ часовъ лампа. Онъ зачѣмъ-то ждалъ возвращенія князя, его грузныхъ шаговъ по коридору, его свистящей одышки. Онъ ждалъ съ радостью, чуть не съ трепетомъ и порою даже высывался изъ своего номерка, чтобы видѣть подходящаго князя, поговорить съ нимъ. Князь шелъ не спѣша, какъ бы не видя его, и всегда спрашивалъ одно и то же, глубоко безразличнымъ тономъ:

— А, а вы еще не спите?

И Иванъ Иванычъ, замирая отъ восторга, хотя, впрочемъ, безъ всякой робости и безъ всякаго подобострастія, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не сплю еще. Время дѣтское, всего десять минутъ третьяго. . . Гуляли, развлекались?

— Да, — говорилъ князь, сопя и не попадая ключомъ въ дверную скважину: — встрѣтилъ стараго знакомаго, зашли, посидѣли въ трактирѣ. . . Покойной ночи. . .

Тѣмъ все дѣло и кончалось, такъ холодно, хотя и вѣжливо, обрывалъ князь свою ночную бесѣду съ Иванъ Иванычемъ, но съ Иванъ Иваныча и этого было довольно. На ципочкахъ возвращался онъ къ себѣ, привычно дѣлалъ все то, что полагается передъ сномъ, немножко крестился и кивалъ въ уголь, неслышно укладывался въ постель за перегородкой и тотчасъ-же засыпалъ, совершенно счастливый и совершенно безкорыстный въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ своихъ на счетъ князя, если не считать невиннѣйшаго вранья коридорному утромъ:

— А я вчера опять засидѣлся. . . Опять заговорились съ княземъ до третьихъ пѣтуховъ. . .

Князь съ вечера выставлялъ за дверь свои большіе растоптанные башмаки и вывѣшивалъ широчайшіе серебряные панталоны. Сталъ и Иванъ Ивановичъ выставлять свои сморщенные сапожки, которые чистились прежде въ двенадесятые праздники, и вывѣшивать блестящіе, съ оборванными пуговицами брючки, которые прежде не вывѣшивались никогда, даже подъ Рождество, подъ Пасху.

Князь просыпался рано, страшно кашлялъ, съ жадностью закуривалъ толстую папиросу, кричалъ, отворивъ дверь въ коридоръ, на весь домъ: — «Коридорный! Чаю!» — и, шлепая туфлями, въ халатѣ, надолго уходилъ за нуждой. Сталъ и Иванъ Ивановичъ дѣлать то же, то есть то, чего прежде отъ роду не дѣлалъ, — кричалъ въ коридоръ о самоварѣ и, въ калошахъ на босу ногу, въ лѣтнемъ пальтишкѣ на заношенномъ бѣльѣ, бѣжалъ и себѣ за нуждой, хотя прежде бѣгалъ онъ туда всегда вечеромъ.

Князь, подобно Ивану Ивановичу, курилъ вертушки, каждые два дня покупалъ четверку табаку и раскладывалъ его на газетѣ на подоконникѣ, для сушки. Подглядѣвъ это, сталъ и Иванъ Ивановичъ дѣлать то же самое со своимъ табакомъ.

Князь однажды сказалъ, что онъ очень любитъ циркъ и часто бываетъ въ немъ. Рѣшилъ сходить въ циркъ и Иванъ Ивановичъ, никогда цирка не любившій, бывшій въ циркѣ не менѣе сорока лѣтъ тому назадъ, и однажды сходилъ таки и съ восхищеніемъ рассказалъ ночью князю, какое онъ получилъ огромное наслажденіе. . .

Ахъ, весна, весна! Все дѣло было, конечно, въ томъ, что происходилъ весь этотъ вздоръ весною.

Каждая весна есть какъ бы конецъ чего-то изжитого и начало чего-то новаго. Той далекой московской весной этотъ обманъ былъ особенно сладокъ и силенъ — для меня по моей молодости и потому, что кончались мои студенческіе годы, а для многихъ прочихъ просто по причи-

нѣ весны, на рѣдкость чудесной. Каждая весна праздникъ, а та весна была особенно празднична.

Москва прожила свою сложную и утомительную зиму. А потомъ прожила великій постъ, Пасху и опять почувствовала, будто она что-то кончила, что-то свалила съ плечъ, дождалась чего-то настоящаго. И было множество москвичей, которые уже мѣняли или готовились измѣнить свою жизнь, начать ее какъ-бы сначала и уже по иному, чѣмъ прежде, зажить разумнѣе, правильнѣе, моложе и спѣшили убирать квартиры, заказывать лѣтніе костюмы, дѣлать покупки, — а вѣдь покупать (даже нафталинъ) весело! — готовились, однимъ словомъ, къ отъѣзду изъ Москвы, къ отдыху на дачахъ, на Кавказѣ, въ Крыму, за границей, вообще къ лѣту, которое, какъ всегда кажется, непремѣнно должно быть счастливымъ и долгимъ, долгимъ.

Сколько прекрасныхъ, радующихъ душу чемодановъ и новенькихъ, скрипящихъ корзинъ было куплено тогда въ Леонтьевскомъ переулкѣ и у Мюра-Мерилиза! Сколько народу стриглось, брилось у Базиля и Теодора! И одинъ за другимъ шли солнечные, возбуждающіе дни, дни съ новыми запахами, съ новой чистотой улицъ, съ новымъ блескомъ церковныхъ маковокъ на яркомъ небѣ, съ новымъ Страстнымъ, съ новой Петровкой, съ новыми свѣтлыми нарядами на щеголихахъ и красавицахъ, пролетающихъ на легкихъ лихачахъ по Кузнецкому, съ новой свѣтло-сѣрой шляпой знаменитаго актера, тоже быстро пролетѣвшаго куда-то на дутыхъ шинахъ по Газетному. Всѣ кончали какую-то полосу своей прежней, не той, какой нужно было, жизни, и чуть не для всей Москвы былъ канунъ жизни новой, непремѣнно счастливой, — былъ онъ и у меня, у меня даже особенно, гораздо больше другихъ, какъ казалось мнѣ тогда. И все близился и близился срокъ моей разлуки съ «Сѣвернымъ Полюсомъ», со всѣмъ

тѣмъ, чѣмъ жилъ я въ немъ по студенчески, по юношески, и съ утра до вечера былъ я въ хлопотахъ, въ разъѣздахъ по Москвѣ, во всяческихъ радостныхъ заботахъ. А что же дѣлалъ мой сосѣдъ по номерамъ, скромнѣйшій современникъ нашъ? Да приблизительно то же, что и мы. Съ нимъ случилось въ концѣ концовъ то же самое, что и со всѣми нами.

Шли апрѣльскіе и майскіе дни, неслись, звенѣли конки, непрерывно спѣшили люди, трещали извозчичьи пролетки, нѣжно и грустно (хотя дѣло шло лишь о спаржѣ) кричали разносчики съ лотками на головахъ, сладко и тепло пахло изъ кондитерской Скачкова, стояли кадки съ лаврами у подъѣзда дорогого ресторана, гдѣ хорошіе господа уже кушали молодой картофель въ сметанѣ, день незамѣтно клонился къ вечеру, и вотъ уже сіяло золотисто-свѣтлое предзакатное небо на западѣ и музыкально разливался надъ счастливой, людной улицей басистый звонъ съ шатровой колокольни. . . День за днемъ жилъ весенній городъ своей огромной, разнообразной жизнью, и я былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ участниковъ ея, жилъ всѣми ея запахами, звуками, всей ея суетой, встрѣчами, дѣлами, покупками, бралъ извозчиковъ, входилъ съ пріятелями въ кафэ Трамбле, заказывалъ въ «Эрмитажѣ» ботвинью, закусывалъ рюмку холодной водки свѣжимъ огурчикомъ. . . А Иванъ Ивановичъ? А Иванъ Ивановичъ тоже куда-то ходилъ, тоже гдѣ-то бывалъ, дѣлалъ что-то свое, маленькое, чрезвычайно маленькое, приобретаая за это право на дальнѣйшее существованіе среди насъ, то есть на обѣдъ за тридцать копѣекъ въ кухмистерской напротивъ «Сѣвернаго Полюса» и на номеръ въ «Сѣверномъ Полюсѣ». Онъ только это скромное право зарабатывалъ себѣ гдѣ-то и чѣмъ-то и, казалось, былъ совершенно чуждъ всѣмъ нашимъ надеждамъ на какую-то новую жизнь, на новый костюмъ, новую шляпу, новую стрижку,

на то, чтобы съ кѣмъ-то въ чемъ-то сравняться, завести знакомство, дружбу. . . Но вотъ прїѣхалъ князь.

Чѣмъ могъ онъ очаровать, поразить Ивана Ивановича? Но вѣдь не важень предметъ очарованія, важна жажда быть очарованнымъ. А въ комъ же до самой могилы не живетъ эта жажда? Былъ, кромѣ того, князь жильцомъ ни на кого изъ обычныхъ жильцовъ «Сѣвернаго Полюса» не похожимъ, былъ человѣкомъ съ остатками барскихъ замашекъ, барской независимости, человѣкомъ глубоко прожившимся, но, значить, и пожившимъ въ свое время какъ слѣдуетъ. Ну вотъ и возмечталъ бѣдный Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ со всѣми нами, зажить и себѣ по новому, по весеннему, съ нѣкоторыми барскими замашками и даже развлеченіями. Что жъ, развѣ это плохо — подтянуться немного, не заваливаться, напимѣрь, спать въ десять часовъ, выѣшивать костюмъ для чистки, ходить за нуждой до умыванія, до туалета? Развѣ это не освѣжаетъ — сходить вечеромъ въ лѣтній садъ, въ циркъ, проѣхаться на извозчикѣ по весенней чистой Москвѣ подъ звѣзднымъ небомъ? Развѣ это не молодитъ — зайти постричься, подравнять, укоротить бороду, купить молодящую сѣренькую шляпу и воротиться домой съ какойнибудь покупочкой, хоть съ четвертью фунта какихъ-нибудь пустяковъ, красиво перевязанныхъ руками хорошенькой, привѣтливой продавщицы? И Иванъ Ивановичъ, постепенно и все больше входя въ искушеніе, все это по своему продѣлалъ, то есть исполнилъ въ мѣру своихъ силъ и возможностей почти все, что исполняли и прочіе: и знакомство завелъ, и обезьянничать сталъ, — право, не больше другихъ! — и весеннихъ надеждъ набрался, и нѣкоторую долю весенняго безпутства внесъ въ свою жизнь, и къ барскимъ замашкамъ пріобщился, и бороду подстригъ, и съ какими-то сверточками въ рукахъ сталъ возвращаться въ «Сѣверный Полюсъ» въ предвечерній часъ, и даже больше того: купилъ

и себѣ сѣренькую шляпу и нѣчто дорожное, — чемоданчикъ за рубль семдесятъ пять, весь въ блестящихъ жестяныхъ гвоздяхъ, — возмечтавъ непременно сѣздить лѣтомъ къ Троицѣ или въ Новый Іерусалимъ. . .

Сбылась-ли эта мечта и чѣмъ вообще кончился порывъ Ивана Иваныча къ новой жизни, право, не знаю. Думаю, что кончился онъ, какъ и большинство нашихъ порывовъ, не важно, но, повторяю, ничего опредѣленнаго сказать не могу. А не могу потому, что вскорѣ мы всѣ, то есть князь, Иванъ Иванычъ и я, въ одинъ прекрасный день разстались и разстались не на лѣто, не на годъ, не на два, а на вѣки. Да, не больше не меньше какъ на вѣки, то есть чтобы ужъ никогда, ни въ какія времена до скончанія міра не встрѣтятся, каковая мысль мнѣ сейчасъ, не взирая на всю ея видимую странность, просто ужасна: подумать только, — никогда! Въ сущности, всѣ мы, въ извѣстный срокъ живущіе на землѣ вмѣстѣ и вмѣстѣ испытывающіе всѣ земныя радости и горести, видящіе одно и то же небо, любящіе и ненавидящіе въ концѣ концовъ одинаковое и всѣ поголовно обреченные одной и той-же казни, одному и тому-же исчезновенію съ лица земли, должны были бы питать другъ къ другу величайшую нѣжность, чувство до слезъ умиляющей близости, почти восторга и просто кричать должны были бы отъ страха и боли, когда судьба разлучаетъ насъ, всякій разъ невѣдомо, на какой срокъ, всякій разъ имѣя полную возможность превратить всякую нашу разлуку, даже десятиминутную, въ вѣчную. Но, какъ извѣстно, мы въ общемъ весьма далеки отъ подобныхъ чувствъ и часто разлучаемся даже съ самыми близкими какъ нельзя болѣе легкомысленно. Такъ, конечно, разстались и мы, — князь, Иванъ Иванычъ и я. Привели однажды передъ вечеромъ князю извозчика на Смоленскій вокзалъ, — плохенькаго, за шесть гривенъ, — а мнѣ на Курскій, — за полтора цѣлковыхъ, на сѣрой

рѣзвой кобылѣ, — и мы разстались, даже и не попрощавшись. И остался Иванъ Ивановичъ въ своемъ мрачномъ коридорѣ, въ своей клѣткѣ съ тусклымъ стекломъ надъ дверью, и разѣхались мы съ княземъ въ совершенно разныя стороны, расставъ во всѣ руки чаевыя и сѣвши каждый на свою пролетку, — князь, кажется, довольно равнодушный, а я сіяющій, бодрый, во всемъ новенькомъ, смутно ждущій какой-то чудесной встрѣчи въ вагонѣ, въ пути. . . И помню какъ сейчасъ: ѣхаль я къ Кремлю, а Кремль былъ мирно и радостно озаренъ въ упоръ вечернимъ солнцемъ, ѣхаль черезъ Кремль, мимо соборовъ, — ахъ, какъ хороши они были, Боже мой! — потомъ по пахучей отъ всякой москатели Ильинкѣ, гдѣ уже была вечерняя тѣнь, потомъ по Покровкѣ, еще людной и шумной, но уже осѣняемой звономъ и гуломъ колоколовъ, благославляющихъ счастливо кончившійся суетный день, — ѣхаль и не просто радовался и самому себѣ и всему міру, а истинно тонулъ въ радости существованія, какъ-то мгновенно, еще на Арбатской площади, позабывъ и «Сѣверный Полюсъ» и князя и Иванъ Ивановича, и былъ бы, вѣроятно, очень удивленъ, если бы мнѣ сказали тогда, что навсегда сохранятся и они въ томъ сладкомъ и горькомъ снѣ прошлаго, которымъ до могилы будетъ жить моя душа, и что будетъ нѣкій день, когда буду я тщетно взывать и къ нимъ:

— Милый князь, милый Иванъ Ивановичъ, гдѣ-то гніють теперь ваши кости? И гдѣ наши общія глупыя надежды и радости, наша далекая московская весна?

Амбуазъ. 1922.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ДРУГЪ.

7 октября, 19... г.

На этой *carte-illustrée* съ такимъ печальнымъ и величественнымъ видомъ лунной ночи у береговъ Атлантическаго океана спѣшу написать Вамъ мою горячую благодарность за Вашу послѣднюю книгу. Эти берега — моя вторая родина, это послѣдняя граница европейскихъ владѣній Британіи, — видите, изъ какого далека шлетъ Вамъ привѣтъ одинъ изъ Вашихъ неизвѣстныхъ друзей. Будьте счастливы и да сохранитъ Васъ Богъ.

8 октября.

Вотъ еще одинъ видъ той одинокой страны, куда навѣки забросила меня судьба.

Вчера подъ ужаснымъ дождемъ, — у насъ вѣчный дождь, — ѣздила по дѣламъ въ городъ, случайно купила Вашу книгу и читала ее не отрываясь на возвратномъ пути на виллу, гдѣ мы живемъ круглый годъ изъ-за моего слабаго здоровья. Отъ дождя, отъ тучъ было почти темно, цвѣты и зелень въ садахъ были необыкновенно ярки, пустой трамвай шель быстро, кидая фіолетовыя вспышки, а я читала, читала и, неизвѣстно почему, чувствовала себя почти мучительно счастливой.

Прощайте, еще разъ благодарю Васъ. Хочется еще что-то сказать Вамъ, но что? Не знаю, не умѣю опредѣлить.

10 октября.

Не могу удержаться и опять пишу Вамъ. Думаю, что Вы получаете такихъ писемъ слишкомъ много. Но вѣдь все это отклики именно тѣхъ человѣческихъ душъ, для которыхъ и творите Вы. Такъ зачѣмъ же мнѣ молчать? Вы первый вступили въ общеніе со мной, выпустивъ въ свѣтъ, то есть и для меня, свою книгу. . .

И нынче цѣлый день сыплется дождь на нашъ почти неестественно зеленый садъ, и въ комнатѣ у меня сумрачно и съ утра топится каминъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать Вамъ многое, но вѣдь Вы знаете лучше другихъ, какъ это трудно, почти невозможно — высказывать себя. Я все еще подъ впечатлѣніемъ чего-то непонятнаго и неразрѣшающагося, но прекраснаго, чѣмъ я обязана Вамъ, — объясните, что это такое, это чувство? И что вообще испытываютъ люди, подвергаясь воздѣйствию искусства? Очарованіе отъ человѣческой умѣлости, силы? Возбужденное желаніе личнаго счастья, которое всегда, неугасимо живетъ въ насъ и особенно оживаетъ подъ вліяніемъ чего-нибудь, дѣйствующаго чувственно, — музыки, стиховъ, какого-нибудь образнаго воспоминанія, какого-нибудь запаха? Или же это радость ощущенія божественной прелести человѣческой души, которую открываютъ намъ немногіе, подобные Вамъ, напоминающіе, что она все-таки есть, есть, эта божественная прелесть? Вотъ я что-нибудь читаю, — иногда даже что-нибудь ужасное, — и вдругъ говорю: Боже, какъ это прекрасно! Что это значить? Можетъ быть, это значить: какъ все-таки прекрасна жизнь!

До свиданья, скоро еще напишу Вамъ. Думаю, что въ этомъ нѣтъ никакой не деликатности, что это принято — писать писателямъ. Кромѣ того, Вы вѣдь можете и не читать моихъ писемъ. . . хотя, конечно, мнѣ это будетъ очень грустно.

Ночью.

Простите, это можетъ прозвучать дурно, но не могу не сказать: я не молода, у меня дочь пятнадцати лѣтъ, совсѣмъ уже барышня, но я была когда-то не совсѣмъ дурна и не слишкомъ рѣзко измѣнилась съ тѣхъ. . . Мнѣ все-таки не хочется, чтобы Вы представляли себѣ меня не такой, какая я есть.

11 октября.

Я написала Вамъ въ силу потребности раздѣлить съ Вами то волненіе, которое произвелъ на меня Вашъ талантъ, дѣйствующій, какъ печальная, но возвышенная музыка. Зачѣмъ это нужно — раздѣлить? Я не знаю, да и Вы не знаете, но мы оба хорошо знаемъ, что эта потребность человѣческаго сердца неискоренима, что безъ этого нѣтъ жизни и что въ этомъ какая-то великая тайна. Вѣдь и Вы пишете только въ силу этой потребности и даже болѣе — Вы отдаете ей всего себя всецѣло.

Я всегда много читала, — и много вела дневниковъ, какъ всѣ неудовлетворенные жизнью люди, — много читаю и теперь, читала и Васъ, но мало, больше знала Васъ лишь по имени. И вотъ эта Ваша новая книга. . . Какъ это странно! Чья-то рука гдѣ-то и что-то написала, чья-то душа выразила малѣйшую долю своей сокровенной жизни малѣйшимъ намекомъ, — что можетъ выразить слово, даже такое, какъ Ваше! — и вотъ вдругъ исчезаетъ пространство, время, разность судебъ и положеній, и Ваши мысли и чувства становятся моими, нашими общими.

Поистинѣ только одна, единая есть душа въ мірѣ. И развѣ не понятенъ послѣ этого мой порывъ написать Вамъ, что-то высказать, что-то раздѣлить съ Вами, на что-то пожаловаться? Развѣ Ваши произведенія не то же самое, что мои письма къ Вамъ? Вѣдь и Вы что-то и кому-то высказываете, посылаете свои строки кому-то невѣдомому и куда-то въ пространство. Вѣдь и Вы жалуетесь, чаще всего только жалуетесь, потому что жалоба, иными словами, мольба о сочувствіи, наиболѣе неразлучна съ человѣкомъ: сколько ея въ пѣсняхъ, молитвахъ, стихахъ, любовныхъ изліяніяхъ!

Можетъ быть, Вы отвѣтите мнѣ, хотя двумя словами? Отвѣтите!

13 октября.

Опять пишу Вамъ ночью, уже въ спальнѣ, мучимая непонятнымъ желаніемъ сказать то, что такъ легко обозвать наивностью, что скажется во всякомъ случаѣ не такъ, какъ чувствуется. А хочется мнѣ сказать въ сущности очень немногое: только то, что мнѣ очень грустно, очень жаль себя — и что я все-таки счастлива этой грустью и тѣмъ, что мнѣ жаль себя. Мнѣ грустно думать, что я гдѣ-то въ чужой странѣ, на самыхъ западныхъ берегахъ Европы, на какой-то виллѣ за городомъ, среди осенней ночной темноты и тумана съ моря, идущаго вплоть до Америки. Грустно, что я одна не только въ этой уютной и прелестной комнатѣ, но и во всемъ мірѣ. И всего грустнѣй, что Вы, котораго я выдумала и отъ котораго уже чего-то жду, такъ безконечно далеко отъ меня и такъ мнѣ невѣдомы, и, конечно, что бы я тамъ ни говорила, такъ чужды мнѣ и такъ правы въ этомъ. . .

Въ сущности, все въ мірѣ прелестно, даже вотъ этотъ абажуръ на лампѣ и ея золотистый свѣтъ, и сверкающее бѣлье на моей уже открытой постели, и мой халатъ, моя

нога въ туфлѣ и моя худая рука въ широкомъ рукавѣ. И всего безконечно жаль: къ чему все? Все проходитъ, все пройдетъ и все тщетно, какъ и мое вѣчное ожиданіе чего-то, замѣняющее мнѣ жизнь. . .

Очень прошу — напишите мнѣ. Конечно, два-три слова, только для того, чтобы я знала, что Вы слышите меня. Простите мою настойчивость.

15 октября.

Это нашъ городъ, нашъ соборъ. Пустынные скалистые берега, — моя первая *carte-postale* къ Вамъ, — дальше, сѣвернѣе. Но и городъ, соборъ — все угрюмо, черно у насъ. Гранитъ, шиферъ, асфальтъ и дождь, дождь. . .

Да, напишите мнѣ кратко, я очень хорошо понимаю, что Вамъ нечего сказать мнѣ, кромѣ двухъ-трехъ словъ, и, повѣрьте, ни чуть не буду въ обидѣ. Но напишите, напишите!

21 октября.

Увы, письма отъ Васъ нѣтъ. А прошло уже пятнадцать дней съ тѣхъ поръ, какъ я написала Вамъ въ первый разъ. . .

Но можетъ быть, Вашъ издатель еще не переслалъ Вамъ моихъ писемъ? Можетъ быть, Васъ отвлекають срочныя занятія, свѣтская жизнь? Это очень грустно, но все же лучше, чѣмъ думать, что Вы просто пренебрегли моей просьбой. Думать такъ очень обидно и больно. Вы скажете, что я не имѣю никакого права на Ваше вниманіе и что, слѣдовательно, ни обидѣ, ни боли не можетъ быть мѣста. Но точно ли не имѣю я этого права? А можетъ быть, оно уже есть у меня, разъ я испытала извѣстныя чувства къ Вамъ? Развѣ былъ, наприимѣръ, хоть одинъ

Ромео, который не требовалъ взаимности даже и безъ всякихъ основаній, или Отелло, который ревновалъ бы по праву? Оба они говорятъ: разъ я люблю, какъ можно не любить меня, какъ можно измѣнять мнѣ? Это не простое хотѣніе, чтобы меня любили, это гораздо сложнѣе и больше. Разъ я что-нибудь или кого-нибудь люблю, это уже мое, во мнѣ. . . Впрочемъ, не умѣю объяснить Вамъ этого какъ слѣдуетъ, знаю только, что такъ казалось и кажется людямъ всегда, и чувствую, что тутъ скрывается что-то очень глубокое. Все дивно, все непонятно въ мірѣ. . .

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, а отвѣта отъ Васъ нѣтъ, а я опять пишу. Неожиданно выдумала, что Вы мнѣ чѣмъ-то близки, — хотя опять-таки выдумала ли? — и сама повѣрила своей выдумкѣ и упорно стала писать Вамъ и уже знаю, что чѣмъ больше буду писать Вамъ, тѣмъ все необходимѣе будетъ для меня дѣлать это, потому что все болѣе будетъ усиливаться какая-то связь между мною и Вами. Я Васъ не представляю себѣ, совсѣмъ не вижу даже Вашего физическаго облика. Такъ кому же я пишу? Себѣ самой? Но все равно. Вѣдь и я — Вы.

И все же — отзовитесь!

22 октября.

Нынче дивный день, на душѣ у меня легко, окна открыты, и солнце и теплый воздухъ напоминаютъ о веснѣ. Станный этотъ край! Лѣтомъ дождливо и холодно, осенью, зимой — дождливо и тепло, но порой выпадаютъ такіе прекрасные дни, что не знаешь: зима это или итальянская весна? О, Италія, Италія и мои восемнадцать лѣтъ, мои надежды, моя радостная довѣрчивость, мои ожиданія на порогѣ жизни, которая была вся впереди и вся въ солнечномъ туманѣ, какъ горы, долины и цвѣтущіе сады

вокругъ Везувія! Простите, знаю, что все это слишкомъ не ново, но что мнѣ до того?

Ночью.

Можетъ быть, Вы оттого не писали мнѣ, что я для Васъ слишкомъ отвлеченна? Тогда вотъ еще нѣсколько чертъ моей жизни. Я уже шестнадцать лѣтъ замужемъ. Мой мужъ французъ, я познакомилась съ нимъ однажды зимой на французской Ривьерѣ, вѣнчалась въ Римѣ, а послѣ свадебнаго путешествія по Италиі навсѣгда поселилась здѣсь. У меня трое дѣтей, мальчикъ и двѣ дѣвочки. Люблю ли я ихъ? Да, но все же не такъ, какъ чаще всего любятъ матери, видящія жизнь только въ семьѣ, въ дѣтяхъ. Пока дѣти были маленькими, я за ними непрестанно ухаживала, раздѣляла съ ними всѣ ихъ игры и занятія, но теперь они во мнѣ больше не нуждаются, и у меня много свободнаго времени, которое я провожу въ чтеніи. Родные мои далеко, наши жизни разошлись, и общихъ интересовъ у насъ такъ мало, что мы даже переписываемся очень рѣдко. Въ связи съ положеніемъ моего мужа мнѣ часто приходится бывать въ обществѣ, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерахъ и обѣдахъ. Но друзей и подругъ у меня нѣтъ. На здѣшнихъ дамъ я не похожа, а въ дружбу между мужчиной и женщиной я не вѣрю. . .

Но довольно обо мнѣ. Если отвѣтите, скажите хоть что-нибудь о себѣ. Какой Вы? Гдѣ Вы постоянно живете? Любите ли Вы Шекспира или Шелли, Гете или Данте, Бальзака или Флобера? Любите ли музыку и какую? Женаты ли Вы? Связаны ли Вы уже наскучившей связью или у Васъ есть невѣста въ той нѣжной и прекрасной порѣ, когда все ново и радостно, когда еще нѣтъ воспоминаній, которыя только томятъ, обманываютъ, будто было счастье, непонятое и неиспользованное?

Напишите мнѣ, если можете!

1 ноября.

Письма отъ Васъ нѣтъ. Какое мученіе! Такое мученіе, что я иногда проклинаю день и часъ, когда рѣшилась написать Вамъ. . .

И хуже всего то, что изъ этого нѣтъ выхода. Сколько бы я ни увѣряла себя, что письма не будетъ, что мнѣ нечего ждать, я все-таки жду: кто же можетъ поручиться, что его дѣйствительно не будетъ? Ахъ, если бы твердо знать, что Вы не напишете! Я была бы и этимъ счастлива. Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ, надѣяться все-таки лучше. Я надѣюсь, я жду!

3 ноября.

Письма нѣтъ, и мои мученія продолжаются. . .

Впрочемъ, тяжелы только утренніе часы, когда я съ неестественнымъ спокойствіемъ и медлительностью, но съ холодными отъ скрытаго волненія руками одѣваюсь, выхожу къ кофе, прохожу музыкальный урокъ съ дочерью, которая разучиваетъ его такъ трогательно прилежно и сидитъ за піанино такъ прямо, такъ прелестно прямо, какъ умѣютъ это только дѣвочки по пятнадцатому году. Въ полдень приходитъ наконецъ почта, я бросаюсь къ ней, ничего не нахожу — и почти успокаиваюсь до слѣдующаго утра. . .

А нынче опять прелестный день. Низкое солнце ясно и кротко. Въ саду много голыхъ, черныхъ деревьевъ, цвѣтутъ осенніе цвѣты. И что-то тонкое, голубое, необыкновенно прекрасное въ долинахъ, за вѣтвями сада. И въ сердцѣ благодарность кому-то и за что-то. За что? Вѣдь ничего нѣтъ и не будетъ. . . хотя такъ ли это, точно ли ничего нѣтъ, разъ она есть, эта умиляющая душу благодарность?

Благодарю и Васъ за то, что Вы дали мнѣ возможность выдумать Васъ. Вы меня никогда не узнаете, никогда не встрѣтите, но и въ этомъ много печальной прелести. И, быть можетъ, хорошо, что Вы не пишете, что Вы не написали мнѣ ни слова и что я совсѣмъ не вижу Васъ живымъ. Развѣ я могла бы говорить съ Вами и чувствовать Васъ такъ, какъ сейчасъ, если бы я Васъ знала, даже если бы имѣла хоть одно письмо отъ Васъ? Вы непременно были бы уже не такой, непременно чуть-чуть хуже, и мнѣ было бы менѣе свободно писать Вамъ. . .

Свѣжѣетъ, а я все не закрываю окна и все смотрю въ голубую дымку изменностей и холмовъ за садомъ. И это голубое мучительно прекрасно, мучительно потому, что непременно нужно что-то сдѣлать съ нимъ. Что сдѣлать? Я не знаю. Мы ничего не знаемъ!

5 ноября.

Это похоже на дневникъ, но это-все таки не дневникъ, потому что теперь у меня есть читатель, пусть хотя бы и предполагаемый. . .

Что побуждаетъ писать Васъ? Желаніе рассказать что-нибудь или высказать (хоть бы иносказательно) себя? Конечно, второе. Девять десятыхъ писателей, даже самыхъ славныхъ, только рассказчики, то есть въ сущности не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что можетъ достойно называться искусствомъ. А что такое искусство? Молитва, музыка, пѣсня человѣческой души. . . Ахъ, если бы оставить послѣ себя хоть нѣсколько строкъ о томъ, что вотъ и я жила, любила, радовалась, что и у меня была молодость, весна, Италія. . . что есть далекая страна на берегахъ Атлантическаго океана, гдѣ я живу, люблю и все еще чего-то жду даже и теперь. . . что есть въ этомъ океанѣ дикіе и бѣдные острова и дикая, бѣдная жизнь какихъ-

то чуждыхъ всему міру людей, ни происхожденія, ни темнаго языка, ни цѣли существованія которыхъ не знаетъ и никогда не узнаетъ никто. . .

Я все-таки жду, жду письма. Теперь это уже какъ бы навязчивая идея, родъ душевной болѣзни.

7 ноября.

Да, все дивно. Письма, конечно, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И представьте себѣ: потому что нѣтъ этого письма, нѣтъ отвѣта отъ человѣка, котораго я никогда не видала и не увижу, нѣтъ отклика на мой голосъ, брошенный куда-то въ даль, въ свою мечту, у меня чувство страшнаго одиночества, страшной пустоты міра. Пустоты, пустоты!

И опять дождь, туманъ, будни. И это даже хорошо, то есть обычно, такъ, какъ надо. Это меня успокаиваетъ.

До свиданія, да проститъ Вамъ Богъ Вашу жестокость. Да, все-таки это почти жестоко.

8 ноября.

Три часа, а уже совсѣмъ сумерки отъ тумана и дождя. А въ пять у насъ чай съ гостями.

Приѣдутъ подъ дождемъ, въ автомобиляхъ, изъ мрачнаго города, который въ дождь еще чернѣе со своимъ чернымъ мокрымъ асфальтомъ, черными мокрыми крышами и чернымъ гранитнымъ соборомъ, остріе котораго уносится въ дождь и мглу. . .

Я уже одѣта и какъ бы жду выхода на сцену. Жду того момента, когда я буду говорить все то, что полагается, буду любезна, оживлена, заботлива и только немного блѣдна, что такъ легко объяснить этой ужасной погодой. И, одѣтая, я какъ будто помолодѣла, чувствую себя старшей сестрой своей дочери и каждую минуту готова запла-

кать. Я все-таки пережила что-то странное, похожее на любовь. Къ кому? Въ силу чего? Непостижимо, но именно такъ.

Прощайте, я уже ничего не жду, — говорю это совершенно искренно и твердо.

10 ноября.

Прощайте, мой невѣдомый другъ. Кончаю свои безотвѣтныя письма тѣмъ же, чѣмъ и начала, — благодарностью. Благодарю Васъ, что Вы не отозвались. Было бы хуже, если бы было иначе. Что бы Вы могли сказать мнѣ? И на чемъ могли бы мы съ Вами, безъ чувства неловкости, прервать переписку? И что бы я нашла сказать Вамъ еще, кромѣ сказаннаго? Больше у меня ничего нѣтъ, — я все сказала. Въ сущности о всякой человѣческой жизни можно написать только двѣ-три строки. О, да. Только двѣ-три строки.

Со страннымъ чувствомъ, — точно я кого-то потеряла, — опять остаюсь одна, со своимъ домомъ, близостью туманнаго океана, осенними и зимними буднями. И опять возвращаюсь къ спокойному дневнику, странную надобность котораго, равно какъ и Вашихъ писаній, знаетъ только Богъ.

Нѣсколько дней тому назадъ видѣла Васъ во снѣ. Вы были какой-то странный, молчаливый, сидѣли въ углу темной комнаты и были не видны. А все-таки я Васъ видѣла. Но и во снѣ я чувствовала: какъ можно видѣть во снѣ того, кого никогда не видѣлъ въ жизни? Вѣдь только Богъ творить изъ ничего? И мнѣ было очень жутко, и я проснулась въ страхѣ, съ тяжелымъ чувствомъ.

Черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ не будетъ, вѣроятно, ни меня, ни Васъ въ этомъ мірѣ. До встрѣчи въ иномъ!

Кто можетъ быть увѣренъ, что его нѣтъ? Вѣдь мы не понимаемъ даже своихъ собственныхъ сновъ, созданій своего собственнаго воображенія. Наше ли оно, это воображеніе, то есть, говоря точнѣе, то, что мы называемъ нашимъ воображеніемъ, нашими выдумками, нашими мечтами? Нашей ли волѣ подчиняемся мы, стремясь къ той или иной душѣ, какъ я стремилась къ Вашей?

Прощайте. Или нѣтъ, все-таки до свиданія.

Приморскія Альпы.

15. VII. 1923.

ВЪ НОЧНОМЪ МОРЪ.

Пароходъ, шедшій изъ Одессы на Кавказъ, остановился ночью передъ Евпаторіей.

На пароходѣ и возлѣ него образовался сущій адъ. Грохотали лебедки, яростно кричали и тѣ, что принимали грузъ, и тѣ, что подавали его снизу, изъ огромной баржи; съ крикомъ, съ дракой осаждала пассажирскій трапъ и, какъ на приступъ, съ непонятной, бѣшеной поспѣшностью, лѣзла вверхъ со своими пожитками восточная чернь; электрическая лампочка, спущенная надъ площадкой трапа, рѣзко освѣщала густую и безпорядочную вереницу грязныхъ фесокъ и тюрбановъ изъ башлыковъ, вытаращенные глаза, пробивавшіяся впередъ плечи, судорожно цѣплявшіяся за поручни руки; стонъ стоялъ и внизу, возлѣ послѣднихъ ступенекъ, поминутно заливаемыхъ волной; тамъ тоже дрались и орали, оступались и цѣплялись, тамъ стучали весла, сшибались другъ съ другомъ лодки, полныя народа, — онѣ то высоко взлетали на волнѣ, то глубоко падали, исчезали въ темнотѣ подъ бортомъ. А дельфиноподобную тушу парохода упруго, точно на резинѣ, валило то въ одну, то въ другую сторону. . .

Наконецъ стало стихать.

Очень прямой, съ прямыми плечами господинъ, поднявшійся на палубу въ числѣ послѣднихъ, подалъ возлѣ руб-

ки перваго класса свой билетъ и сакъ лакею и, узнавъ, что мѣстъ въ каютахъ нѣтъ, прошелъ на корму. Тутъ было темно, стояло нѣсколько полотняныхъ кресель, и только въ одномъ изъ нихъ чернѣла фигура полулежащаго подъ пледомъ человѣка. Новый пассажиръ выбралъ себѣ кресло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Кресло было низкое, и, когда онъ сѣлъ, парусина натянулась и образовала очень удобный и пріятный уютъ. Пароходъ поднимало и опускало, медленно сносило, поворачивало теченіемъ. Дуль мягкой вѣтерокъ южной лѣтней ночи, слабо пахнуцій моремъ. Ночь, по лѣтнему простая и мирная, съ чистымъ небомъ въ мелкихъ скромныхъ звѣздахъ, давала темноту мягкую, прозрачную. Далекіе огни были блѣдны и потому, что часъ былъ поздній, казались сонными. Вскорѣ на пароходѣ и совсѣмъ все пришло въ порядокъ, слышались уже спокойные командные голоса, загремѣла якорная цѣпь. . . Потомъ корма задрожала, зашумѣла винтами и водой. Низко и плоско разсыпанные на далекомъ берегу огни поплыли назадъ. Качать перестало. . .

Можно было подумать, что оба пассажира спятъ, такъ неподвижно лежали они въ своихъ креслахъ. Но нѣтъ, они не спали, они пристально смотрѣли сквозь сумракъ другъ на друга. И, наконецъ, первый, тотъ, у котораго ноги были покрыты пледомъ, просто и спокойно спросилъ:

— Вы тоже въ Крымъ?

И второй, съ прямыми плечами, не спѣша отвѣтилъ ему тѣмъ-же тономъ:

— Да, въ Крымъ и дальше. Побуду въ Алупкѣ, потомъ поѣду въ Гагры.

— Я васъ сразу узналъ, — сказалъ первый.

— И я васъ узналъ и тоже сразу, — отвѣтилъ второй.

— Очень странная и неожиданная встрѣча.

— Какъ нельзя болѣе.

— Собственно, я не то, что узналъ васъ, а у меня какъ-будто уже заранѣе таилось такое чувство, что вы почему-то должны появиться, такъ что и узнавать было не нужно.

— Совершенно то-же самое испыталъ и я.

— Да? Очень странно. Какъ тутъ не сказать, что въ жизни все таки бываютъ минуты — ну, необыкновенныя, что-ли? Жизнь, можетъ быть, не такъ ужъ проста, какъ кажется.

— Можетъ быть. Но вѣдь можетъ быть и другое: то, что мы съ вами просто вообразили сію минуту эти чувства нашего якобы предвидѣнія.

— Можетъ быть. Да, весьма возможно. Даже скорѣе всего, что такъ.

— Ну вотъ видите. Мы умствуемъ, а жизнь, можетъ быть, очень проста. Просто похожа на ту свалку, которая была сейчасъ возлѣ трапа. Куда эти дураки такъ спѣшили, давя другъ друга?

И собесѣдники немного помолчали. Потомъ снова заговорили.

— Сколько мы съ вами не видались? Двадцать три года? — спросилъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ.

— Да, почти такъ, — отвѣтилъ второй. — Осенью будетъ ровно двадцать три. Намъ съ вами это очень легко подсчитать. Почти четверть вѣка.

— Большой срокъ. Цѣлая жизнь. То-есть я хочу сказать, что обѣ наши жизни уже почти кончены.

— Да, да. И что-же? Развѣ намъ страшно, что кончены?

— Гмъ! Конечно, нѣтъ. Почти ничуть. Вѣдь это все враки, когда мы говоримъ себѣ, что страшно, то-есть когда мы стараемся пугаться, что вотъ, молъ, жизнь прожита и черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ придется ле-

жать въ могилѣ. А вѣдь подумайте: въ могилѣ. Не шуточная вещь.

— Совершенно вѣрно. И я даже гораздо больше скажу. Вы вѣдь знаете, вѣроятно, какъ я, что называется, знаменитъ въ медицинскомъ мѣрѣ?

— Кто-жъ этого не знаетъ! Конечно, знаю. А что вашъ покорный слуга тоже прославился, вамъ извѣстно?

— Ну, разумѣется. Можно сказать, вашъ поклонникъ.

— Да, да, двѣ знаменитости. — Ну, такъ что вы хотѣли сказать?

— А то, что, благодаря своей знаменитости, то-есть нѣкоторымъ знаніямъ, не Богъ вѣсть какой мудрости, но все таки довольно основательнымъ, я знаю почти безошибочно, что жить мнѣ осталось даже и не десять лѣтъ, а нѣсколько мѣсяцевъ. Ну, самое большое — годъ. У меня достовѣрно установленная и мною самимъ и сотоварищами по ремеслу смертельная болѣзнь. И увѣряю васъ, я все-таки живу почти какъ ни въ чемъ не бывало. Только саркастически усмѣхаюсь: хотѣлъ, изволите-ли видѣть, всѣхъ перещеголять въ знаніи всяческихъ причинъ смерти, чтобы славиться и великолѣпно жить, и на свою голову добился — великолѣпно узналъ свою собственную смерть. То бы меня дурачили, обманывали, — что вы, батенька, мы еще повоюемъ, чортъ возьми! — а тутъ какъ обманешь, какъ соврешь? Глупо и неловко. До того неловко, что даже пересаливаютъ въ откровенности, смѣшанной съ умиленіемъ и льстивостью: «Что-жъ, уважаемый коллега, не намъ съ вами хитрить... *Finita la comedia!*»

— Вы это серьезно? — спросилъ первый пассажиръ.

— Совершенно серьезно, — отвѣтилъ второй. — И вѣдь главное что? Какой-то тамъ Кай смертенъ, ergo умру и я, да вѣдь когда-то еще это будетъ! Но тутъ, къ сожалѣнію, дѣло совсѣмъ иное: не когда-то, а черезъ годъ. А

много-ли времени годъ? Будущимъ лѣтомъ вы вотъ такъ-же будете плыть куда-нибудь по синимъ волнамъ океана, а въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ, будутъ лежать мои благородныя кости. Ну, и что-же? Да то, что я почти ровно ничего не чувствую при мысли объ этомъ и, что хуже всего, вовсе не вслѣдствіе какого-то тамъ мужества, которое видятъ во мнѣ студенты, когда я расписываю имъ свою болѣзнь и ея теченіе, какъ нѣчто интересное съ клинической точки зрѣнія, а просто такъ, по какому-то идиотическому безчувствію. Да ничего не чувствуютъ и всѣ окружающіе меня, знающіе мою роковую тайну. И вотъ вы, напри-мѣръ, — развѣ вамъ страшно за меня?

— Страшно ли за васъ? Нѣтъ, сознаюсь, — въ сущности нисколько.

— И, конечно, ничуть не жаль меня.

— Нѣтъ, и не жаль. И при томъ вы, я думаю, нисколько не вѣрите въ тѣ блаженныя мѣста, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія, а только райскія яблоки?

— Ну, какая тамъ у насъ съ вами вѣра. . .

И опять оба помолчали. Потомъ вынули портсигары, закурили.

— И вѣдь замѣтите, — сказалъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ:—мы вѣдь съ вами ничуть не рисуемся, ничуть не играемъ сейчасъ ни другъ передъ другомъ, ни передъ воображаемымъ слушателемъ. Говоримъ мы, право-же, очень просто и безъ всякаго предумышленнаго цинизма, безъ всякаго ѣдкаго хвастовства, въ которомъ все-таки есть всегда нѣкая компенсация: вотъ, молъ, извольте взглянуть, въ какомъ мы положеніи — ни у кого такого нѣтъ. Мы и бесѣдуемъ просто и умолкаемъ безъ всякой значительности, безъ всякой стоической мудрости. Говоря вообще, болѣе сладострастнаго животнаго, чѣмъ человѣкъ, нѣтъ на землѣ, хитрая человѣческая ду-

ша изо всего умѣть извлекать самоуслажденіе. Но въ нашемъ съ вами случаѣ я даже и этого не вижу. И это тѣмъ болѣе любопытно, что вѣдь надо прибавить къ нашему, какъ вы выражаетесь, ідиотическому безчувствію еще всю особенность нашихъ съ вами отношеній. Мы вѣдь съ вами ужасно тѣсно связаны. То есть, точнѣе говоря, должны были бы быть связаны.

— Еще бы! — отвѣтилъ второй. — Какой ужасъ, въ сущности, причинилъ я вамъ. Воображаю, что вы пережили.

— Да, и даже гораздо больше, чѣмъ вы можете вообразить. И вообще-то это ужасно, весь тотъ кошмаръ, который переживаетъ мужчина, любовникъ, мужъ, у котораго отняли, отбили жену и который по цѣлымъ днямъ и ночамъ, почти непрерывно, ежеминутно корчится отъ мукъ самолюбія, страшныхъ ревнивыхъ представленій о томъ счастьѣ, которое испытываетъ его соперникъ, и отъ безнадежной, безысходной нѣжности, — вѣрнѣе, половой умиленности, — къ потерянной самкѣ, которую хочется въ одно и то же время и задушить съ самой лютой ненавистью и осыпать самыми унижительными знаками истинно собачьей покорности и преданности. Это вообще неслыханно ужасно. А вѣдь я къ тому-же не совсѣмъ обычный человѣкъ, особъ съ повышенной чувствительностью, съ повышеннымъ воображеніемъ. Вотъ тутъ и представьте, что я переживалъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ.

— Неужели годовъ?

— Увѣряю васъ, что не менѣе трехъ лѣтъ. Да и потомъ еще долго каждое воспоминаніе о васъ и о ней, о вашей съ ней близости, обжигало меня точно каленымъ желѣзомъ. Да оно и понятно. Ну, отбилъ человѣкъ, напри- мѣръ, невѣсту — это еще туда сюда. Но любовницу или, какъ въ нашемъ случаѣ, жену! Ту, съ которой ты, извините за прямоту, спалъ, всѣ особенности тѣла и души ко-

торой знаешь, какъ свои пять пальцевъ! Подумайте, какой тутъ просторъ ревнивому воображенію. Какъ перенести обладаніе ею другимъ? Все это просто выше человѣческихъ силъ. Изъ-за чего же я чуть не спился, изъ-за чего надорвалъ здоровье, волю? Изъ-за чего потерялъ пору самаго яркаго расцвѣта силъ, таланта? Вы меня, говоря безъ всякаго преувеличенія, просто пополамъ переломили. Я сросся, конечно, да что толку? Прежняго меня все равно уже не было, да и не могло быть. Вѣдь, въ какую святая святыхъ всего моего существованія вторглись вы! Царевичъ Гаутама, выбирая себѣ невѣсту и увидавъ Ясодхару, у которой «быль станъ богини и глаза лани весной», натворилъ, возбужденный ею, чортъ знаетъ чего въ состязаніи съ прочими юношами, — выстрѣлилъ, напримѣръ, изъ лука такъ, что было слышно на семь тысячъ миль, — а потомъ снялъ съ себя жемчужное ожерелье, обвиль имъ Ясодхару и сказалъ: «Потому я избралъ ее, что играли мы съ ней въ лѣсахъ въ давнопрошедшія времена, когда былъ я сыномъ охотника, а она дѣвой лѣсовъ: вспомнила ее душа моя!» На ней было въ тотъ день черно-золотое покрывало, и царевичъ взглянулъ и сказалъ: «Потому черно-золотое покрывало на ней, что мириады лѣтъ тому назадъ, когда я былъ охотникомъ, я видѣлъ ее въ лѣсахъ пантерой: вспомнила ее душа моя!» — Вы простите меня за всю эту поэзію, но въ ней огромная и страшная правда. Вы только вдумайтесь въ смыслъ этихъ поразительныхъ словъ на счетъ вспомнившей души и въ то, какой это ужасъ, когда эту священнѣйшую въ мірѣ встрѣчу нарушаетъ посторонній. Кто знаетъ— я, можетъ быть, тоже выстрѣлилъ бы такъ, что было бы слышно на тысячи миль. И вотъ, вдругъ явились вы. . .

— Ну и что же вы чувствуете ко мнѣ теперь? — спросилъ господинъ съ прямыми плечами. — Злобу, отвращеніе, жажду мести?

— Представьте себѣ: ровно ничего. Несмотря на всю вышеприведенную тираду, ровно ничего. Ужасъ, ужасъ. Вотъ тебѣ и «вспомнила душа моя!» Да вѣдь вы это хорошо знаете и сами, то-есть то, что я ничего не чувствую. Иначе бы не спросили.

— Вы правы. Знаю. И это тоже очень страшно.

— А намъ все таки нестрашно. Сплошной ужасъ: совсѣмъ не страшно.

— Да, въ сущности, ничуть. Говорятъ: прошлое, прошлое! А все вздоръ. Никакого прошлаго у людей, строго говоря, нѣтъ. Такъ только, слабый отзвукъ какой-то всего того, чѣмъ жилъ когда-то. . .

И собесѣдники еще разъ помолчали. Пароходъ дрожалъ, шель; мѣрно возникалъ и стихалъ мягкій шумъ сонной волны, проносившейся вдоль борта; быстро, однообразно крутилась за однообразно шумящей кормой бичева лага, что-то порою отмѣчавшаго тонкимъ и таинственнымъ звономъ: дзиинь. . . Потомъ пассажиръ съ прямыми плечами спросилъ:

— Ну, а скажите. . . Что вы чувствовали, когда узнали о ея смерти? Тоже ничего?

— Да, почти ничего, — отвѣтилъ пассажиръ подъ пледомъ. — Больше всего нѣкоторое удивленіе своему безчувствію. Развернулъ утромъ газету — слегка ударило въ глаза: волею Божіею, такая-то. . . Съ непривычки очень странно видѣть имя знакомаго, близкаго въ этой черной рамкѣ, на этомъ роковомъ мѣстѣ газеты, напечатанное торжественно, крупнымъ шрифтомъ. . . Затѣмъ постарался загрузить: да, моль, и это та самая, которая. . . Но —

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть

И равнодушно я внималъ ей. . .

Даже и грусти не вышло. Такъ только, слабая жалость

какая-то. . . А вѣдь это была та самая, которую «вспомнила душа моя», была моя первая и такая жестокая, многолѣтняя любовь. Я узналъ ее въ пору ея наивысшей прелести, невинности и той почти отроческой довѣрчивости и робости, которая потрясаетъ сердце мужчины несказанно, потому, можетъ быть, что во всякой женственности должна быть эта довѣрчивая беспомощность, что-то дѣтское, знакъ того, что дѣвушка, женщина всегда таитъ въ себѣ будущее дитя. И вѣдь это мнѣ первому, въ какомъ-то божественномъ блаженствѣ и ужасѣ, отдала она истинно все, что дароваль ей Богъ, и вѣдь это ея дѣвичье тѣло, то-есть самое прекрасное, что есть въ мірѣ, истинно миллионы разъ цѣловаль я въ такомъ изступленіи, равнаго которому не было во всей моей жизни. И вѣдь это изъ-за нея сходилъ я съ ума буквально день и ночь, цѣлые годы. Изъ-за нея плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, покушался на самоубійство, пилъ, загонялъ лихачей, въ ярости уничтожалъ лучшія, цѣннѣйшія, можетъ быть, работы. . . Но вотъ прошло двадцать лѣтъ — и я тупо смотрю на ея имя въ траурной рамкѣ, тупо представляю себѣ ее въ гробу. . . Представленіе непріятное, но и только. Увѣряю васъ, что только. Да и вы теперь, — теперь, конечно, — развѣ вы что-нибудь чувствуете?

— Я? Да нѣтъ, что-жъ скрывать? Конечно, почти ничего. . .

Пароходъ шель; съ шипѣніемъ возникала впереди волна за волной, съ плескомъ проносилась мимо, по бортамъ, однообразно шумѣла и кипѣла блѣдно-снѣжная дорога, тянувшаяся за кормой. Дуль сладкій вѣтеръ, звѣздный узоръ неподвижно стоялъ въ вышинѣ, надъ черной трубой, надъ снастями, надъ тонкимъ остриемъ передней мачты. . .

— Но знаете что? — внезапно сказалъ первый пассажиръ, какъ бы очнувшись: — знаете, что главное? Это

то, что я никакъ не могъ связать ее, умершую, съ той другой, о которой я вамъ только что говорилъ. Ну, никакъ. Совершенно никакъ. Та, другая, была совсѣмъ особо. И сказать, что я ровно ничего не чувствовалъ къ ней, къ той, другой, — совершенная ложь. Такъ что я не точно говорилъ. Совсѣмъ не то и не такъ.

Второй подумалъ.

— Ну и что же? — спросилъ онъ.

— А то, что почти весь нашъ разговоръ идетъ на смарку.

— Охъ, на смарку-ли? — сказала пассажиръ съ прямыми плечами. — Та, другая, какъ вы выражаетесь, есть просто вы, ваше представленіе, ваши чувства, ну, словомъ, что-то ваше. И значить, трогали, волновали вы себя только самимъ собой. Разберитесь-ка хорошенько.

— Вы думаете? — Не знаю. Можетъ быть... Да, можетъ быть...

— Да и долго-ли вы волновались и самимъ-то собой? Десять минутъ. Ну, полчаса. Ну, день, наконецъ.

— Да, да. Ужасно, но, кажется, вы правы. И гдѣ она теперь? Вотъ тамъ, въ этомъ прелестномъ небѣ?

— Одинъ Аллахъ вѣдаетъ, другъ мой. Скорѣе всего, что нигдѣ.

— Вы думаете? Да, да... Скорѣе всего, что такъ...

Равнина открытаго моря почти чернымъ кругомъ лежала подъ легкимъ и свѣтлымъ куполомъ ночного неба. И затерянный въ этой круглой чернѣющей равнинѣ, маленькій пароходъ тупо и неуклонно держалъ свой путь. И безъ конца тянулась за нимъ сонно кипящая, блѣдно-млечная дорога — туда, въ даль, гдѣ ночное небо сливалось съ моремъ, гдѣ горизонтъ, въ силу противоположности съ этой млечностью, казался темнымъ, печальнымъ, И кру-

тилась, крутилась бичева лага и печально и таинственно что-то отмѣчалъ, отсѣкалъ порою тонкій звонъ: дзи-инь...

Помолчавъ еще нѣкоторое время, собесѣдники негромко и просто сказали другъ другу:

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

18. VII. 23.

Приморскія Альпы.

ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ.

Бумажная лента медленно течетъ съ аппарата возлѣ мерзлаго окна станціонной комнаты — и буква за буквой читаетъ Ивлевъ полныя чудеснаго смысла слова:

— Иванъ Сергѣевичъ женится на Святкахъ на племянницѣ лошади высланы. . .

Телеграфистъ, черезъ плечо котораго онъ читаетъ, странно кричитъ, что это служебная тайна, что это псковская повѣсть Пушкина, но Ивлевъ видитъ себя уже въ дорогѣ, въ глухой Россіи, глубокой зимой.

Онъ видитъ, что вечерѣтъ, что къ вечеру морозить, что такой снѣжной зимы никто не запомнитъ со временъ Бориса Годунова. И то древнее, что связано съ Годуновымъ, даетъ этому зимнему русскому вечеру, снѣжнымъ полямъ и лѣсамъ нѣчто величавое и сумрачное, почти угрожающее. Но въ саняхъ, среди прочихъ московскихъ покупокъ къ свадьбѣ, къ празднику, лежатъ удивительныя шведскія лыжи, купленныя племянницей у Мюра. И это радуетъ, общаетъ что-то такое, отъ чего замираетъ сердце. И тройка идетъ увѣренно и шибко.

Сани ковровые, богатые. Кучеръ, въ шапкѣ подъ боберъ, въ свитѣ, подпоясанной ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ, стоитъ въ козлахъ. Въ задкѣ-жѣ сидятъ двѣ неподвижныя и толстыя отъ шубъ и шалей фигуры: крѣпкая

старуха и ея черноглазая, румяная племянница. Обѣ, какъ и все въ саняхъ, засыпаны нѣжной пылью. Обѣ пристально смотрятъ впередъ, на спину кучера, на скачущіе крупы пристяжныхъ, на мелькающія въ комьяхъ снѣга подковы.

Вотъ выбрались на шоссе, пристяжныя бѣгутъ легче, не натягивая постромокъ. И вдали уже видно жилье, деревня, стоятъ сосновые угрюмые лѣса, густые, обмороженные.

Неожиданно старуха говоритъ громкимъ и твердымъ голосомъ:

— Ну, вотъ, слава Богу, и дома. Не чаяла изъ вашей Москвы выбраться. А тутъ сразу двадцать лѣтъ съ плечъ долой, не нагляжусь, не нарадуюсь. Завтра-же дамъ знать Ивану Сергѣичу, не хочется мнѣ больше тянуть съ вашей свадьбой. Слышишь?

— Воля ваша, тетя, я на все согласна, — звонко отвѣчаетъ племянница съ притворнымъ веселымъ простодушіемъ.

А тройка шибко идетъ уже по шоссе черезъ деревню, надъ избами и сугробами которой темнѣютъ сосны, посѣрѣвшія съ морозу. А за деревней, совсѣмъ въ лѣсу, видна усадьба: большой снѣжный дворъ, большой и низкій деревянный домъ. Сумерки, глухо, огней еще не зажигали. И кучеръ, сдерживая лошадей, широкимъ полукругомъ подкатываетъ къ крыльцу.

Съ трудомъ, бѣля отъ снѣжной пыли, вылѣзаютъ изъ саней, поднимаются на ступеньки, входятъ въ просторную и теплую прихожую, уютно устланную попонами, почти совсѣмъ темную. Выбѣгаетъ изъ заднихъ горницъ суетливая старушонка въ шерстяныхъ чулкахъ, кланяется, радуется, помогаетъ раздѣваться. Раскутываютъ шали, освобождаются отъ пахучихъ снѣжныхъ шубъ. Племянница раздѣвается чѣмъ дальше, тѣмъ все живѣй и веселѣй,

неожиданно оказывается тонкой, гибкой, ловко присаживается на старинный ларь возлѣ окна и быстро снимаетъ городскіе сѣрые ботики, показывая ногу до колѣна, до кружева панталонъ, и выжидательно глядя черными глазами на тетку, раздѣвающуюся сильными движеніями, но медленно, съ тяжелымъ дыханіемъ.

И вдругъ происходитъ то самое, страшное приближеніе чего уже давно предчувствовалось: тетка роняетъ поднятыя руки, слабо и сладко вскрикиваетъ — и опускается, опускается на полъ. Старушонка подхватываетъ ее подъ мышки, но не осиливаетъ тяжести и дико кричить:

— Барышня!

А въ окно виденъ снѣжный дворъ, за нимъ, среди лѣса, блестящее снѣжное поле: изъ-за поля глядитъ, свѣтитъ низкій лысый мѣсяцъ. И нѣтъ уже ни старушонки, ни тетки, есть только эта картина въ окнѣ и темная прихожая, есть только радостный ужасъ этой темноты и отсутствія уже всякихъ преградъ между Ивлевымъ и той, что будто бы должна была быть невѣстой какого-то Ивана Сергѣевича, — есть одинъ дивный блескъ черныхъ глазъ, вдругъ вплотную приблизившихся къ нему, есть быстрая жуткая мысль, какъ снимала она на ларѣ калошку, и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ то самое блаженство, отъ котораго слабо и сладко вскрикнула тетка, опускаясь въ предсмертной истомѣ на полъ, и которое разрѣшается черезъ секунду потрясающимъ восторгомъ тѣлесной близости.

Весь слѣдующій день Ивлевъ полонъ неотступнымъ чувствомъ влюбленности къ той, что приснилась ему ночью. Ея образъ и тайна того, что произошло между нимъ и ею въ какой-то старинной деревенской усадьбѣ, стоитъ за всѣмъ, что онъ дѣлаетъ, думаетъ, го-

ворить, читаетъ. И влюбленность эта во сто кратъ острѣе даже всего того, что онъ когда-либо испытывалъ въ пору самой ранней молодости. И въ глубинѣ души онъ твердо знаетъ, что никакой разумъ никогда не убѣдитъ его, будто нѣтъ и не было въ мірѣ этой черноглазой племянницы и будто такъ и не узнаетъ она, какимъ мучительнымъ и счастливымъ воспоминаніемъ, — ихъ *общимъ* воспоминаніемъ, — одержимъ онъ весь день.

Страннѣе всего то, что и днемъ не оставляетъ его непонятная радость, что во всемъ этомъ играли какую-то роль и чудесныя шведскія лыжи, купленныя будто тоже къ свадьбѣ, и смутное воспоминаніе о временахъ Бориса Годунова, и что-то псковское.

12. VIII. 1923.

Приморскія Альпы.

ОГНЬ ПОЖИРАЮЩІЙ.

Эта была высокая красивая женщина съ яснымъ и живымъ умомъ, съ бодрымъ, дѣятельнымъ характеромъ, молодая, здоровая, всячески счастливая, всячески одаренная судьбой. Какъ памятенъ мнѣ ея по гречески убранные волосы, ея открытый и привѣтливый взглядъ, чистый и прекрасный звукъ голоса, породистая тонкость рукъ и ногъ, казавшихся особенно плѣнительными при ея крупномъ сложеніи, и даже ея любимая накидка изъ гранатоваго бархата, отороченная сободемъ! Съ какимъ удовольствіемъ входилъ я всегда во дворъ ея чудеснаго стариннаго особняка въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ! И вотъ какъ-то за чаемъ, на который она приглашала насъ каждую среду, среди оживленнаго и безпредметнаго разговора, кто-то почему-то вспомнилъ старика В., извѣстнаго собирателя фарфора, старомоднаго богача и ѣдкаго причудника, умершаго въ прошломъ году и завѣщавшаго себя сжечь, пожелавшаго, какъ онъ выразился, «быть тотчасъ же послѣ смерти ввергнутымъ въ печь огненную, въ огонь пожирающій, безъ всякой впрочемъ претензіи на роль Феникса». Народу въ гостиной было довольно много и почти всѣ при этомъ воспоминаніи возмущались. Непріятный былъ, въ сущности, человѣкъ и непріятное остроуміе! И дамы зябко содрогнулись въ своихъ мѣхахъ, мужчины съ усмѣшкой покачали головами. Хозяинъ сказалъ:

— Да, это очень чисто и скоро, этотъ огонь пожирающій, эта печь огненная, но все таки не желалъ бы я попасть въ нее. Ужъ очень жарко. Мнѣ даже и участь Феникса не кажется завидной.

Всѣ засмѣялись, кто-то со смѣхомъ прибавилъ:

— Такъ-же, какъ мнѣ участь тѣхъ трехъ отроковъ, что въ печи огненной пѣли хвалы Господу!

А еще кто-то подхватилъ:

— Тѣмъ болѣе, что вы уже далеко не въ отроческомъ возрастѣ. . .

И вдругъ хозяйка, возвысивъ голосъ, произнесла съ неожиданной отчетливостью:

— А я какъ нельзя болѣе понимаю В., хотя тоже не одобряю остроту въ его завѣщаніи, и пользуюсь случаемъ заявить при всѣхъ здѣсь присутствующихъ свою непреклонную посмертную волю, которая, какъ извѣстно, священна и неоспорима: послѣ моей смерти я тоже должна быть сожжена. Да, сожжена.

И настойчиво повторила, отстраняя попытки перевести разговоръ опять на шутки:

— Нѣтъ, я еще разъ и совершенно серьезно говорю, отлично понимая всю неумѣстность подобныхъ бесѣдъ въ гостиной: я этого требую, это должно быть исполнено во что бы то ни стало, не взирая ни на какіе могущіе быть протесты со стороны моихъ родныхъ и близкихъ. И прошу это запомнить, господа.

— Да что съ тобой? — сказалъ хозяинъ. — Изъ всей твоей рѣчи мнѣ понравилось только твое замѣчаніе на счетъ странности такой гостинной бесѣды. Какая муха тебя укусила?

— Никакая не муха, а просто я воспользовалась случаемъ, тѣмъ, что заговорили объ этомъ, — отвѣтила она. — Сколько уже разъ собиралась я завѣщать это письменно и все какъ-то забываю, откладываю. А мало ли

что можетъ быть? Представь себѣ, что я нынче внезапно умру, — что тутъ невѣроятнаго?

И уже сама перевела разговоръ на что-то другое.

А ровно черезъ недѣлю послѣ этого мы всѣ были поражены совершенно дикой вѣстью: ея не стало, она умерла, даже не успѣвъ крикнуть, передъ самымъ выѣздомъ въ театръ: уже шла по вестибюлю къ выходу и вдругъ со странной улыбкой схватилась за руку сопровождавшаго ее лакея — и тотъ едва успѣлъ поддержать ее. Я узналъ это отъ знакомаго на улицѣ и почему-то съ необыкновенной поспѣшностью пошелъ домой, простясь съ нимъ. Мнѣ показалось, что тотчасъ-же надо сдѣлать что-то рѣшительное, кого-то поскорѣе оповѣстить объ этой потрясающей нелѣпости, вообще чѣмъ-то рѣзко проявить себя. Но дома моей изобрѣтательности хватило только на то, чтобы торопливо набить трубку, торопливо закурить, сѣсть въ кресло. . . Была весна, конецъ марта, міръ и Парижъ празднично сіяли, кипѣли жизнью. У насъ въ Нейи цвѣли и зеленѣли сады. По потолку надо мной топали, бѣгали дѣти, кто-то все начиналъ на піанино модный танецъ. Въ открытое окно входила весенняя свѣжесть и глядѣла верхушка стараго чернаго дерева, широко раскинувшаго узоръ своей мелкой изумрудно-яркой зелени, особенно прелестной въ силу противоположности съ черной сѣтью сучьевъ. Тамъ, за окномъ, сыпали веселымъ трескомъ воробьи, поминутно заливалась сладкими трелями какая-то птичка, а наверху топали и играли, и все это сливалось съ непрерывнымъ смутнымъ шумомъ города, съ дальнимъ гуломъ трамваевъ, съ рожками автомобилей, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ такъ беззаботно при всей своей озабоченности жилъ Парижъ, совершенно безучастный къ случившемуся въ одномъ изъ его безчисленныхъ жилищъ, гдѣ-то тамъ, въ улицѣ Св. Доминика. И мысль, что ея, этого прелестнаго сильнаго, молодого существа уже нѣтъ въ этомъ шумномъ и радост-

номъ весеннемъ мірѣ, казалась мнѣ порою настолько чудовищной, что я впадалъ въ какой-то столбнякъ изумленія.

А на другой день, въ третьемъ часу, автомобиль мчалъ меня черезъ весь городъ уже на кладбище Пэръ-Ляшезъ: волю покойной не рѣшили нарушить, тѣло ея сжигали. И я ѣхалъ и думалъ все то-же: о, какая изумительная случайность! Точно самъ злой духъ внезапно шепнулъ ей тогда, что минуты ея сочтены. И нужно же было кому-то ни съ того ни съ сего вспомнить этого стараго циника, захотѣвшаго и послѣ смерти поиздѣваться надъ людской робостью! А она? Почему вдругъ пришло ей въ голову взять съ него его ужасный примѣръ? Почему сорвалось это у нея съ языка? И какъ представить себѣ, какъ повѣрить въ то, что черезъ какой-нибудь часъ ея случайное и ужасное завѣщаніе все таки осуществится и не останется ровно ничего даже отъ ея тѣла? И я не представлялъ, не вѣрилъ, я смотрѣлъ по сторонамъ, и меня быстро уносило впередъ навстрѣчу весеннему вѣтру и солнцу. Но, смотря, я опять чувствовалъ, опять думалъ: да, вотъ весенній вѣтеръ навстрѣчу, а ея уже нѣтъ! Вотъ впереди солнечный блескъ и Сена, а она этого уже не видитъ и не увидитъ никогда! Вотъ я съ какой-то кощунственно-веселой быстротой мчусь по ея родному и любимому городу и втайнѣ все-таки наслаждаюсь, а она изъ этого города да и вообще изъ всего нашего міра уже исчезла! А потомъ я вдругъ вспоминалъ, что тамъ нельзя будетъ курить, и поспѣшно вынималъ портсигаръ и поспѣшно закуривалъ и опять думалъ свои путанныя думы, странно согласованныя съ быстрымъ бѣгомъ автомобиля и мельканіемъ праздничнаго, солнечнаго, люднаго Парижа.

И вотъ этотъ бѣгъ кончился, — я приѣхалъ. Предо мной были ворота и стѣны другого города, поднятаго на возвышенность, какъ бы нѣкая крѣпость, ярко и мертво глядящая изъ-за стѣнъ цѣлыми полчищами мраморныхъ

и желѣзныхъ крестовъ, мавзолеевъ, часовень, статуй, ангеловъ, геніевъ. И я машинально вышелъ изъ экипажа и вошелъ въ эти роковыя ворота. Подѣхали мы не съ той стороны, съ какой было нужно, — я въ разсѣянности сказалъ шоферу только названіе кладбища, — и пришлось пересѣчь кладбище изъ конца въ конецъ, пройти многочисленныя проспекты и аллеи, цѣлыя бульвары и улицы. И мысли мои опять спасительно отвлеклись на нѣкоторое время отъ ужасной цѣли моей поѣздки. Я шель и смотрѣлъ: какая музейная чистота въ этомъ городѣ, какой порядокъ! И что за день, что за красота! Сколько ослѣпительной бѣлизны, во всяческихъ видахъ сверкающей въ небесной сини, среди еще сквозной черноты деревьевъ, осыпанной изумрудными мушками! Сколько пышныхъ живыхъ цвѣтовъ на куртинахъ, у подножія крестовъ и бюстовъ, на мраморныхъ и гранитныхъ плитахъ и у входа склеповъ! И какимъ-то особымъ родомъ людей кажутся здѣсь всѣ встрѣчныя, всѣ эти мужчины и женщины, то стоящіе у могилъ съ поникшими головами, то просто мирно гуляющіе. Всѣ сдержанны, всѣ какъ-то по иному, чѣмъ въ будничной жизни, скромны и просты, какъ-то иначе раскланиваются съ знакомыми. . . Это городъ великой печали и великаго отчаянія, — подумать только, какіе милліоны уже легли здѣсь и еще лягутъ! Но удивительно, — какая-то благодатная, душу умиротворяющая радость все таки витаетъ здѣсь надо всѣмъ. Радость чего? Весны, неба, первой зелени, мрамора? Вѣчной молодости міра, вѣчно воскресающей жизни? Или же и впрямь той жизни небесной, въ которую сердце невольно и наивно вѣрять и жаждетъ вѣрять здѣсь?

И вдругъ я поднялъ глаза и все точно оборвалось во мнѣ: на широкой площади, внезапно открывшейся передо мной, высилось нѣчто въ родѣ храма или, вѣрнѣе, капища съ совершенно круглымъ куполомъ, двѣ высокихъ за-

водскихъ трубы, — именно заводскихъ, голыхъ, кирпичныхъ, — поднимались въ небо по сторонамъ этого купола—и изъ одной черными клубами валилъ дымъ. Уже! Я опоздалъ, ее уже жгли! Это изъ той адской подземной печи, куда уже вдвинули гробъ съ ея тѣломъ, валилъ этотъ страшный, молчаливый дымъ, такой особенный, такой не похожій ни на одинъ дымъ въ мѣрѣ!

Странно, — меня, кажется, больше всего поразила именно грубая молчаливость, неторопливая, спокойная безпощадность, съ которой валилъ дымъ. И такое-же глубокое молчаніе царило внутри того зданія, которое я назвалъ капищемъ. Какъ окаменѣлые, сидѣли мы въ полукруглой залѣ этого зданія, на длинныхъ деревянныхъ скамьяхъ. Народу было мало — у однихъ не хватило духу присутствовать при такомъ необычномъ и жуткомъ обрядѣ, другіе были до глубины души возмущены покойной, можетъ быть, и нечаянно, невольной, но все-же дерзко поправшей уставы того общества, къ которому она принадлежала по своему древнему и благочестивому роду. На передней скамьѣ сидѣли мужъ и нѣсколько самыхъ близкихъ родныхъ — мужчины всѣ въ черномъ и съ креповыми цилиндрами на колѣняхъ, женщины въ глубокомъ траурѣ. Мы, просто знакомые, несмѣло помѣстились на скамьѣ задней. И спины всѣхъ сидящихъ передъ нами были согнуты, какъ бы подавлены той невыразимой тишиной, въ которой длилось наше ожиданіе ужасныхъ итоговъ этой ужаснѣйшей въ мѣрѣ церемоніи. Церемонія совершалась гдѣ-то тамъ, за траурнымъ занавѣсомъ, который висѣлъ въ глубинѣ залы, закрывая нѣчто вродѣ театральной сцены. И зачѣмъ-то между его сдвинутыми черными полотнищами торчало бутофорское подобіе золоченаго гроба. А на мраморныхъ колоннахъ по сторонамъ этихъ полотнищъ пучили глаза изваянныя совы. Кромѣ траурнаго занавѣса, гроба и совъ ничто иное не обозначало зловѣщаго

назначенія этой пустой залы съ окнами чуть не во всю стѣну. Помню, — окна справа были сверху до низу залиты золотымъ солнечнымъ свѣтомъ. И мертвая тишина, въ которой мы сидѣли и ждали, казалась отъ этого свѣта еще болѣе гнетущей.

Сколько времени мы сидѣли? По крайней мѣрѣ часъ, которому, казалось, конца не будетъ. И что это такое было то, гдѣ сидѣли мы? Капище, храмъ, театръ? Нѣчто вродѣ присутственнаго мѣста или какого-то верховнаго судилища, гдѣ совершается что-то самое послѣднее и самое жестокое надъ человѣкомъ? Какая-то особенно важная научная лабораторія или какой-то адскій притонъ? Мы не знали, что это такое, мы покорно сидѣли, затаивъ дыханіе, не рѣшаясь шевельнуться. Бога здѣсь не было и существованіе и символы Его здѣсь отрицались. Сова пучила слѣпыя глаза только съ бессмысленнымъ удивленіемъ, трауръ занавѣса говорилъ только о смерти. А я сидѣлъ и мысленно видѣлъ этотъ густой черный дымъ, медленно валившій изъ трубы въ небо надъ нами, и въ небѣ мнѣ все таки грезился Нѣкто безмѣрный, широко простершій длани и молчаливо приѣмлющій и обоняющій жертву, приносимую ему. И такъ прошло двадцать, тридцать, сорокъ минутъ. . . Зачѣмъ-то заглядываль во входную дверь какой-то сутулый старикъ въ траурной ливреѣ, очень серьезно осматриваль насъ и опять осторожно притворяль дверь. . . Потомъ дверь снова распахнулась, и быстро, но тихо вошелъ щеголеватый молодой человѣкъ въ траурномъ галстукѣ бантикомъ, быстро, но на цыпочкахъ прошелъ черезъ залу, легонько вбѣжалъ по ступенькамъ къ занавѣсу и, раздвинувъ его черныя полотнища, скрылся за ними. . . И опять мы сидѣли и, не шевелясь, ждали, ждали. . . Гдѣ ее жгли? Тамъ, за занавѣсомъ, но, конечно, гдѣ-то далеко, вѣрнѣе, гдѣ-то въ глубокомъ подземельѣ, гдѣ слѣпила и полыхала съ нево-

образимой силой и яростью истинно геена огненная. Эта геена, этот огонь пожирающий долженъ дѣйствовать съ быстротой всесокрушающей. Но почему-же все это длится такъ нестерпимо долго? — И вдругъ за занавѣсомъ послышались громкіе, какъ бы наконецъ все разрѣшающіе шаги, занавѣсъ раздвинулся — и молодой человѣкъ, появившійся на сценѣ, молча сдѣлалъ намъ широкой пригласительный жестъ.

Зачѣмъ я пошелъ! Боже, зачѣмъ! А я все таки пошелъ. Мгновенно все во мнѣ крѣпко подтянулось, и я быстро и мужественно всталъ, прошелъ между скамьями, поднялся на сцену и, слѣдуя за другими, повернулъ въ дверь налѣво, въ какую-то большую комнату съ голыми стѣнами и безъ оконъ, освѣщенную откуда-то электричествомъ. Въ глубинѣ ея былъ какой-то желѣзный кубъ съ дверцами, теперь широко открытыми. Изъ внутренности этого куба, — онъ былъ бездонный, — тянулись въ комнату двѣ рельсы. И по этимъ рельсамъ два сторожа въ траурныхъ мундирахъ, два приземистыхъ человѣка изъ той отпѣтой породы, что опредѣляютъ себя на мрачное и низкое существованіе при моргахъ и анатомическихъ театрахъ, тащили желѣзными крюками какъ бы крышку стола, прямоугольникъ изъ азбеста, насквозь розовый, насквозь свѣтящійся, раскаленный почти до прозрачности. И тѣ прозрачно-розовые, индѣ горячіе ярко-синимъ огонькомъ известковые бугры и возвышенности, что были на этомъ прямоугольникѣ, это и были скудные останки нашего друга, всего ея божественнаго тѣла, еще позавчера жившаго всей полнотой и силой жизни. Больше ничего! Чувствуя на лицахъ и рукахъ палящій зной отъ этой адской сковороды, мы стояли и тупо глядѣли. Асбестъ рдѣлъ, змѣился лазурными огоньками. . . Потомъ сталь медленно блѣднѣть, блекнуть, пріобрѣтать свѣтло-песочный цвѣтъ. . . И тогда я среди его неровностей различилъ

то, что осталось отъ головы, отъ наиболѣе крупныхъ костей, отъ таза. . . и еще разъ весь содрогнулся отъ грубости и жестокости всего этого дѣла и, главное, отъ кошунственного безстыдства, съ которымъ мнѣ показали что-то такое, чего никому въ мѣрѣ не должно видѣть. . .

А затѣмъ все было кончено въ пять минутъ: быстро соскребли желѣзными лопаточками эти неровности, кое-что похватали щипцами вродѣ каминныхъ, побросали все собранное въ мраморный ящичекъ, замазали его плоскую крышку цементомъ и, положивъ на небольшія носилки и прикрывъ траурнымъ покрываломъ, быстро понесли вонъ. Мы, съ опущенными и обнаженными головами, послѣдовали за носилками, видѣли, какъ быстро вдвинули мраморный ящичекъ въ нишу въ той высокой стѣнѣ, которая съ трехъ сторонъ окружаетъ крематорій, какъ затѣмъ эту нишу замуровали, запечатали. . . Несчастный мужъ смотрѣлъ на всю эту работу съ необыкновенной пристальностью. Потомъ, рѣзко поблѣднѣвъ и принявъ театрално-торжественный видъ, отступилъ въ сторону для пріема того послѣдняго рукопожатія, которое онъ, по французскому обычаю, долженъ былъ принять поочередно ото всѣхъ своихъ друзей. И быстро и молча исполнивъ этотъ обычай, мы тотчасъ же простились и другъ съ другомъ и почти разбѣжались въ разныя стороны, разлетѣлись по разнымъ направлѣніямъ въ вечерѣющій, залитый уже зеленовато-золотистымъ солнцемъ океанъ Парижа. . .

Мой шоферъ, человѣкъ грузный и короткорукій, былъ пьянъ, его лицо было густо налито лиловой кровью. И теперь онъ мчался уже совсѣмъ бѣшено, и его автомобиль поминутно ревѣлъ на бѣгу съ какой-то свирѣпой наглостью и угрозой, съ животной безпощадностью.

Приморскія Альпы.

1. X. 1923.

НЕСРОЧНАЯ ВЕСНА.

... А еще, другъ мой, произошло въ моей жизни цѣлое событіе: въ іюнѣ я ѣздилъ въ деревню, въ провинцію (къ одному изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, котораго ты не знаешь). Я, конечно, еще помню, что когда-то подобныя поѣздки никакъ не могли считаться событіями. Полагаю, что не считаются онѣ таковыми у васъ въ Европѣ и по сію пору. Да мало-ли что было у насъ когда-то и что въ Европѣ еще есть! Двѣсти, триста верстъ у насъ не шутка. Разстоянія въ Россіи, опять превратившейся въ Московщину, опять стали огромными. Да и не часто путешествуютъ нынѣшніе московскіе людишки. Конечно, теперь у насъ всяческихъ вольностей хоть отбавляй. Но не забудь, что всѣ эти вольности, до которыхъ мы и дожить не чаяли, начались еще слишкомъ недавно.

Словомъ, случилось нѣчто необычное, много лѣтъ мною не испытанное: въ одинъ прекрасный день я взялъ извозчика и отправился на вокзалъ. Ты какъ-то мнѣ писалъ, что теперешняя Москва представляется тебѣ даже внѣшне «нестерпимой». Да, она очень противна. И ѣдучи на вокзалъ на извозчикѣ, вродѣ тѣхъ, что бывали прежде только въ самыхъ глухихъ захолустяхъ и брали за конецъ не милліардъ, а двугривенный, я, возбужденный необычностью своего положенія, ролью путешественника, чувствовалъ

это особенно живо. Какое азіатское многолюдство! Сколько торговли уличной, съ лотковъ, на всяческихъ толкучкахъ и «пупкахъ», выражаясь тѣмъ подлымъ языкомъ, который все болѣе входитъ у насъ въ моду! Сколько погибшихъ домовъ! Какъ ухабисты мостовыя и разрослись уцѣлѣвшія деревья! На площадяхъ передъ вокзалами тоже «пупки», вѣчная купля и продажа, сбродъ самой низкой черни, барышниковъ, воровъ, уличныхъ дѣвокъ, продавцовъ всяческой съѣстной дряни. На вокзалахъ опять есть и буфеты и залы разныхъ классовъ, но все это еще и до сихъ поръ сараи, загаженные совершенно безнадежно. И народу всегда — не протолпишься: поѣзда рѣдки, получить билетъ изъ-за безпорядка и всяческихъ волокитъ дѣло очень трудное, а попасть въ вагонъ, тоже, конечно, захолустный, съ рыжими отъ ржавчины колесами, настоящей подвигъ. Многіе забираются на вокзалъ накануне отъѣзда, съ вечера.

Я пріѣхалъ за два часа до поѣзда и чуть было не заплатился за свою смѣлость, чуть было не остался безъ билета. Однако кое-какъ (то есть, конечно, за взятку) дѣло устроилось, и я и билетъ получилъ и въ вагонъ попалъ и даже усѣлся на лавкѣ, а не на полу. И вотъ поѣздъ тронулся, и осталась Москва позади и пошли давнымъ давно невидѣнные мною поля, лѣса, деревни, гдѣ, какъ и въ Москвѣ, начались опять глубочайшія будни послѣ того разгульнаго праздничка, которымъ потѣшила себя Русь за такую баснословную цѣну. И вскорѣ стали заводить глаза, заваливать головы назадъ и храпѣть съ открытымъ ртомъ почти всѣ, набившіеся въ вагонъ. Напротивъ меня сидѣлъ русый мужикъ, большой, самоувѣренный. Сперва онъ курилъ и все плевалъ на полъ, со скрипомъ растирая носкомъ сапога. Потомъ досталъ изъ кармана поддевки бутылку съ молокомъ и сталъ пить затыжными глотками, отрываясь только затѣмъ, чтобы не задохнуться. А допивъ, тоже

откинулся назадъ, привалился къ стѣнѣ и тоже захрапѣлъ, и меня буквально стало сводить съ ума зловоніе, поплывшее отъ него. И, не выдержавъ, я бросилъ мѣсто и ушелъ стоять въ сѣни. А въ сѣняхъ оказался знакомый, котораго я не видѣлъ уже года четыре: стоитъ, качается отъ качки вагона извѣстный Б., бывший профессоръ, бывший богатый человѣкъ. Едва узналъ его: совсѣмъ старикъ и что-то вродѣ странника по святымъ мѣстамъ. Обувь, пальтишко, шляпа — нѣчто ужасное, даже хуже всего того, въ чемъ я хожу. Не брить сто лѣтъ, сѣрые волосы лежатъ по плечамъ, въ рукѣ дерюжный мѣшокъ, на полу у ногъ другой. «Возвращаюсь, говоритъ, домой, въ деревню; тамъ мнѣ дали надѣлъ при моемъ бывшемъ имѣніи, и я, знаете, живу теперь такъ же, какъ тотъ опростившійся москвичъ, къ которому вы ѣдете, то есть кормлюсь трудами рукъ своихъ; свободное время посвящаю, однако, прежнему — своему большому историческому труду, который, думаю, можетъ создать эпоху въ наукѣ...» Солнце серебрянымъ дискомъ несло уже низко за стволами, за лѣсомъ. И черезъ полчаса создатель эпохи сошелъ на своемъ глухомъ полустанкѣ — и заковылялъ, заковылялъ со своими мѣшками по зеленой березовой просѣкѣ, по холодку вечерней зари.

А я пріѣхалъ, куда мнѣ было нужно, уже совсѣмъ въ сумерки, въ одиннадцатомъ часу. И такъ какъ поѣздъ опоздалъ, то мужикъ, выѣзжавшій за мной, подождаль, подождаль да и отправился во-свояси, и я попалъ въ самое нелѣпое положеніе. Что дѣлать? Ночевать на станціи? Но станцію на ночь запираютъ, да если бы и не запирали, дивановъ, скамеекъ въ ней нѣтъ, — «теперь, братъ, господь нѣту!» — ночевать же на полу даже и совѣтскимъ подданнымъ не всегда пріятно. Нанять въ поселкѣ возлѣ станціи какого-нибудь другого мужика? Но это теперь стало дѣломъ почти невозможнымъ. У дверей вокзала си-

дѣль мужикъ, пришедшій къ ночному поѣзду на Москву, печальный и безучастный. Поговорилъ съ нимъ. Онъ только рукой махнулъ. «Кто теперь поѣдетъ! Лошадь рѣдкость, вся снасть сбита. . . Станъ колесъ — два миллиарда, выговорить страшно. . .» Я спросилъ: а если пѣшкомъ? — «А вамъ далеко?» — Туда-то. — «Ну, это верстъ двадцать, не болѣ. . . Дойдете». — Да вѣдь, говорю, по лѣсу да еще пѣшкомъ? — «Что-жъ что по лѣсу. . . Дойдете. . .» Но тутъ-же рассказалъ, какъ весной два какихъ-то «человѣчкя» наняли такъ-то «мужичкя» въ ихнемъ селѣ да и пропали вмѣстѣ съ нимъ: «Ни ихъ, ни его, ни лошади, ни снасти. . . Такъ и неизвѣстно, кто кого растерзалъ — они его или онъ ихъ. . . Нѣтъ, теперь не прежняя время!»

Разумѣется, послѣ такого разсказа у меня пропала уже всякая охота пытаться ѣхать ночью. Рѣшилъ дожидаться утра и просить ночлега въ трактирахъ возлѣ станціи, — «ихъ тутъ цѣлыхъ два», сказалъ мужикъ. Но оказалось невозможнымъ ночевать и въ трактирахъ, — не пустили. «Вотъ чайку, если угодно, пожалуйста, — сказали въ одномъ. — Чай мы подаваемъ. . .» Долго пилъ чай, то есть какую-то тошнотворную распаренную травку, въ еле освѣщенной горницѣ. Потомъ говорю: «Позвольте хоть на крыльцѣ досидѣть до утра». — «Да на крыльцѣ вамъ будетъ неудобно. . .» — «Все удобнѣе, чѣмъ на дорогѣ». — «А вы безоружный?» — «Обыщите, сдѣлайте милость!» — И вывернулъ всѣ карманы, разстегнулся. — «Ну, какъ хотите, на крыльцѣ пожалуй можно, а то и правда, въ избу васъ никуда не пустятъ, да ужъ и спать всѣ...» И я вышелъ и сѣлъ на крыльцѣ, и скоро огонь въ трактирѣ погасъ, — въ сосѣднемъ давно было темно, — и наступила ночь, сонъ, тишина. . . Ахъ, какъ долга была эта ночь! На небѣ вдали, за чернѣющимъ лѣсомъ, закатывался замазанный лунный серпъ. Потомъ и онъ скрылся, стала на томъ мѣстѣ поблескивать зарница. . . Я сидѣлъ,

шагалъ передъ крыльцомъ по смутной бѣлѣющей дорогѣ, опять сидѣлъ, курилъ на пустой желудокъ махорку... Во второмъ часу по дорогѣ послышался переливъ колесныхъ спицъ, толканье ступокъ на осяхъ — и немного погодя къ сосѣднему трактиру кто-то подѣхалъ, остановился, сталъ стучать въ окно какимъ-то воровскимъ, условнымъ стукомъ. Изъ сѣней сперва выглянулъ, потомъ осторожно вышелъ хозяинъ, босой лохматый старикъ, тотъ самый, что вечеромъ отказалъ мнѣ въ ночлегъ съ удивительно злобной грубостью, — и началось что-то таинственное: безконечное тасканье изъ сѣней чего-то вродѣ овчинъ и укладыванье ихъ въ телѣгу приѣзжаго, и все это при блескѣ зарницъ, которыя все ярче озарили лѣсъ, избы, дорогу. Дуль уже свѣжій вѣтеръ и вдали угрожающе постукивалъ громъ. А я сидѣлъ и любовался. Помнишь ночныя грозы въ Васильевскомъ? Помнишь, какъ боялся ихъ весь нашъ домъ? Представь, я теперь лишился этого страха. И въ ту ночь на крыльцѣ трактира я только восхищался этой сухой, ничѣмъ не разрѣшившейся грозой. Подъ конецъ я однако ужасно усталъ отъ своего бдѣнія. Да и духомъ палъ: какъ идти двадцать верстъ послѣ безсонной ночи?

Но на разсвѣтѣ, когда тучки за лѣсомъ стали блѣднѣть, рѣдѣть и все вокругъ стало принимать дневной, будничной видъ, мнѣ неожиданно посчастливилось. Мимо трактира пронеслась на станцію коляска, — привезла къ поѣзду въ Москву комиссара, управляющаго бывшимъ имѣніемъ князей Д., находящимся какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и нужно мнѣ было быть. Это мнѣ сказала проснувшаяся и выглянувшая изъ окна хозяйка трактира, и, когда кучеръ выѣхалъ со станціи обратно, я кинулся къ нему навстрѣчу, и онъ даже съ какой-то странной поспѣшностью согласился подвезти меня. Человѣкъ оказался очаровательный, — дѣтски наивный гигантъ, всю

дорогу говорившій о самыхъ ужасныхъ вещахъ почему-то съ радостнымъ изумленіемъ. Всю дорогу повторялъ: «Глаза бы не глядѣли! Слезы!» Межь тѣмъ всходило солнце, и сѣдловатый, широкозадый, шальной и оглохшій отъ старости бѣлый жеребецъ быстро и легко мчалъ по лѣснымъ дорогамъ коляску, тоже старую, но чудесную, покойную, какъ люлька. . . Давно, другъ мой, не ѣздиль я въ коляскахъ!

Знакомый, у котораго я прогостилъ нѣсколько дней въ этихъ лѣсахъ, человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень любопытный, — самоучка, полуобразованный, всегда жилъ раньше въ Москвѣ, но въ прошломъ году бросилъ ее и вернулся на родину, въ свое наслѣдственное крестьянское помѣстье. Онъ страстно ненавидитъ новую Москву и не разъ настаивалъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему отдохнуть отъ этой Москвы, расписывалъ красоты своихъ мѣстъ. И точно, мѣста удивительныя. Представь себѣ: зажиточный поселокъ, мирный, благообразный, вообще такой, какъ будто никогда не было не только всего того, что было, но даже отмѣны крѣпостного права, нашествія французовъ; а кругомъ — заповѣдныя лѣса, глушь и тишина неописуемая. Преобладаетъ боръ, мрачный, гулкій. И по вечерамъ въ его глубинѣ мнѣ чувствовалась не то что старина, древность, а прямо вѣчность. Зари только ключья: только кое-гдѣ краснѣетъ изъ-за вершинъ медленно угасающій закатъ. Бальзамическое тепло нагрѣтой за день хвои мѣшается съ острой свѣжестью болотистыхъ низинъ, узкой и глубокой рѣки, потаенныя извины которой вечеромъ холодно дымятся. Птиць не слышно, — мертвое безмолвіе, только играютъ козодои: одинъ и тотъ же безконечный звукъ, подобный звуку веретена. А какъ совсѣмъ стемнѣетъ и выступаютъ надъ боромъ звѣзды, всюду начинаютъ орать хриплыми, блаженно-мучительными голосами филины, и въ голосахъ

этихъ есть что-то недосозданное, довременное, гдѣ любовный зовъ, жуткое предвкушеніе соитія звучить и хохотомъ и рыданіемъ, ужасомъ какой-то бездны, гибели. И вотъ, по вечерамъ я бродилъ въ бору подъ ворожбу козодоевъ, по ночамъ слушалъ, сидя на крылечкѣ, филиновъ, а дни посвящалъ зачарованному міру бывшей княжеской усадьбы, — истинно бывшей, потому что изъ ея владѣтелей не осталось въ живыхъ ни единого. . . Она несказанно прекрасна.

Дни стояли солнечные, жаркіе. И по пути въ усадьбу я шелъ то въ тѣни, то по солнцу, по песчаной дорогѣ, среди душно и сладко благоухающей хвои, потомъ вдоль рѣки, по прибрежнымъ зарослямъ, выпугивая зимородковъ и глядя то на открытые затоны, сплошь покрытые бѣлыми кувшинками и усѣянные стрекозами, то на тѣнистые стремнины, гдѣ вода была прозрачна, какъ слеза, хотя и казалась черной, и мелькали серебромъ мелкія рыбки, пучили глаза какія-то темно-зеленыя тупыя морды. . . А затѣмъ я переходилъ старинный каменный мостъ и подымался къ усадьбѣ.

Она осталась, по счастливой случайности, нетронутой, неразграбленной и въ ней есть все, что обыкновенно бывало въ подобныхъ усадьбахъ. Есть церковь, построенная знаменитымъ итальянцемъ, есть нѣсколько чудесныхъ прудовъ; есть озеро называемое Лебединымъ, а на озерѣ островъ съ павильономъ, гдѣ не однажды бывали пиры въ честь Екатерины, посѣщавшей усадьбу; дальше-же стоятъ мрачныя ущелья елей и сосенъ, такихъ огромныхъ, что шапка ломится при взглядѣ на ихъ верхушки, отягощенные гнѣздами коршуновъ, цаплей и еще какихъ-то большихъ черныхъ птицъ съ траурнымъ вѣромъ на головкахъ. Домъ, или, вѣрнѣе, дворецъ строенъ тѣмъ-же итальянцемъ, который строилъ церковь. И вотъ я входилъ въ огромныя каменные ворота, на которыхъ

лежать два презрительно-дремотныхъ льва и уже густо растеть что-то дикое, настоящая трава забвенія, и чаще всего направлялся прямо во дворець, въ вестибюль котораго весь день сидѣль въ старинномъ атласномъ креслѣ, съ короткой винтовкой на колѣняхъ, однорукой китаецъ, такъ какъ дворець есть, видите-ли, теперь музей, «народное достояніе» и долженъ быть подъ стражей. Ни единая не китайская душа, конечно, ни за что бы не выдержала этого идиотскаго сидѣнья въ совершенно пустомъ домѣ, — въ немъ, въ этомъ сидѣннѣ, было даже что-то жуткое. Но однорукой, коротконогой болванъ съ желтодеревяннымъ ликомъ сидѣль спокойно, курилъ махорку, равнодушно ныль порою что-то бабье, жалостное, и равнодушно смотрѣль, какъ я проходилъ мимо.

— Вы его, баринъ, не бойтесь, — сказалъ мнѣ про него кучеръ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ о собакахъ, — я ему скажу про васъ, онъ васъ не тронетъ.

И точно, китаецъ меня не трогаль. Если-бы ему приказали заколоть меня, онъ, разумѣется, закололъ бы, не моргнувъ бровью. Но такъ какъ колоть меня было не надо, то онъ только сонно косился на меня, и я могъ свободно проводить цѣлые часы въ покояхъ дворца какъ дома. И я безъ конца бродилъ по нимъ, безъ конца смотрѣль, думаль свои думы. . . Потолки блистали золоченой вязью, золочеными гербами, латинскими изрѣченіями. (Если бъ ты зналъ, какъ мой взглядъ отвыкъ не только отъ прекрасныхъ вещей, но даже просто отъ чистоты!). Въ лаковыхъ полахъ отсвѣчивала драгоцѣнная мебель. Въ одномъ покоѣ высилась кровать изъ какого-то темнаго дерева, подъ балдахиномъ изъ краснаго атласа, и стоялъ венеціанскій сундукъ, открывавшійся съ таинственной сладкогласной музыкой. Въ другомъ весь простѣнокъ занимали часы съ колоколами, въ третьемъ — средневѣковый органъ. И всюду глядѣли на меня бюсты,

статуи и портреты, портреты. Боже, какой красоты на нихъ женщины! Какіе красавцы въ мундирахъ, въ камзолахъ, въ парикахъ, въ брилліантахъ, съ яркими лазоревыми глазами! И ярче и величавѣе всѣхъ Екатерина. Съ какой благостной веселостью красуется, царить она въ этомъ роскошномъ кругу! А въ одномъ кабинетѣ лежитъ на небольшомъ письменномъ столѣ и странно поражаетъ взглядъ коричневое бревно съ золотой пластинкой, на которой выгравировано, что это — частица флагманскаго корабля «Св. Евстафій», погибшаго въ битвѣ при Чесмѣ «во славу и честь Державы Россійскія». . . Да, «во славу и честь Державы Россійскія». . . Странно это теперь звучить, не правда ли?

Часто бывалъ я и въ нижнихъ залахъ. Ты знаешь мою страсть къ книгамъ, а тамъ, въ этихъ сводчатыхъ залахъ, книгохранилище. Тамъ прохладно и вѣчная тѣнь, окна съ желѣзными толстыми рѣшетками, а сквозь рѣшетки видна радостная зелень кустовъ, радостный солнечный день, все такой же, такой-же, какъ и сто, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Тамъ устроены въ стѣнахъ ниши съ полками, и на этихъ полкахъ мерцаютъ тусклымъ золотомъ десятки тысячъ корешковъ, чуть ли не все главнѣйшее достояніе русской и европейской мысли за два послѣдніе вѣка. Въ одной залѣ огромный телескопъ, въ другой гигантскій планетарій, а на стѣнахъ снова портреты, рѣдчайшія гравюры. Развернулъ я какъ-то одинъ изъ прелестнѣйшихъ томиковъ начала прошлаго столѣтія, прочиталъ на шершавой бумагѣ строки:

Успокой мятежный духъ
И въ страстяхъ не сгорай,
Не тревожь меня, пастухъ,
Во свирѣль не играй, —

и долго стоялъ очарованный: какой ритмъ и какая прелесть, грація, танцующій переливъ чувствъ, заключен-

ныхъ въ немъ! Теперь, когда отъ славы и чести Державы Россійской остались только «пупки», пишутъ иначе: «Солнце, какъ лужа кобылей мочи...». А въ другой разъ мнѣ попалось подъ руку первое изданіе Баратынскаго, и я, словно нарочно, развернулъ книжку на стихахъ:

Что-жъ, пусть минувшее исчезло сномъ летучимъ!
Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,
И обаяніемъ могучимъ
Исполненъ для души моей...

А передъ отъѣздомъ былъ я въ знаменитой церкви. Она въ лѣсу, на обрывѣ, круглая, палеваго цвѣта и сіяетъ въ синемъ небѣ золотой маковкой. Внутри ея кругъ желтоватыхъ мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ легкій куполь, полный солнца. Въ кругломъ проходѣ между колоннами и стѣнами — изображенія святыхъ со стилизованными ликами тѣхъ, кто похороненъ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью. А въ узкія окна видно, какъ вѣтеръ ворочаетъ косматыя главы сосенъ, величаво и дико раскинутыя изъ обрыва въ уровень съ окнами, и слышно пѣніе, гудъ вѣтра. Я спустился въ непроглядную темноту склепа, озаряя краснымъ огонькомъ воскового огарка громадныя мраморныя гробы, громадныя желѣзные свѣтильники и шершавое золото мозаикъ по сводамъ. Холодомъ преисподней вѣяло отъ этихъ гробовъ. Неужели и впрямь они здѣсь, тѣ красавицы съ лазоревыми очами, что царствуютъ въ покояхъ дворца? Нѣтъ, мысль моя не мирилась съ этимъ... А потомъ я опять поднялся въ церковь и долго глядѣлъ въ узкія окна на буйное и дремотное волненіе сосенъ. Сзади меня какъ-то весело и горестно радовался солнцемъ забытый, навсегда, быть можетъ, опустѣвшій храмъ. Мертвая тишина царила въ немъ. За стѣнами же пѣлъ, гудѣлъ лѣтній вѣтеръ, — все тотъ-

же, тотъ-же, что и двѣсти, сто лѣтъ тому назадъ. И я былъ одинъ, совершенно одинъ не только въ этомъ свѣтломъ и мертвомъ храмѣ, но какъ будто и во всемъ мірѣ. Кто же могъ быть со мною, съ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ истинно чудомъ среди цѣлаго сонма погибшихъ, среди такого великаго крушенія, равнаго которому не знаетъ человѣческая исторія!

И это было мое послѣднее посѣщеніе усадьбы. На другой день я уѣхалъ. . .

А теперь, какъ видишь, я опять въ Москвѣ. И прошло уже больше мѣсяца, какъ я вернулся, но сильное и, главное, какое-то невыразимо странное впечатлѣніе, привезенное мною, не оставляетъ меня. И я думаю, что и не оставитъ. Вѣдь то, что такъ живо и остро почувствовалъ и понялъ я во время этой поѣздки, зрѣло во мнѣ уже давнымъ давно. И не предвидится да и не можетъ быть впереди ничего, что могло бы разсѣять мое теперешнее состояніе: они, эти люди такъ называемой новой жизни, правы — къ прежнему, къ прошлому возврата нѣтъ, и новое царить уже крѣпко, входитъ уже въ колею, въ будни. Состояніе же мое заключается въ томъ, что я непрестанно чувствую, какъ тлѣетъ, рвется самая послѣдняя связь между мною и окружающимъ меня міромъ, какъ все больше и больше отрѣшаюсь я отъ него и ухожу въ тотъ, съ которымъ связанъ былъ я не только весь свой вѣкъ, съ дѣтства, съ младенчества, съ рожденія, но даже и до рожденія: ухожу въ Элизей моихъ воспоминаній и видѣній, въ нѣкій сонъ, блистающій подобіемъ той яркой и разительно живой жизни, въ которой застыли мертвецы съ лазурными глазами въ пустомъ дворцѣ въ подмосковныхъ лѣсахъ.

Видишь-ли, случилось, разумѣется, чудо: нѣкто, уже тлѣвшій въ смрадной могильной ямѣ, не погибъ однако до конца, подобно тысячѣ прочихъ, сваленныхъ съ нимъ въ

эту яму. Онъ, къ великому своему изумленію, сталъ постепенно приходить въ себя и наконецъ совсѣмъ пришелъ и даже получилъ возможность приподняться и опять выбраться на бѣлый свѣтъ. Теперь онъ опять въ средѣ живыхъ, опять пріобрѣтаетъ знакомую привычку быть какъ всѣ, — какъ будто какъ всѣ, — опять видитъ городъ, небо, солнце, опять заботится о пищѣ, объ одеждѣ, о кровлѣ и даже о житейскомъ занятіи, положеніи. Но, другъ мой, проходитъ-ли даромъ человѣку смерть, хотя бы и временная? А главное, какъ перемѣнился, какъ сказочно перемѣнился даже самый бѣлый свѣтъ за то время, которое мы, чудомъ уцѣлѣвшіе, пребывали въ могилѣ! Такого крушенія, такой перемѣны лица земли за какія-нибудь пять лѣтъ въ исторіи, повторяю, не бывало. Представь себѣ почти мгновенную гибель всего античнаго міра — и нѣсколько человѣкъ, погребенныхъ подъ развалинами, подъ лавинами варварскихъ ордъ, и затѣмъ внезапно очнувшихся черезъ два, три столѣтія: что должны они чувствовать? Боже, какое, прежде всего, одиночество, какое несказанное одиночество! И вотъ уже давно стало расти во мнѣ нѣкое навожденіе. Чѣмъ больше привыкалъ я къ тому, что мое возстаніе изъ мертвыхъ есть явь, сушая правда, тѣмъ болѣе овладѣвало мною чувство страшной перемѣны, происшедшей на свѣтѣ, — я, конечно, не о внѣшнемъ говорю, хотя и во внѣшнемъ мы дошли до неслыханной и уже во вѣки непоправимой мерзости, — и началъ я оглядываться кругомъ все пристальнѣе, вспоминать свою домогильную жизнь все явственнѣе... И росло, росло навожденіе: нѣтъ, прежній міръ, къ которому былъ причастенъ я нѣкогда, не есть для меня міръ мертвыхъ, онъ для меня воскресаетъ все болѣе, становится единственной и все болѣе радостной, уже никому недоступной обителью моей души!

Да, уѣзжая изъ Москвы, проѣзжая по ней, я почув-

ствовалъ то, что чувствовалъ уже давно, съ особенной остротой: ахъ, до чего я человѣкъ иного времени и вѣка, до чего я чуждъ всѣмъ ея «пупкамъ» и всей той новой твари, которая летаетъ по ней въ автомобиляхъ! Затѣмъ, вспомни вокзалъ, съ котораго я уѣзжалъ, вагонъ, въ которомъ я добылъ себѣ мѣсто, моего сосѣда, пившаго молоко изъ горлышка бутылки... Вспомни профессора съ его мѣшками, его научными мечтаніями и ту просьбу, по которой одиноко — о, какъ страшно одиноко! — заковылялъ онъ... Какъ поразили меня тѣ минуты, когда поѣздъ стоялъ на полустанкѣ, гдѣ онъ слѣзъ, эти первые, почти жуткія впечатлѣнія полевой тишины, лѣсной глуши, запаха березъ, цвѣтовъ, вечерней свѣжести! Боже мой, Боже мой, опять, — послѣ тысячи лѣтъ самой страшной въ мірѣ каторги! — опять это святое, чистое безмолвіе, закатывающееся за лѣсомъ солнце, даль, пролетъ въ просѣкѣ, горькіе и свѣжіе ароматы, сладкій холодокъ зари... И чувство моей отчужденности отъ того міра, который отнял у меня все, все, чѣмъ я дышалъ и жилъ, отчужденность отъ этого «совѣтскаго» вагона, на площадкѣ котораго я стоялъ, и отъ русаго мужика, который спалъ въ немъ, вдругъ приобрѣло во мнѣ такую глубину и силу, что на глаза мои навернулись слезы счастья. Да, я чудомъ уцѣлѣлъ, не погибъ, какъ тысячи прочихъ, убіенныхъ, замученныхъ, пропавшихъ безъ вѣсти, застрѣлившихся, повѣсившихся, я опять живу и даже вотъ путешествую. Но что можетъ быть у меня общаго съ этой новой жизнью, опустошившей для меня всю вселенную! Я живу, — и порою, какъ вотъ сейчасъ, даже въ какой-то восторженной радости, — но съ кѣмъ и гдѣ?

И та ночь, что провелъ я на крыльцѣ трактира, тоже была для меня только моимъ воскресшимъ прошлымъ. Развѣ я воспринималъ ее какъ ночь въ іюнѣ тысяча де-

вятьсотъ двадцать третьяго года? Нѣтъ, эта ночь была какъ будто одной изъ прежнихъ незабвенныхъ ночей. Пренія были и зарницы, и громъ, и свѣжій вѣтеръ, съ которымъ приближалась эта ночная гроза... А потомъ эти заповѣдные лѣса, заповѣдная усадьба... Они и совсѣмъ увели меня въ міръ мертвыхъ, уже навсегда и блаженно утвердившихся въ своей неземной обители. И теперь неотступно стоитъ передо мною это солнечное царство лѣтнихъ дней, бора и сказочно-спящаго дворца, затерявшагося въ бору, этихъ воротъ со львами и бурьяномъ наверху, мрачныхъ еловыхъ ущелій, обмелѣвшихъ прудовъ со стайками трясогузокъ на ихъ травянистыхъ берегахъ, озера, заросшаго осокой, навсегда опустѣвшей церкви и пустыхъ блистательныхъ залъ, полныхъ образами покойниковъ... Не могу тебѣ передать изумительнаго чувства, все еще не покидающаго меня: до чего они ужасающе живы для меня!

Помнишь-ли ты тѣ стихи Баратынскаго, изъ которыхъ я привелъ тебѣ нѣсколько строкъ и которые такъ совпали съ тѣмъ самымъ важнымъ для всей моей теперешней жизни, что таится въ самомъ сокровенномъ тайникѣ моей души? Помнишь, какъ кончается эта элегія, посвященная предчувствію того Элизея, который прозрѣвалъ Баратынскій подъ тяжестью своихъ утратъ и горестей? Среди запустѣнія родныхъ мѣстъ, среди развалинъ и могилъ, я чувствую, говоритъ онъ, незримое присутствіе нѣкоего Призрака; и онъ, «сія Летійская тѣнь, сей Призракъ» —

Онъ убѣдительно пророчитъ мнѣ страну,
Гдѣ я наслѣдую *несрочную весну*,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ, въ сладостной тѣни невянущихъ дубовъ,
У нескудѣющихъ ручьевъ,
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу...

Запустѣніе, окружающее насъ, неописуемо, развалинамъ и могиламъ нѣтъ конца и счета: что осталось намъ, кромѣ «Летійскихъ Тѣней» и той «несрочной весны», къ которой такъ «убѣдительно» призываютъ онѣ насъ?

Приморскія Альпы.

5. X. 1923.

II

СВѢТЪ НЕЗАКАТНЫЙ.

Тамъ, въ поляхъ, на погостѣ,
Въ рощѣ старыхъ березъ,
Не могилы, не кости —
Царство радостныхъ грезъ.
Лѣтній вѣтеръ мотаетъ
Зелень длинныхъ вѣтвей —
И ко мнѣ долетаетъ
Свѣтъ улыбки твоей.
Не плита, не распятые —
Предо мной до сихъ поръ
Институтское платье
И сіяющій взоръ.
Развѣ ты одинока?
Развѣ ты не со мной
Въ нашемъ прошломъ, далекомъ,
Гдѣ и я былъ иной?
Въ мірѣ круга земного,
Настоящаго дня,
Молодого, былого
Нѣтъ давно и меня!

ПЕРСТЕНЬ.

Рубины мрачные цвѣли, чернѣли въ немъ,
Внутри пурпурно-кровяные,
Алмазы вспыхивали розовымъ огнемъ,
Слезясь, какъ перлы ледяные.

Безцѣнными игралъ завѣтный перстень мой,
Но затаенными лучами:
Такъ свѣтитъ и горитъ сокрытый полутьмой
Старинный образъ въ царскомъ храмѣ.

И долго я глядѣлъ на этотъ Божій даръ
Съ тоскою, смутной и тревожной,
И опускалъ глаза, переходя базаръ,
Въ толпѣ крикливой и ничтожной.

7. I. 15.

Просыпаюсь въ полумракѣ.
Въ занесенное окно
Смуглымъ золотомъ Исакій
Смотрить дивно и темно.

Утро сумрачное снѣжно,
Крестъ ушелъ въ густую мглу.
За окномъ уютно, нѣжно
Жмутся голуби къ стеклу.

Счастливъ этимъ финскимъ утромъ,
Дикимъ сѣверомъ, зимой,
Свѣтлой люстры перламутромъ
Озарю я номеръ мой.

Все мнѣ радостно и ново:
Запахъ кофе, яркій свѣтъ,
Мѣхъ ковра, уютъ алькова
И сырой морозъ газетъ.

17. I. 15.

ИЗЪ ЗОЛОТОЙ ЛЕГЕНДЫ.

Ферма въ Оденвальдѣ. — Садъ. — Утро. — Принцъ Генри читаетъ книгу. — Эльзи подходитъ къ нему съ цвѣтами.

Эльзи.

Я нарвала цвѣтовъ.
Вотъ это вамъ,
А это Пречистой Дѣвѣ
И святой Цециліи.

Принцъ Генри.

Ты похожа сейчасъ
На того Ангела,
Что украсилъ безсмертными цвѣтами
Брачный чертогъ Цециліи.

Эльзи.

Мои цвѣты умрутъ.

Принцъ Генри.

Цвѣты умрутъ,
Но не умретъ память о нихъ,
А памяти дана
Власть воскрешать изъ мертвыхъ.

Эльзи.

Знаете ли вы легенду
О Христѣ и дочери халифа?
Я не знаю легенды прекраснѣй.

Принцъ Генри.

Тогда расскажи мнѣ ее.
Но прежде подойди поближе,
Положи цвѣты и дай мнѣ руки.
Теперь рассказывай.

Эльзи.

Раннимъ утромъ
Гуляла дочь халифа
Въ саду отца своего,
Срывая яркія розы,
Полныя росы.

Принцъ Генри.

Какъ нынче утромъ
Ты, дорогая Эльзи.

Эльзи.

И, срывая,
Все болѣе дивилась:
Кто Господинъ цвѣтовъ?
Кто возрастилъ ихъ
Изъ темной и холодной земли?
«Въ душу мою, сказала она,
Вошла любовь къ Нему: я для Него
Оставляю домъ отца, я буду
Въ Его саду трудиться».

Принцъ Генри.

Дорогое, невинное дитя!
Какъ сладко рассказываешь ты
Давно забытую легенду,
Что въ раннемъ дѣтствѣ
Слышаль я отъ матери!

Эльзи.

И въ полночь,
Когда почивала дочь халифа,
Послышался изъ сада голосъ.
Онъ звалъ ее. И, взглянувъ въ окно,
Она увидѣла прекраснаго Юношу,
Стоящаго среди цвѣтовъ.
То былъ Господь нашъ.
И дочь халифа
Вышла и отворила Ему,
И онъ сказалъ ей: «Дѣва!
Ты подумала обо мнѣ съ любовью,
И ради твоего спасенія
Я оставилъ домъ Отца Моего.
Я Господинъ цвѣтовъ,
Мой садъ въ небесномъ царствѣ,
И если ты послѣдуешь за Мной,
Твой брачный вѣнокъ
Будеть изъ ярко-красныхъ цвѣтовъ».
И снялъ съ руки Своей
Золотой перстень
И спросилъ дочь халифа,
Хочетъ ли она быть Его невѣстой.
И когда она съ любовью отвѣтила Ему,
Раскрылась рана въ Его груди,
И Онъ сказалъ: «Вотъ розы,

Что расцвѣли на Голгоѣѣ,
Гдѣ Я умеръ ради тебя.
Иди за мной,
Меня зоветь Отець Мой небесный,
Ты моя нареченная невѣста».
И дочь халифа
Послѣдовала за Нимъ
Въ садъ Отца Его.

Принцъ Генри.

А ты, Эльзи, послѣдовала бы?

Эльзи.

Да, съ радостью!

Принцъ Генри.

Тогда небесный Женихъ
Придетъ и за тобой.
Онъ на чело твое
Возложить не терновый вѣнецъ,
А вѣнокъ изъ розъ.
Въ брачномъ чертогѣ своемъ
Ты, какъ святая Цецилія,
Услышишь сладкогласные клиры
И упьешься благоуханіемъ
Цвѣтовъ безсмертныхъ.
Иди и положи цвѣты
Передъ Ея изображеніемъ.

16. III. 15.

СВ. ЕВСТАФІЙ.

Ловець великій передъ Богомъ,
Я алченъ въ молодости былъ.
Въ восторгъ буйномъ, зломъ и строгомъ,
По горнымъ доламъ и отрогамъ,
Я расточаль мой ловчій пылъ.

— Простите, дѣвственныя сѣни
Языческихъ родимыхъ мѣстъ.
Ты сокрушилъ мои колѣни,
Смиранный Взоръ, голгоѳскій Крестъ.

Вотъ далъ я волю пестрымъ сворамъ,
Узду коню: рога, рога
Летятъ надъ листовнымъ узоромъ,
А я — за ними, пьянь просторомъ,
Погоней, жаждою врага.

— Простите, дѣвственныя сѣни,
Поющій лѣсъ, гремящій боръ.
Ты сокрушилъ мои колѣни,
Голгоѳскій Крестъ, смиренный Взоръ.

Мракъ и стволы великой чаши,
Органныхъ трубъ умолкшій рядъ,
Взоръ, и смиренный и грозящій,
И Крестъ изъ пламени, горящій
Въ рогахъ, откинутыхъ назадъ.

27. VIII. 15.

Взойди, о Ночь, на горній свой престолъ,
Стань въ безднѣ безднѣ, отъ блеска звѣздъ туманной,
Міръ тишины исполни перевозданной
И сонныхъ водъ смири нѣмой глаголь.

Въ отверстый храмъ земли, небесъ, морей
Вновь прихожу съ мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, цѣлящею рукою,
Коснись чела, какъ Божій іерей.

Дала судьба мнѣ слишкомъ щедрый даръ,
Видѣнья дня безмѣрно ярки были:
Росистый хладъ твоей епитрахили
Да утолитъ души мятежный жаръ.

31. VIII. 15.

Роса, при блѣдно-розовомъ огнѣ
Далекаго востока, золотится.
Въ степи сидитъ пустушка на копнѣ.
Въ степи разсвѣтъ, въ степи роса дымится.

День впереди, столь радостный для насъ,
А сзади ночь, похожая на тучу.
Спятъ пастухи. Бараны сбились въ кучу,
Сверкая янтарями спящихъ глазъ.

2. IX. 15.

НЕВѢСТА.

Я косы дѣвичьи плела,
На подоконникѣ сидѣла,
А ночь созвѣздьями цвѣла,
А море медленно шумѣло
И степь дрожала въ полуснѣ
Цикадѣ таинственнымъ журчаньемъ...
Кто до тебя вошелъ ко мнѣ?
Кто, въ эту ночь передъ вѣнчаньемъ,
Мнѣ душу истомилъ такой
Любовью, нѣжностью и мукой?
Кому я отдалась съ тоской
Передъ послѣднею разлукой?

9. IX. 15.

ОДИНОЧЕСТВО.

Худая компаньонка, иностранка,
Купалась въ морѣ вечеромъ холоднымъ
И все ждала, что кто нибудь увидить,
Какъ выбѣжить она, полунагая,
Въ трико, прилипшемъ къ тѣлу, изъ прибоа.
Потомъ, надѣвъ широкое пальто,
Сидѣла на песокѣ и ѣла сливы,
А крупный песъ съ греющимъ лаемъ прядаль
Въ прибрежную сиреневую кипень
И жаркой пастью радостно кидался
На черный мячъ, который съ крикомъ «hop!»
Она швыряла въ воду. . . Загорѣлся
Вдали маякъ лучистою звѣздой. . .
Сырѣлъ песокъ, взошла луна надъ моремъ,
И по волнамъ у берега ломался,
Сверкалъ зеленый глянецъ. . . На обрывѣ,
Что возвышался сзади, въ свѣтломъ небѣ,
Чернѣла одинокая скамья. . .
Тамъ постоялъ съ раскрытой головою
Писатель, пообѣдавшій въ гостяхъ,
Сигару покурить и, усмѣхнувшись,
Подумалъ: — «Полосатое трико
Ее на зебру дѣлало похожей».

10. IX. 1915.

Къ вечеру море шумнѣй и мутнѣй,
Парусъ и дальше и дымнѣй,
Няньки по дачамъ разносятъ дѣтей,
Вѣтеръ съ Финляндіи, зимній.

Къ морю иду — все песокъ да кусты,
Сосенникъ сине-зеленый,
Съ елокъ холодныхъ срываю кресты,
Иглы изъ хвои воценой.

Вотъ и скамья и соломенный зонть,
Дальше обрывъ — и туманный,
Мглисто-багровый морской горизонтъ,
Западъ зловѣщій и странный.

А надъ обрывомъ все тотъ же гамакъ
Съ томной, капризной дѣвицей,
Стулъ полотняный и съ книжкой чудака,
Гнутый, въ пенснэ, блѣднолицый.

Дремлетъ, качается въ сѣткѣ она,
Онъ ей читаетъ Бальмонта. . .
Западъ темнѣетъ и свищетъ сосна,
Тучи плывутъ съ горизонта. . .

11. IX. 15.

СКАЗКА О КОЗЬ.

Это волчи глаза или звѣзды — въ стволахъ на краю
перелѣска?

Полночь, поздняя осень, морозъ.

Голый дубъ надо мной весь трепещетъ отъ звѣзднаго
блеска,

Подъ ногою сухое хруститъ серебро.

Затвердѣли, какъ камень, тропинки, за лѣто набитыя.

Ты одна, ты одна, страшной сказки осенней Коза!

Расцвѣтають, горятъ на желѣзномъ морозѣ несытые
Волчи, Божьи глаза.

29. X. 15.

ЗАЗИМОКЪ.

Сиверомъ на холодѣ
Обжигаетъ жолуди,
Листья и кору.
Свищетъ роца ржавая,
Жесткая, корявая,
Въ полѣ на юру.

Ходятъ тучи съ ношею,
Мерзлую порошею
Стало чаще дуть,
Серебрятся озими —
Скоро подъ полозьями
Задымится путь,

Заиграетъ вьюгою,
И листву муругую
Понесетъ смѣлѣй
По простору вольному,
Гулу колокольному
Стонущихъ полей!

29. X. 15.

Пустыня въ тускломъ, жаркомъ свѣтѣ.
За нею — розовая мгла.
Тамъ минареты и мечети,
Ихъ росписные купола.

Тамъ шумъ рѣки, базаръ подъ сводомъ,
Сонъ переулковъ, тѣнь садовъ —
И, засыхая, пахнутъ медомъ
На кровляхъ лепестки цвѣтовъ.

30. X. 15.

СОНЪ ЕП. ИГНАТІЯ РОСТОВСКАГО.

Изрину князя изъ церкви соборная
въ полночь . . . Л ѣ т о п и с ь .

Сонъ лютый снился мнѣ: въ полночь, въ соборномъ храмѣ,
Изъ древней усыпальницы княждѣй,
Шли смерды мертвецы съ дымящими свѣчами,
Гранитный гробъ несли, тяжелый и большой.

Я поднялъ жезлъ, я крикнулъ: «Въ домѣ Бога
Владыка — я! Презрѣнный родъ, стоять!»
Они идутъ. . . Глаза горять. . . Ихъ много. . .
И ни одинъ не обратился вспять.

23. I. 1916.

На Альпы къ сумеркамъ нисходятъ облака.
Все мокро, холодно. Зеленая рѣка
Стремитъ свой шумный бѣгъ по черному ущелью
Къ морскимъ крутымъ волнамъ, кипящимъ на пескѣ,
И зоркіе огни краснѣютъ вдалекѣ —
Во тьмѣ отъ Альпъ и тучъ, подъ горной цитаделью.

30. I. 16.

На поморіи далекомъ,
Въ полѣ, ровномъ и широкомъ,
    Бѣлый макъ цвѣтетъ,
И надъ пряхую дѣвицей
Въ небѣ мѣсяць блѣднолицый
    Свѣтитъ въ свой чередъ.

А дѣвица нитку сучить,
Сердце сонной грезой мучить
    Да глядитъ впередъ,
Гдѣ до моря-океана,
До полночнаго тумана
    Бѣлый макъ цвѣтетъ.

1. II. 16.

Тамъ не свѣтитъ солнце, не бываетъ ночи,
    Не восходятъ зори,
За гранитнымъ полемъ грозно блещетъ въ очи
    Смоляное море.

Надъ его ли зыбью, подъ великой тучей,
    Мечется зарница,
А на бѣломъ камнѣ, на скалѣ горячей —
    Дивная орлица:

Плещется крылами, красными, какъ пламень,
    Въ этомъ морѣ дикомъ,
Все кого то кличетъ и о бѣлый камень
    Бьется съ лютымъ крикомъ.

1. II. 16.

ДАЛЬ.

Лиманъ пескомъ отъ моря отдѣленъ.
Когда садится солнце за Лиманомъ,
Песокъ бываетъ ярко позлащенъ.

Онъ весь въ рыбалкахъ. Бѣлымъ караваномъ
Стоять онѣ на грани водъ, на той,
Откуда вѣетъ вѣтромъ, океаномъ.

Въ лазури неба, ясной и пустой,
Та грань чернѣетъ синюю вороненой
Изъ-за косы песчано-золотой.

И вотъ я слышу ропотъ отдаленный:
Навстрѣчу крѣпкой свѣжести воды,
Вдыхая вѣтеръ, вольный и соленый,

Вдругъ зашумѣли бѣлые ряды
И стоя машутъ длинными крылами...
Земля, земля! Несчетные слѣды

Я на тебѣ оставилъ. Я годами
Блуждалъ въ твоихъ пустыняхъ и моряхъ.
Я мѣрилъ неустанными стопами

Твой всюду дорогой для сердца прахъ:
Но нѣтъ, во вѣкъ не утолю я муки —
Любви къ тебѣ! Какъ чайки на пескахъ,

Опять впередъ я простираю руки.

Стѣна горы — до небосвода.
Внизу голышъ, шумить ручей.
Я напою коня у брода,
Подъ дымной саклею твоей.

На ледяномъ Казбекѣ блещетъ
Востока розовый огонь.
Бьетъ по водѣ, игриво плещетъ
Копытомъ легкимъ потный конь.

13. II. 16.

ИНДІЙСКІЙ ОКЕАНЪ.

Надъ чернотой твоихъ пучинъ
Горѣли дивныя свѣтила,
И тяжело зыбь твоя ходила,
Взрывая огнь беззвучныхъ минъ.

Она глаза слѣпила намъ
И мы блѣднѣли въ быстромъ свѣтѣ, —
И сине-огненные сѣти
Текли по медленнымъ волнамъ.

И снова, шумень и глубокъ,
Ты возставалъ и загорался —
И отъ звѣзды къ звѣздѣ шатался
Великой тростью зыбкій фокъ.

За валомъ встрѣчный валъ бѣжалъ
Съ дыханьемъ пламеннымъ муссона,
И хвостъ алмазный Скорпіона
Надъ чернотой твоей дрожалъ.

13. II. 16.

КОЛИЗЕЙ.

Дуль теплый вѣтеръ. Точно сѣя
Вечерній сумракъ, жукъ жужжалъ.
Щербатый остовъ Колизея
Какъ чаша подо мной лежалъ.
Чернѣли и зіяли стѣны
Вокругъ меня. Въ глазницы ихъ
Синѣла ночь. Пустырь арены
Былъ въ травахъ, жесткихъ и сухихъ. . .
Свѣтъ лунный, вѣчный, неизмѣнный,
Какъ тонкій дымъ бѣлѣлъ на нихъ.

13. II. 16.

СТОЙ, СОЛНЦЕ!

Летятъ, блестятъ мелькающія спицы,
Тоскую и дрожу,
А все впередъ съ летящей колесницы,
А все впередъ гляжу.

Что впереди? Обрывъ, провалъ, пучина,
Кровавый слѣдъ зари. . .
О, если-бъ власть и властный крикъ Навина:
«Стой, солнце! Стой, замри!»

13. II. 16.

Солнце полночное, тѣни лиловыя
Въ желтыхъ ухабахъ тяжелыхъ зыбей.
Солнце не грѣетъ—на лица суровыя
Падаетъ свѣтомъ холодныхъ лучей.

Скрылись кресты Соловецкой обители.
Пусто — до полюса. Въ блескѣ морскомъ
Легкою мглой убѣгаютъ святители —
Три мужичка - старичка босикомъ.

7. IV. 16.

ВЪ ЦИРКЪ.

Съ застывшими въ блескъ зрачками,
Въ лазурной пустой вышинѣ,
Упруго, качаясь, толчками
Скользила она по струнѣ.

И скрипка таинственно пѣла,
И тысячи взоровъ впились
Туда, гдѣ мерцала, шипѣла
Пустая лазурная высь,

Гдѣ нѣкая сжатая сила
Струну колебала, свистя,
Гдѣ тихо надъ бездной скользила
Наяда, лунатикъ, дитя.

28. VI. 16.

СПУТНИЦА.

Шелковой юбкой шурша,
Четко стуча каблучками,
Ты выбѣгаешь дышать
Утромъ, морскими парами.

Мать еще спить, ты одна...
Палубу моють, смолою,
Темная, пахнетъ она,
Море — соленою мглою.

Мглистая свѣжесть кругомъ
Смѣшана съ золотомъ жаркимъ
Раннего солнца, съ тепломъ,
Съ моремъ цвѣтистымъ и яркимъ.

Только что вымытыхъ рукъ
Крѣпко и нѣжно пожатье,
Въ радостномъ взглядѣ — испугъ
За башмаки и за платье:

Съ шваброй разутый матросъ
Лѣзетъ, не выспавшись, чортомъ...
Льется, горитъ купоросъ,
Сине-лиловый, за бортомъ...

Ахъ, но на сердцѣ тоска!
Скоро Аѳины и скоро
Только кивнешь ты слегка
Съ полуопущеннымъ взоромъ!

28. VI. 16.

ФЕСКА.

Мятую красную феску мастеръ водой окропиль,
Кинуль на мѣдный горячій болванъ и, покрывши
Мѣдною феской, формою съ ручками, давить,
Крутитъ за ручки, а красная феска шипить
На раскаленномъ болванѣ. . .

Твердая, теплая выйдетъ изъ формы она,
Гордо надѣнешь ее и въ кофейнѣ
Сядешь мечтать и курить, не стыдясь за лохмотья
И за курдюкъ на верблюжьихъ штанахъ, весь
въ заплатахъ.

Холодно, сыро, въ туманѣ морской горизонтъ,
Въ бухтѣ зеленой качаются голыя мачты,
Липкая грязь на базарѣ,
Горы въ свинцовомъ дыму. . . Но цвѣтутъ, розовѣютъ,
сады,

Мглистыя, синія сладостно дремлютъ долины...
Женщина, глянь, проходя, сквозь сияющій шелковый
газъ

На золотые усы и на твердую красную феску!

29. VI. 16.

ПЛОТЫ.

Съ востока дуетъ холодомъ, чернѣеть зыбь рѣки
Напротивъ солнца низкаго и плещеть на пески.

Проходить зелень блѣдная, на отмеляхъ кусты,
А ей навстрѣчу — желтые сосновые плоты.

А на плотяхъ, что движутся съ громадою рѣки
Напротивъ зыби плещущей, орутъ плотовщики,

Мужицкимъ пахнетъ варевомъ, костры въ дыму
трещать—

И рдѣеть краснымъ заревомъ на холодѣ закатъ.

16. VII. 16.

Полночный звонъ степной пустыни,
Покой небесъ, тепло земли
И горькій медъ сухой полыни
И блѣдность звѣздная вдали.

Что слушаетъ моя собака?
Внѣ жизни мы и внѣ времянь.
Звениящій сонъ степного мрака
Самимъ собой замороженъ.

22. VII. 16.

. . . Онъ видѣлъ смоль ея волосъ.
За ней желтѣль крутой откосъ,
Отвѣсный берегъ, а у ногъ
Волна катилась на песокъ,
И это зыбкое стекло
Глаза слѣпило — и текло
Опять назадъ. . . Былъ тусклый день,
Отъ пролетавшихъ чаекъ тѣнь
Чуть означалась на песокъ,
И серебристой пеленой
Терялось море вдаль,
Гдѣ небеса туманилъ зной;
Былъ южный вѣтеръ, — горячо
Ей дуло въ голое плечо,
Скользило жаромъ по литымъ
Ногамъ, кирпично-золотымъ,
Съ приставшей кое-гдѣ на нихъ
Перловой мелкой шелухой
Отъ стертыхъ раковинъ морскихъ,
Блестящей, твердой и сухой. . .
Онъ видѣлъ очеркъ головы
На фонѣ блѣдной синевы,
Онъ видѣлъ грудь ея. . . Но вотъ
Накинутъ пламенный капоть

И легкой газовой платокъ,
Босую ногу сжалъ чувякъ, —
Она идетъ наверхъ, гдѣ дрокъ
Виситъ въ пыли и рдѣтъ макъ,
Она идетъ, поднявши взглядъ
Туда, гдѣ въ небѣ голубомъ
Встаютъ сиреневымъ горбомъ
Обрывы каменныхъ громадъ,
Гдѣ подъ скалистой крутизной
Сверкаетъ дача бѣлизной
И смольно-синій кипарисъ
Верхушку мягко клонитъ внизъ.

22. VII. 16.

Хозяинъ умеръ, домъ забить,
Цвѣтетъ на стеклахъ купорось,
Сарай крапивою зарось,
Варокъ, давно пустой, раскрыть
И по хлѣвамъ чадить навозъ. . .
Жара, страда. . . Куда летить
Черезъ усадьбу шалый песь?

На голомъ остовѣ варка
Ночуютъ старые сычи,
Днемъ въ тополяхъ орутъ грачи,
Но тишина такъ глубока,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ людей. . .
Мелѣтъ теплая рѣка,
Въ степи желтѣетъ море ржей. . .
А онъ летить — хрипятъ бока
И пѣна льется съ языка.

Летитъ стрѣлою черезъ дворъ
И черезъ садъ и дальше, въ степь,
Кровавъ и мутенъ ярый взоръ,
Оскаленъ клыкъ, на шеѣ цѣпь. . .
Помилуй Богъ, спаси Христось,
Сорвался песь, взбѣсился песь!

Вотъ рожь горить, зерно течеть,
Да кто-же будетъ жать, вязать?
Вотъ дымъ валить, набать гудеть,
Да кто-жъ рѣшится заливать?
Вотъ встанетъ бѣсноватыхъ рать
И какъ Мамай всю Русь пройдетъ...
Но пусто въ мѣрѣ — кто спасетъ?
Но Бога нѣтъ — кому карать?

23. VII. 16.

Въ норѣ, домами сдавленной,
Надъ грязью стертыхъ плитъ,
Фонарикъ, весь заржавленный,
Божницу золотить.

Темна нора, ведущая
Ступеньками къ горѣ,
Груба толпа, бредущая
Съ поклажею въ норѣ.

Но всякъ тутъ замедляется
И смотритъ, недвижимъ,
Какъ Дѣва озаряется
Фонарикомъ своимъ.

И кротостью усталая
Полны тогда черты,
И милы Дѣвѣ алые
Бумажные цвѣты.

6. VIII. 16.

Вотъ онъ снова, этотъ бѣлый
Городъ турокъ и болгаръ,
Небо синее, мечети,
Черепица крышъ, базаръ,
Фески, зелень и бараны
На крюкахъ безъ головы,
Въ черныхъ пятнахъ подъ засохшимъ
Серебромъ нагой плены. . .
Вотъ опять трактиръ знакомый,
Столъ безъ скатерти, приборъ
И судокъ, гдѣ перецъ съ солью,
Много крошекъ, всякій соръ. . .
Я сажусь за столъ, какъ дома,
И засученной рукой,
Волосатую и смуглой,
Подаетъ графинъ съ водой
И тарелку кашкавала
Пожилой хозяинъ, грекъ,
Очень черный и серьезный,
Очень храбрый чловѣкъ. . .

9. VIII. 16.

БЛАГОВѢСТІЕ О РОЖДЕНИИ ИСААКА.

Они пришли тропинкою лѣсною,
Когда текла полдневная жара
И въ яркомъ небосклонѣ предо мною
Кудрявилась зеленая гора.

Я былъ какъ дубъ у чернаго шатра,
Я былъ богатъ стадами и казною,
Я сладко жилъ утѣхою земною,
Но вотъ пришли: «Встань, Авраамъ, пора!»

Я отдѣлилъ для Вѣстниковъ телицу.
Ловя ее, увидѣлъ я гробницу,
Пещеру, гдѣ оливковая жердь,

Пылая, озаряла двухъ Почившихъ,
Гробъ праотцевъ, Эдема насъ лишившихъ,
И такъ сказалъ: «Рожденье чадъ есть смерть».

10. VIII. 16.

УКОРЫ.

Море съ голой степью говорило:
— «Это ты меня солончаками
И полынью горькой отравила,
Жарко дую жесткими песками!

Я-ли не Господняя криница?
Да не пьеть ни дикій звѣрь, ни птица
Изъ волны моей солено-жгучей,
Гдѣ остался твой песокъ летучій!»

Отвѣчаетъ степь морской пустынь:
— «Не въ степи-ли, море, ты ходило,
Не по мнѣ-ли, въ кипени и сини,
За волной волну свою катило?

Я-ли виновата, что осталась,
Въ часъ, когда со мной ты разставалось,
Бѣлой солью кипень снѣговая,
Голубой полынью синь живая?»

11. VIII. 16.

Ѓдемъ боромъ, черными лѣсами.
Вотъ гора, песчаный спускъ въ долину.
Вечерѣтъ. На горѣ предъ нами
Лѣсъ щетинить новую вершину.

И темнымъ-темно въ той новой чашѣ,
Гдѣ опять скрывается дорога,
И враждебенъ мой ящикъ молчащій
И надежда въ сердцѣ лишь на Бога,

Да на бѣгъ коней нетерпѣливый,
Да на этотъ нѣжный и пѣвучій
Колокольчикъ, плачущій счастливо,
Что на свѣтѣ все авось да случай.

9. IX. 16.

ГЛУПОЕ ГОРЕ.

Тихой ночью поздній мѣсяць вышелъ
Изъ за черныхъ липъ.
Дверь балкона скрипнула, — я слышалъ
Этотъ легкій скрипъ.
Всѣ давно уснули, — мы не спали,
И для насъ, для насъ
Въ темнотѣ аллеи цвѣты дышали
Въ этотъ сладкій часъ.
Намъ тогда — тебѣ пятнадцать было,
Мнѣ семнадцать лѣтъ,
Но ты помнишь, какъ ты отворила
Дверь на лунный свѣтъ?
Ты къ губамъ платочекъ прижимала
Смокшійся отъ слезъ,
Ты, рыдая и дрожа, роняла
Шпильки изъ волосъ,
У меня отъ нѣжности и боли
Разрывалась грудь . . .
Если бъ, другъ мой, было въ нашей волѣ
Эту боль вернуть!

14. VIII. 16.

На половину вырубленный лѣсъ,
Высокія дрожащія осины
И розовая облачность небесъ:
Ночной порой изъ сумрачной лоцины
Въѣзжаю на отлогій косогоръ
И вижу заалѣвшія вершины,
Съ таинственною нѣжностью, въ упоръ
Далекимъ озаренныя пожаромъ.
Остановясь, оглядываюсь: да,
Пожаръ! Но гдѣ? Опять у насъ, — не даромъ
Вчера былъ сходъ! И крѣпко повода
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожій, лепетъ въ вышинѣ,
Такой дремотно-сладкій и безстрастный
Къ тому, что тамъ и что такъ страшно мнѣ.

27. VI. 17.

ЗМЪЯ.

Зашелестѣла тонкая трава,
Струею темной побѣжала —
И вдругъ взвилась и смотритъ цифра 2,
Какъ волосокъ, трепещетъ жало. . .

Исчадіе проклятое въ раю,
Какое наслажденіе расплющить
Головку копьевидную твою,
Твой ликъ раскосый и зовущій!

25. VIII. 17.

АВГУСТЪ.

Какъ много звѣздъ на тусклой синевѣ!
Весь небосклонъ въ ихъ траурномъ уборѣ.
Степь выжжена. Густая пыль въ травѣ.
Чернѣеть садъ. За нимъ — обрывы, море.
Оно молчитъ. Весь міръ молчитъ — затѣмъ,
Что въ мірѣ Богъ, а Богъ отъ вѣка нѣмъ.

Сажусь на камень теплаго балкона.
Онъ озаренъ могильно, — блѣдный свѣтъ
Разлитъ отъ звѣздъ. Не слышно даже звона
Ночныхъ цикадъ . . . Да, въ мірѣ жизни нѣтъ.
Есть только Богъ надъ горними огнями,
Но что есть Богъ? Кто Онъ, несмѣтный днями?

Онъ страшенъ мнѣ. Онъ слишкомъ величавъ
И слишкомъ необъятенъ. Онъ молчанье,
Онъ штиль морей и пыль сожженныхъ травъ,
Онъ черный садъ и блѣдныхъ звѣздъ сіянье.
Онъ разумъ мой, мнѣ чуждый, — оттого,
Что разумъ мой не любитъ ничего.

И это я, столь чувствующій землю
Въ ея осенней сладкой теплотѣ,
И это я, любовью полный, внемлю
Его пустой и хладной Нѣмотѣ!
И это я и долженъ и не смѣю
Сказать себѣ: ты будешь, будешь ею!

29. VIII. 17.

Видъ на заливъ изъ садика таверны . . .
Въ простомъ винѣ, что взялъ я на обѣдъ,
Есть странный вкусъ—вкусъ виноградно-сѣрный—
И розоватый цвѣтъ.

Пью подъ дождемъ, — весна здѣсь прихотлива,
Миндаль цвѣтетъ на Капри въ холода, —
И смутно въ синеватой мглѣ залива
Далекіе бѣлѣютъ города.

10. IX. 17.

Роняя снѣгъ, проходятъ тучи,
И солнце рѣзко золотить
Умбрійскихъ горъ нагія кручи,
Сухой кустарникъ и гранить.

И часто въ тучахъ за горами
Обрывки радуги цвѣтутъ —
Святые нимбы надъ главами
Анахоретовъ, жившихъ тутъ.

12. IX. 17.

ЛУНА.

Настанетъ Ночь моя, Ночь долгая, нѣмая.
Тогда велитъ Господь, творящій чудеса,
Свѣтилу новому взойти на небеса.

— Сіяй, сіяй, Луна, все выше поднимая
Свой, Солнцемъ данный, ликъ. Да будетъ міру вѣсть,
Что День мой догорѣлъ, но слѣдъ мой въ мірѣ — есть.

15. IX. 17.

У воротъ Сіона, надъ Кедромъ,
На бугрѣ, вѣтрами обожженномъ,
Тамъ, гдѣ тѣнь бываетъ отъ стѣны,
Сѣлъ я какъ-то рядомъ съ прокаженнымъ,
Бѣвшимъ зерна спѣлой бѣлены.

Онъ дышалъ невыразимымъ смрадомъ,
Онъ, безумный, отравлялся ядомъ,
А межъ тѣмъ, съ улыбкой на губахъ,
Поводилъ кругомъ блаженнымъ взглядомъ,
Бормоча: «Благословець Аллахъ!»

Боже милосердый, для чего Ты
Даль намъ страсти, думы и заботы,
Жажду дѣла, славы и утѣхъ?
Радостны калѣки, идіоты,
Прокаженный радостнѣе всѣхъ.

16. IX. 17.

ВОЛНЫ.

Смотрить на море старый Султанъ
Изъ сераля, изъ оконъ Дивана:
Въ морѣ — пѣнистыхъ волнъ караванъ,
Слышенъ говоръ и гулъ каравана:

— «Мы зеленя, въ бѣлыхъ чалмахъ,
Мы къ Стамбулу спѣшимъ издалека, —
Мы сподобились зрѣть, падишахъ,
И пустыню и городъ Пророка!»

Понимаетъ укору Султанъ
И склоняетъ печальныя вѣжды...
За тюрбаномъ бѣлѣетъ тюрбанъ,
И зеленя вѣютъ одежды.

19. IX. 17.

ЭПИТАФІЯ.

На землѣ ты была точно дивная райская птица
На вѣтвяхъ кипариса, среди золоченыхъ гробницъ.
Юный голосъ звучалъ какъ въ полуденной рошѣ цѣвница,
Два лучистыя солнца сіяли изъ черныхъ рѣсницъ.

Рокъ отмѣтилъ тебя. На землѣ ты была не жилица.
Красота лишь въ Эдемѣ не знаетъ запретныхъ границъ.

19. IX. 17.

ЛАНДЫШЪ.

Въ голыхъ рощахъ вѣялъ холодъ...
Ты свѣтился межъ сухихъ,
Мертвыхъ листьевъ... Я былъ молодъ,
Я слагалъ свой первый стихъ —
И навѣкъ сроднился съ чистой
Молодой моей душой
Влажно-свѣжій, водянистый,
Кисловатый запахъ твой!

19. IX. 17.

Золотыми цвѣтуть остріями
У кровати полночныя свѣчи.
За открытымъ окномъ, въ черной ямѣ,
Шепчетъ садъ безпокойныя рѣчи.

Эта тьма, дождевая, сырая,
Вѣетъ въ горницу свѣжимъ дыханьемъ —
Золотые цвѣты, выростая,
На лазурномъ дрожатъ основаньи.

Засыпаю въ постели прохладной;
Очарованъ ихъ дрожью растущей,
Молодой, беззаботный, съ отрадной
Думой-пѣсней о пѣснѣ грядущей.

19. IX. 17.

О радость красокъ! Снова, снова
Лазурь сквозь яркій желтый садъ
Горить такъ дивно и лилово,
Какъ будто ангелы глядятъ.

О радость радостей! Нѣтъ, знаю,
Нѣтъ, вѣрю, Господи, что Ты
Вернешь къ потерянному раю
Мои томленья и мечты!

23. IX. 17.

Стали дымомъ, стали выше
Облака, — лазурь сквозить
И на шиферныя крыши
Голубой водой скользить.

Что съ того, что крыши стары
И весенній воздухъ сыръ!
Даже запахомъ сигары
Снова сладокъ Божій міръ.

27. IX. 17.

Ранній, чуть видный разсвѣтъ,
Сердце шестнадцати лѣтъ.

Сада дремотная мгла
Липовымъ цвѣтомъ тепла.

Тихъ и таинствененъ домъ
Съ крайнимъ завѣтнымъ окномъ.

Штора въ окнѣ, а за ней
Солнце вселенной моей.

27. IX. 17.

Смятенъе, крикъ и визгъ рыбалокъ
На сальной, радужной волнѣ...
Да, мѣръ живыхъ и золь и жалокъ
И въ немъ порою тяжко мнѣ.

Вотъ — сколько ярости безсильной,
Чтобъ растащить тугой мотокъ
Кишки зеленовато-мыльной,
Что пароходный бросиль кокъ!

28. IX. 17.

НАКАНУНЪ.

Мы рядомъ шли, но на меня
Взглянуть ты прямо не рѣшалась,
И въ вѣтрѣ мартовскаго дня
Пустая наша рѣчь терялась.

Бѣлѣли стужей облака
Сквозь садъ, гдѣ падали капли,
Блѣдна была твоя щека
И какъ цвѣты глаза синѣли.

Уже полураскрытыхъ устъ
Я избѣгалъ касаться взглядомъ,
Но былъ еще блаженно пусть
Тотъ дивный міръ, гдѣ шли мы рядомъ.

28. IX. 17.

Бѣлыя круглятся облака,
Небо въ нихъ сгущается, чернѣя...
Какъ весной стройна и высока
Въ этомъ небѣ мраморномъ аллея!

Сѣрый стволъ на солнцѣ позлащенъ,
А вершины встали сизымъ дымомъ...
Помню, помню: жаркій день подъ Римомъ,
Мраморный апрѣльскій небосклонъ...

29. IX. 17.

Мы сѣли у печки въ прихожей,
Одни, при угасшемъ огнѣ,
Въ старинномъ заброшенномъ домѣ,
Въ степной и глухой сторонѣ.

Жаръ въ печкѣ угрюмо краснѣеть,
Въ холодной прихожей темно,
И сумерки, съ ночью мѣшаясь,
Могильно синѣютъ въ окно.

Ночь — долгая, хмурая, волчья,
Кругомъ все снѣга и снѣга,
А въ домѣ лишь мы да иконы
Да жуткая близость врага.

Презрѣннаго, дикаго вѣка
Участникомъ быть мнѣ дано,
И въ сердцѣ моемъ такъ могильно,
Какъ мерзлое это окно.

30. IX. 17.

ПЕРВЫЙ СОЛОВЕЙ.

Таесть, сіяесть луна въ облакахъ.
Яблони въ бѣлыхъ кудрявыхъ цвѣтахъ.

Зыбь облаковъ и мелка и нѣжна.
Возлѣ луны голубая она.

Въ холодѣ голыхъ, прозрачныхъ аллея
Пробуетъ цокать, трещить соловей.

Въ домѣ, ужъ темномъ, въ раскрытомъ окнѣ,
Барышня косы плететь при лунѣ.

Сладокъ и новъ ей весенній разсказъ,
Міру разсказанный тысячу разъ.

2. X. 17.

Щеглы, ихъ звонъ, стеклянный, неживой,
И клень надъ облетѣвшею листвою,
На пустотѣ лазоревой и чистой,
Уже весь голый, легкій и вѣтвистый. . .
О, мука мукъ! Что надо мнѣ, ему,
Щегламъ, листвѣ? И развѣ я пойму,
Зачѣмъ я долженъ радость этой муки,
Вотъ этотъ небосклонъ и этотъ звонъ
И темный смыслъ, которымъ полонъ онъ,
    Вмѣстить въ созвучія и звуки?
Я долженъ взять — и, разгадавъ, отдать,
    Мнѣ кто-то долженъ сострадать,
Что пригрѣваетъ солнце низкимъ свѣтомъ
Меня въ саду, просторномъ и раздѣтомъ,
Что озаряетъ желтая листва
Вѣтвистый клень, что я едва, едва,
Бродя въ восторгѣ по саду пустому,
Мою тоску даю понять другому. . .
— Беру большой зубчатый листь съ тугимъ
Пурпурнымъ стеблемъ, — пусть въ моей тетради
Останется хоть память вмѣстѣ съ нимъ
    Объ этомъ свѣтломъ вертоградѣ
Съ травой, хрустящей бѣлымъ серебромъ,
О пустотѣ, сіяющей надъ кленомъ
    Безжизненно-лазоревымъ шатромъ,
И о щеглахъ съ хрустально-мертвымъ звономъ!

3. X. 17.

Сорвался вихрь, промчалъ изъ края въ край
По рощамъ пальмъ кипящій ливень дымомъ —
И снова солнце въ блескъ нестерпимомъ
Ударило на зелень мокрыхъ вай.

И туча, противъ солнца смоляная,
Надъ рощами вздвигалась какъ стѣна,
И радуга горитъ на ней цвѣтная,
Какъ входъ въ Эдемъ роскошна и страшна.

4. X. 17.

Осенній день. Степь, балка и корыто.
Рогатый волъ, большой соловый быкъ,
Скользнувъ въ грязи и раздвоивъ копыто,
Къ водѣ ноздрями влажными приникъ:

Сосеть и смотритъ свѣтлыми глазами,
Закинувъ хвостъ на свой костлявый задъ,
Какъ вдоль бугра, въ пустой небесный скать,
Бредутъ хохлы за тяжкими возами.

4. X. 17.

Этой краткой жизни вѣчнымъ измѣненьемъ
Буду неустанно утѣшаться я, —
Этимъ раннимъ солнцемъ, дымомъ надъ селеньемъ,
Въ свѣжемъ паркѣ листьевъ медленнымъ паденьемъ
И тобой, знакомая, старая скамья.

Будущимъ поэтамъ, для меня безвѣстнымъ,
Богъ оставитъ тайну — память обо мнѣ:
Стану ихъ мечтами, стану безтѣлеснымъ,
Смерти недоступнымъ, — призракомъ чудеснымъ
Въ этомъ паркѣ розовомъ, въ этой тишинѣ.

10. X. 17.

Какъ въ апрѣлѣ по ночамъ въ аллеѣ,
И все тоньше верхнихъ сучьевъ дымъ
И все легче, ближе и виднѣе
Поблѣднѣвшій небосклонъ за нимъ.

Этотъ верхъ въ созвѣздыяхъ, въ ихъ узорахъ,
Дымчатый, воздушный и сквозной,
Этихъ листьевъ подъ ногами шорохъ,
Эта грусть — все то же, что весной.

Снова наканунѣ. И съ годами
Сердце не считается. . . Иду
Молодыми, легкими шагами —
И опять, опять чего то жду.

10. X. 17.

Звѣзда дрожить среди вселенной...
Чьи руки дивныя несутъ
Какой-то влагой драгоцѣнной
Столь переполненный сосудъ?

Звѣздой пылающей, потиромъ
Земныхъ скорбей, небесныхъ слезъ
Зачѣмъ, о Господи, надъ міромъ
Ты бытіе мое вознесъ?

22. X. 17.

Въ дачномъ креслѣ, ночью, на балконѣ. . .
Океана колыбельный шумъ. . .
Будь довѣрчивъ, кротокъ и спокоенъ,
Отдохни отъ думъ.

Вѣтеръ, приходящій, уходящій,
Вѣющій безбрежностью морской. . .
Есть ли Тотъ, Кто этой дачи спящей
Сторожить покой?

Есть ли Тотъ, Кто должной мѣрой мѣритъ
Наши знанья, судьбы и года?
Если сердце хочетъ, если вѣритъ,
Значить — да.

То, что существуетъ, существуетъ.
Вотъ ты дремлешь и въ глаза твои
Такъ любовно мягкій вѣтеръ дуетъ —
Какъ-же нѣтъ Любви?

9. VII. 18.

И цвѣты и шмели и трава и колосья
И лазурь и полуденный зной. . .
Срокъ настанетъ — Господь сына блуднаго спроситъ:
«Быль-ли счастливъ ты въ жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вотъ эти
Полевые пути межъ колосьевъ и травъ —
И отъ сладостныхъ слезъ не успѣю отвѣтить
Къ милосерднымъ колѣнямъ припавъ.

14. VII. 18.

Древняя обитель супротивъ луны
На лѣсистомъ взгорьи, надъ рѣчными водами,
Блѣдносиневатый мѣлъ ея стѣны,
Мраморъ неба, бѣлый, съ синими разводами.

А на этомъ небѣ, въ этихъ облакахъ,
Глубину небесную въ черноту сгущающихъ, —
Храмы въ златокованныхъ мелкихъ шишакахъ,
Райскою красою за стѣной мерцающихъ.

20. VII. 18.

На дачѣ тихо, ночь темна,
Туманны звѣзды голубыя,
Вздыхая, ширится волна,
Цвѣты качаются, слѣпые,

И часто съ вѣтромъ, до скамьи,
Какъ нѣкій духъ въ эфирной плоти,
Доходятъ свѣжія струи
Волны, вздыхающей въ дремотѣ.

13. IX. 18.

Огонь, качаемый волной
Въ просторѣ темномъ океана. . .
Что мнѣ до звѣзднаго тумана,
До млечной бездны надо мной!

Огонь, по прихоти волны
Вдали качаемый, печальный. . .
Что мнѣ до неба, до хрустальной,
Огнями полной вышины!

24. IX. 18.

МИХАИЛЬ.

Архангелъ въ сіяющихъ латахъ
И съ краснымъ мечомъ изъ огня
Стоялъ на клубахъ синеватыхъ
И дивно глядѣлъ на меня.

Порой въ алтарѣ онъ скрывался,
Свѣтился на двери косою —
И снова народу являлся,
Большой, по колѣна босою.

Ребенокъ, я думалъ о Богѣ,
А видѣлъ лишь кудри до плечъ
Да крупныя бурья ноги,
Да римскія латы и мечъ. . .

Духъ гнѣва, возмездія, кары!
Я помню тебя, Михаилъ,
И храмъ этотъ, темный и старый,
Гдѣ ты мое сердце плѣнилъ!

3. IX. 19.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

У райской запретной стѣны,
Въ часъ полуденный,
Адамій съ женой Еввой скорбитъ:
Высока, бѣла стѣна райская,
Еще выше того черные купарисы за ней,
Густа, ярка синь небесная;
На той-ли стѣнѣ павлины сидятъ,
Хвосты цвѣтутъ ярю-зеленю,
Головки въ зубчатыхъ вѣнчикахъ;
На тѣхъ-ли купарисахъ птицы вѣщія
Съ очами дивными и грозными,
Съ голосами ангельскими,
Съ красою женскою,
На головкахъ свѣчи восковыя теплятся
Золотомъ-пламенемъ;
За тѣми купарисами пахучими —
Бѣлый соборъ апостольскій,
Бѣлый храмъ въ золоченыхъ маковкахъ,
Обитель отчая
Со духи праведныхъ,
Убиенныхъ Антихристомъ:
— Исусе Христе, Миленькій!
Прости душу непотребную!
Вороти въ обитель отчую!

12. IX. 19.

МОСКВА.

Темень, холодъ, предразсвѣтнѣй
Ранній часть.
Храмъ невзрачный, непримѣтнѣй,
Въ узкихъ окнахъ точки желтыхъ глазъ.

Опустѣла, оскудѣла паперть,
Въ храмѣ тоже пустота,
Черная престоль покрыла скатерть,
За завѣсой царскія врата.

Въ храмѣ стѣны пѣтомъ плачуть,
Тусклы ризы алтарей.
Нищѣ въ лохмотья руки прячуть,
Робко жмутся у дверей.

А въ сторонкѣ, въ уголкѣ, подь красной
Грустною лампадой, на полу,
Молится старушка, въ мукѣ страстной
Всю щепоть прижавъ къ челу:

— Матушка, убогая, простая,
Скорбная душа! Молись, молись!
Чуть свѣтаетъ эта ночь глухая,
И лишь ты одна глядишь, вздыхая,
Съ крѣпкой вѣрой въ сумрачную высь!

Темень, холодъ, буйныхъ галокъ
Ранній крикъ.
Снѣжный городъ древень, мрачень, жалокъ,
Нищъ и дикъ.

12. IX. 19.

НА ОСТРОВЪ БУЯНЪ.

В о р о н ь.

Ну, что, бабушка, какъ спасаешься?
У тебя-ль не рай, у тебя-ль не медь?

Я г а.

Ахъ, залетный гость! Издѣваешься!
Ужъ какой тамъ медь — шкуру песь дереть!
Лѣсь гудить, свистить, нагоняетъ сонъ,
Ночь и день стоитъ надъ волной туманъ,
Окруженъ со всѣхъ съ четырехъ сторонъ
Тьмой да мгой сырой островокъ Буянъ.
А еще темнѣй мой прогнившій срубъ,
Гдѣ ни вздуть огня, ни топить не смѣй,
А въ окно глядитъ только голый дубъ,
Подъ какимъ яйцо закопалъ Кошей.
Я состарилась, изболѣла вся,
Сохраняючи чортовъ тотъ ларець!
Будь огонь въ свѣтцѣ — я-бъ погрѣлася,
Будь капустный клокъ — похлебала-бъ щецъ.
Да огонь-то, вишь, въ океанѣ — вѣсть,
Да не то что щецъ — нѣту прѣлыхъ лыкъ!

В о р о н ь.

Чортъ тебѣ велѣлъ къ чорту въ слуги лѣзть,
Дура старая, неразумный шлыкъ!

15. VIII. 21.

КАНАРЕЙКА.

На родинѣ она зеленая . . .

Б р э м ъ.

Канарейку изъ-за моря
Привезли, и вотъ она
Золотая стала съ горя,
Тѣсной клѣткой плѣнена.

Птицей вольной, изумрудной
Ужъ не будешь, — какъ ни пой
Про далекій островъ чудный
Надъ трактирною толпой!

10. V. 21.

У птицы есть гнѣздо, у звѣря есть нора...
Какъ горько было сердцу молодому,
Когда я уходилъ съ отцовскаго двора,
Сказать прости родному дому!

У звѣря есть нора, у птицы есть гнѣздо...
Какъ бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, въ чужой, наемный домъ
Съ своей ужъ ветхою котомкой!

25. VI. 22.

РАДУГА.

Сводъ радуги — Творца благоволенье.
Онъ сочетаетъ воздухъ, влагу, свѣтъ —
Все, безъ чего для міра жизни нѣтъ.
Онъ въ черной тучѣ дивное видѣнье
Являетъ намъ. Лишь избранный Творцомъ,
Исполненный Господней благодати, —
Какъ Радуга, что блещетъ лишь въ закатѣ, —
Зажжется предъ концомъ.

15. VII. 22.

МОРОЕЙ.

Прекрасенъ твой вѣнокъ изъ огненнаго мака,
Мой Гость таинственный, жилецъ земного мрака.
Какъ блѣденъ смуглый ликъ, какъ дологъ грустный взоръ,
Глядящій на меня и кротко и въ упоръ,
Какъ страшень смертному безгласный часъ Морѳея!

Но сказочно цвѣтеть, во мракѣ пламенѣя,
Божественный вѣнокъ и къ радостной странѣ.
Уводитъ онъ меня, гдѣ все доступно мнѣ,
Гдѣ нѣтъ преградъ земныхъ моимъ надеждамъ вешнимъ,
Гдѣ снюсь я самъ себѣ далекимъ и нездѣшнимъ,
Гдѣ не дивить ничто — ни даже ласки той,
Съ кѣмъ Богъ насъ раздѣлилъ могильною чертой.

26. VII. 22.

О, слезъ невыплаканныхъ ядъ!
О, тщетной ненависти пламень!
Блаженъ, кто раздробить о камень
Твоихъ, Блудница, новыхъ чадъ,
Рожденныхъ въ лютыя мгновенья
Твоихъ утѣхъ — и нашихъ мукъ!

Блаженъ тебя разящій лукъ
Господняго святаго мщенья!

22. VIII. 22.

СИРИУСЪ.

Гдѣ ты, звѣзда моя завѣтная,
Вѣнецъ небесной красоты?
Очарованье безотвѣтное
Снѣговъ и лунной высоты?

Гдѣ вы, скитанія полночныя
Въ равнинахъ свѣтлыхъ и нагихъ,
Надежды, думы непорочныя
И радость вымысловъ моихъ?

Гдѣ молодость, простая, чистая,
Въ кругу любимомъ и родномъ,
И ветхій домъ и ель смолистая
Среди сугробовъ подъ окномъ?

Пылай, играй стоцвѣтной силою,
Неугасимая звѣзда,
Надъ дальнею моею могилою,
Забытой Богомъ навсегда!

22. VIII. 22.

Зачѣмъ плѣняется старая могила
Блаженными мечтами о быломъ?
Зачѣмъ зеленымъ клонится челомъ
Та ива, что могилу осѣнила,
Такъ горестно, такъ нѣжно и свѣтло,
Какъ будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И въ лонѣ всепрощенія, забвенья
Небесными цвѣтами поросло?

25. VIII. 22.

Душа навѣки лишена
Былыхъ надеждъ, любви и вѣры.
Потери намъ даны безъ мѣры,
Презрѣнье къ ближнему — безъ дна.

Для ненависти, отвращенья
Къ тому, кто этимъ ближнимъ былъ,
Теперь нѣтъ даже выраженья:
Насъ Богъ и этого лишилъ.

И что мнѣ будущее благо
Россіи, Франціи! Пускай
Любая буйная ватага
Трамвай захватываетъ въ рай.

25. VIII. 22.

Въ полночный часъ я встану и взгляну
На блѣдную, высокую луну
И на заливъ подъ нею и на горы,
Мерцающія снѣгомъ. вдалекѣ . . .
Внизу вода чуть блещетъ на пескѣ,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океанъ. . .

Позналъ я, какъ ничтожно и не ново
Пустое человѣческое слово,
Позналъ надеждъ и радостей обманъ,
Тщету любви и терпкую разлуку
Съ послѣдними, немногими, кто миль,
Кто близостью своею облегчилъ
Ненужную для міра боль и муку,
И эти одинокіе часы
Безмолвнаго полуночнаго бдѣнья,
Презрѣнія къ землѣ и отчужденья
Отъ всей земной бессмысленной красы...

25. VIII. 22.

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утрѣ дней моихъ,
Толпились какъ стада оленей
У заповѣдныхъ водъ рѣчныхъ:

Малѣйшій звукъ въ зеленой чащѣ —
И вся ихъ чуткая краса,
Весь сонмъ блаженный и дрожащій
Ужъ мчался молніей въ лѣса!

26. VIII. 22.

Зарось крапивою и бурьяномъ
Мой отчій домъ. Живи мечтой,
Надеждами, самообманомъ!
А дни проходятъ чередой,
Ведутъ свой кругъ однообразный,
Не отступая ни на мигъ
Отъ пожелтѣвшихъ, пыльныхъ книгъ
Да отъ вѣстей о безобразной,
Несчастной, подлой жизни тамъ,
Гдѣ по роднымъ, святымъ мѣстамъ,
По нивѣ тучной и обильной
И по моимъ былымъ слѣдамъ
Чертополохъ растеть могильный.

27. VIII. 22.

Все снится мнѣ заросшая травой,
Въ глуши далекой и лѣсистой,
Развалина часовни родовой.
Все слышу я, вступая въ этотъ мшистый
Пріютъ церковно-гробовой,
Все слышу я: «Оставь ихъ міръ нечистый
Для тишины сей вѣковой!
Мечъ нашей славы, мечъ священный
Сними съ бедра, — онъ лишній въ эти дни,
Въ твой вѣкъ безстыдный и презрѣнный.
Передъ Распятымъ голову склони
Въ знакъ обрученія со схимой,
Съ затворомъ межъ гробами, — и храни
Обѣтъ въ душѣ ненарушимо».

27. VIII. 22.

Печаль рѣсницъ, сіяющихъ и черныхъ,
Алмазы слезъ, обильныхъ, непокорныхъ,
И вновь огонь небесныхъ глазъ,
Счастливыхъ, радостныхъ, смиренныхъ, —
Все помню я... Но нѣтъ ужъ въ мірѣ насъ,
Когда-то юныхъ и блаженныхъ!

Откуда-же являешься Ты мнѣ?
Зачѣмъ-же воскресаешь Ты во снѣ,
Несрочной прелестью сіяя,
И дивно повторяется восторгъ,
Та встрѣча, краткая, земная,
Что Богъ намъ далъ и тотчасъ вновь расторгъ?

27. VIII. 22.

Колоколовъ средневѣковый
Пѣвучій зовъ, печаль времянь,
И счастье жизни вѣчно новой
И о быломъ счастливый сонъ.

И чья-то кротость, всепрощенье
И утѣшенье: все пройдетъ!
И золотыя отраженья
Дворцовъ въ лазурномъ глянци водъ.

И дымка млечнаго опала
И солнце, смѣшанное съ нимъ,
И встрѣчный взоръ и опахало
И ожерелье изъ коралла
Подъ катафалкомъ водянымъ.

28: VIII. 22.

Шепнуть заклятіе при блескѣ
Звѣзды падучей я успѣлъ,
Да что измѣнитъ нашъ удѣлъ?
Все тѣ же топи, перелѣски,
Все та же полночь, дичь и глушь...
А если бъ даже Божья сила
И помогла, осуществила
Надежды нашихъ темныхъ душъ,
То что съ того?

Ужъ нѣтъ возврата
Къ тому, чѣмъ жили мы когда-то,
Потерь не счесть, не позабыть,
Пощечинъ отъ солдатъ Пилата
Ничѣмъ не смыть — и не простить,
Какъ не простить ни мукъ, ни крови,
Ни содроганій на крестѣ
Всѣхъ убіенныхъ во Христѣ,
Какъ не принять грядущей нови
Въ ея отвратной наготѣ.

28. VIII. 22.

ВХОДЪ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!»
И съ яростнымъ хрипомъ въ груди,
Съ огнемъ преисподней
Въ сверкающихъ гнойныхъ глазахъ,
Вздувая всѣ жилы на шеѣ,
Вопя все грознѣе,
Калѣйка кидается въ прахъ
На колѣни,
Пробившись сквозь шумный народъ,
Ощеривши ротъ,
Щербатый и въ пѣнѣ,
И руки раскинувъ съ мольбой —
О мщеньи, о мщеньи,
О пирѣ кровавомъ для всѣхъ обойденныхъ судьбой —
И Ты, Всеблагой,
Свѣте тихій вечерній,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взоръ,
Ты вступаешь на кроткомъ осяти
Въ роковыя врата — на позоръ,
На пропятъе!

29. VIII. 22

ВЕСНА 1886 г.

Была весна и жизнь была легка.
Зіяла адомъ свѣжая могила,
Но жизнь была легка, какъ облака,
Какъ тотъ дымокъ, что вѣялъ изъ кадила.

Земля, какъ зацвѣтающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стихъ и первая любовь
Пришли ко мнѣ съ могилой и весною.

Гдѣ этотъ взоръ, сіявшій небомъ мнѣ?
Гдѣ та весна и гробныя рыданья?
Одинъ погостъ въ далекой сторонѣ,
Одинъ призывный сонъ воспоминанья!

И что ни годъ, тѣмъ все призывнѣй онъ,
Все радостнѣй, все чище и нетлѣннѣй,
И ужъ другой, нездѣшнѣй небосклонъ
Сіяетъ мнѣ красой своей весенней.

И это ты, простой степной цвѣтокъ,
Забытый мной, отцвѣтшій и безвѣстный,
Ты первая взошла на мой порогъ,
На утрѣ дней попрапа смерть, какъ Богъ,
И увела въ міръ вѣчный и чудесный!

9. IX. 22.

ПЪТУХЪ НА ЦЕРКОВНОМЪ КРЕСТЪ.

Плыветъ, плыветъ, бѣжитъ, бѣжитъ . . .
Какъ высоко его стремитъ,
Какъ ровно, бережно, легко
И какъ безбрежно далеко!

Онъ круто выгнуть, гордь и простъ,
Кормою поднять длинный хвостъ . . .
Назадъ бѣжитъ весь небосводъ,
А онъ впередъ — и все поетъ.

Поетъ о томъ, что мы живемъ,
Что мы умремъ, что день за днемъ
Идутъ года, текутъ вѣка —
Вотъ какъ рѣка, какъ облака.

Поетъ о томъ, что все обманъ,
Что лишь на мигъ судьбою данъ
И отчій домъ и милый другъ
И кругъ дѣтей и внуковъ кругъ.

Поетъ о томъ, что держитъ бѣгъ
Въ чудесный край его ковчегъ,
Что вѣченъ только мертвыхъ сонъ
Да Божій храмъ да крестъ да онъ!

СОДЕРЖАНІЕ

Роза Иерихона	7
Сны Чанга	9
Петлистая уши	29
Соотечественникъ	45
Старуха	55
Отто Штейнъ	61
Постъ	67
Третьи пѣтухи	70
Исходъ	73
Готами	82
Метеоръ	86
Темиръ-Аксакъ-Ханъ	92
Ночь отреченія	97
Безумный художникъ	100
Косцы	113
О дуракъ Емелѣ	120
Конецъ	130
Звѣзда любви	142
Преображеніе	147
Далекое	152
Неизвѣстный другъ	162

Въ ночномъ морѣ	174
Въ нѣкоторомъ царствѣ	185
Огнь пожирающій	189
Несрочная весна	198
Стихотворенія	213

Отпечатано въ типографіи
Максъ Маттиссонъ, Берлинъ